

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ГОУВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н. П. Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

2/2011
(№ 75)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 5 **Е. У. Байдаров.** Центральная Азия: проблемы и противоречия интеграции
- 15 **Е. А. Когай, К. А. Комков.** Повышение имиджа региона как задача социокультурной политики
- 22 **М. Ф. Глухова.** Инфраструктура региональной молодежной политики: основные признаки и типологии
- 32 **В. П. Миничкина, С. С. Артемьева.** Индикативное планирование как механизм выравнивания различий в уровнях социально-экономического развития регионов
- 43 **В. И. Добрынина, А. С. Ляховец.** Города современной России: урбанизационный подход
- 51 **Е. А. Ермолаева.** Информационная среда управления малого города: состояние, проблемы и тенденции развития

Экономика региона

- 56 **В. В. Смирнов.** Парадигма и концепция эффективного социально-экономического развития региона
- 64 **О. С. Панфилова.** Информационная поддержка управления бизнес-процессами
- 70 **Т. Б. Малинина.** Зависимость меры труда от меры потребления в социально-экономическом развитии региона
- 81 **Л. М. Кожевникова.** Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства России и Восточной Сибири в рыночных условиях
- 92 **Б. И. Ломакин, Н. К. Афонина.** Социально-экономическая оценка модернизации молочной отрасли
- 99 **Е. И. Чепина.** Развитие регионального рынка электроэнергетики
- 107 **А. М. Мордвинов.** Повышение производственного потенциала промышленного предприятия на основе эффективного использования электроэнергии

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 115 **Н. А. Филиппова, М. С. Лебина.** Совершенствование организации взаимодействия правоохранительных и налоговых органов региона в борьбе с правонарушениями и преступлениями в налоговой сфере

Региональные проблемы науки и образования

- 122 **Т. А. Кузнецова, А. А. Ташкинов, В. Д. Черкасов.** Национальный исследовательский университет как центр инновационной деятельности региона
- 135 **М. Б. Гитман, Н. Н. Матушкин, И. Д. Столбова, С. И. Пахомов.** Оценка качества подготовки выпускников аспирантуры к инновационной деятельности
- 140 **О. Ю. Осипова.** Профессиональные компетенции, ценности и социальный статус молодых ученых региона
- 147 **Л. А. Давлетшина.** Формы и методы профессиональной ориентации будущих специалистов в муниципальных образовательных учреждениях региона

Социология региона

- 155 **В. В. Авдеев.** Сфера потребления и качество жизни трудового населения региона
- 164 **С. Э. Майкова.** Адаптация персонала промышленных предприятий региона как социальная детерминанта внутриорганизационных изменений
- 171 **Т. В. Фогель.** Социально-помогающие практики в координатах социальных измерений в регионе
- 176 **Н. А. Филиппенко.** Социальное одиночество подростков региона: проблема социализации

Социальное развитие региона

- 182 **И. В. Иванов.** Составляющие программы реализации инвестиционного потенциала пенсионных накоплений на региональном уровне
- 189 **Р. Р. Ураев.** Проблемы эффективности негосударственного пенсионного обеспечения: региональный аспект
- 195 **Д. А. Егоров.** Дополнительные факторы, способствующие успешной социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детском доме

Информационное пространство региона

- 201 **Е. Н. Мелешина.** Становление информационного вещания в региональном телеэфире
- 207 **О. Р. Мухаев.** Проблемы социальной рекламы в регионе

Народы России: возрождение и развитие

- 216 **А. Р. Шарипов.** Конфессиональный и национальный факторы в процессе глобализации
- 225 **Ю. Г. Юшкова-Борисова.** Этнические особенности населения России и их влияние на процессы производства в регионах

Философия в регионе

- 236 **Ю. В. Кузнецов.** Геополитические идеи и экуменизм В. С. Соловьева

Региональная история и историография

- 245 **О. В. Спицина, Т. Н. Охотина.** Хозяйственная деятельность как фактор развития норм обычного права сельского населения Мордовии в конце XIX — начале XX в.
- 252 **С. А. Махалов.** Пицца и утварь мордвы Петровского района Саратовской области

Провинциальная культура

- 266 **Круглый стол «Современные культурные практики: от фундаментального до регионального»**
- 266 **М. В. Логинова.** Проблема инновации в культуре
- 268 **Н. И. Воронина.** Философское «собрание» человека как концепт информационного пространства «культурных гнезд»
- 270 **С. В. Фунтиков.** Представления о пространстве: от «пустоты» до «творения»
- 271 **И. Н. Пронина.** Потребительские практики: производство различий или игра различиями
- 272 **Л. А. Щипакина.** Антирационализм и антитехнизм в контркультурном движении
- 274 **А. В. Индриков.** Эскапизм: предпосылки феномена и определение понятия
- 275 **А. Д. Еремеев.** Этническое, национальное и общечеловеческое в художественной культуре
- 276 **Г. М. Агеева.** Библиофильство как культурная практика
- 278 **Ю. А. Елисеева.** Проблема этнонациональной толерантности: психолого-культурологический аспект
- 279 **И. В. Трemasкина.** Абсурд повседневной жизни
- 280 **Л. В. Кильдюшова.** Транскультурный опыт и эстетический подход к музыкальной интерпретации
- 283 **Н. Л. Новикова.** Приметы России XXI в.

- 284 **Н. Ю. Лысова.** Город как пространство культурно-исторической памяти
- 285 **Ю. В. Кузнецова.** Образовательный компонент в региональной политике России
- 287 **И. Л. Сиротина.** Альтернативные культурные парадигмы
- 288 **А. Ю. Сиротин.** Российский театр на рубеже столетий
- 289 **Д. В. Никитин.** Формирование рекламы в России: от столицы до провинции
- 291 **В. М. Резонова.** Подвижничество купцов-предпринимателей в мордовском крае
- 292 **О. Н. Прокаева.** Особенности праздника как культурного феномена
- 294 **Н. И. Учайкина.** Образ верховного бога в финно-угорской мифологии (сравнительный анализ)
- 296 **И. В. Клюева.** Проблема национального и этнического в творчестве Степана Эрьзы
- 297 **Т. А. Шигурова.** Информационный потенциал текста мордовского костюма
- 298 **В. С. Святогорова.** Традиция и новации в творчестве народных мастеров Мордовии
- 300 **Ю. А. Кондратенко.** Некоторые аспекты развития балетного театра Мордовии
- 301 **С. А. Исаева.** Образ «фольклорного фортепиано» в творчестве композиторов Мордовии
- 303 **Е. Н. Ломшина.** Семья как ценность в культуре (на примере финно-угорских народов)
- 304 **Т. К. Решетникова.** Проблема отчуждения в массовой музыкальной культуре Мордовии
- 305 **М. А. Мастина.** Родильные обряды мордвы
- 307 **А. С. Морозов.** Праздничная культура мордвы: «Раськенъ озкс»
- 308 **М. П. Семина.** Роль «веры» в генезисе традиции (на примере религиозной традиции терюшевской мордвы)
- 309 **В. В. Леонов.** Этнокультурный экотуризм в Мордовии
- 310 **Е. М. Гусарова.** Проблема синтеза в исторических песнях мордовского и русского этноса
- 313 **А. Б. Пермиловская.** Проблема сохранения культурных ландшафтов сельских исторических поселений Русского Севера

Е. У. БАЙДАРОВ

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ
И ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНТЕГРАЦИИ**

Ключевые слова: глобализация, регионализация, интеграция, регион, Центральная Азия, геополитика, культурно-цивилизационное пространство, экономика, политика, национальные интересы

Key words: globalisation, regionalisation, integration, region, Central Asia, geopolitics, cultural and civilisation space, economics, politics, national interests

В условиях глобализации развитие центральноазиатского социума характеризуется многократным усложнением его региональной структуры и расширением этнокультурных связей, а также возрастающей зависимостью от действий внешних факторов. При этом экономические, политические, социальные, этнические процессы центральноазиатского общества все теснее переплетаются и взаимодействуют между собой.

Глобализация связана с процессом модернизации и в известном смысле является ее продолжением. С одной стороны, характер и результаты модернизации определяют направление и становление глобального мира, с другой — глобализация вносит существенные коррективы в процессы модернизации. Однако глобализация — далеко не единственный путь социокультурного развития, и желание сохранить альтернативные формы эволюции проявляется в росте самостоятельности региональных и локальных (местных) культур. Глобализация невозможна без региональных систем, являющихся активными участниками этого процесса. В отличие от глобализации, истоки противоречия которой кроются в попытке объединить разновозрастные структуры в более сложную структуру — мировую цивилизацию, *регионализация* — есть внутренняя интеграция для сохранения

БАЙДАРОВ Еркин Уланович, старший научный сотрудник Института философии и политологии Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат философских наук (г. Алматы).

самостоятельности национальных рынков, этнокультурного своеобразия и т. д.¹

Регионализация связана с формированием и эволюцией сложных, основанных не только на организации, но и самоорганизации территориальных общностей и их структур, начиная с субрегиональных подсистем национально-государственных комплексов и заканчивая суперрегиональными образованиями. Регион — *культурно-цивилизационное понятие*. Являясь относительно самостоятельным, он вовсе не самодостаточен как *подсистема* глобальной целостности, вне ее взаимосвязи и взаимообусловленности представляет собой просто территорию. Это обуславливает проблему способов межрегиональных взаимосвязей.

В начале XXI в. региональная интеграция становится отличительной чертой мирового развития. Многие страны объединены в региональные блоки, причем их сила несопоставима с возможностями отдельной страны, что усиливает роль социальных аспектов интеграции. В культурно-цивилизационном отношении особого внимания заслуживает идея создания Союза Центральноазиатских Государств (СЦАГ). Она была выдвинута Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым еще в 2005 г. и является по существу возрождением идеи туркестанского федерализма. Ее яркими представителями были лидеры национального движения М. Шокай, М. Бехбуди, Т. Рыскулов, А. Фитрат, С. Ходжанов и др. Историческая практика показывает, что туркестанская федерация, идея единства среднеазиатских народов, перспективна. Особенно это касается экономической интеграции.

Эта идея нашла поддержку у самых бедных на сегодня государств Центральной Азии — Кыргызстана и Таджикистана. Однако Президент Узбекистана И. А. Каримов, которого называют конкурентом Президента Казахстана в борьбе за роль неофициального лидера региона, категорично высказался против создания СЦАГ. Причем это было сделано узбекским лидером в Астане во время официального визита. Однако следует отметить, что роль региональных экономических связей в дальнейшем будет только усиливаться. Следовательно, с одной стороны, успех экономического регионализма должен укрепить сознание принадлежности к одной цивилизации, с другой — экономический регионализм может быть успешным тогда, когда он коренится в общности цивилизации².

Если прежде принадлежность к иным цивилизациям признавалась вопросом различия, то сейчас она становится центральным звеном мировоззрения. При этом, как замечает А. И. Уткин, подлинными основами бытия ныне «оказываются цивилизационные основания, т. е. группирование не против страны X, не за страну Y, не вокруг Z, а вокруг фактов своей истории и географии, в нише своей культурно-исторической, цивилизационной общности»³. При этом важно отметить, что процесс глобализации, навязываемый Западом по своим образцам остальным цивилизациям, на рубеже тысячелетий столкнулся с ситуацией, когда эти цивилизации противопоставляют выработанные веками традиции, ментальные и геополитические коды, историко-культурную память, моральные и религиозные нормы и каноны. Именно с позиций этой целостности следует принимать сегодня глобальные решения всем государствам Центральной Азии, координировать и интегрировать свои усилия.

В эпоху глобализации среди преимуществ экономической интеграции государств центральноазиатского региона можно выделить рост масштабов производства; увеличение размеров рынка, что особенно важно для стран с малой емкостью национального рынка; повышение производительности труда вследствие возрастающей конкуренции между странами; обеспечение лучших условий труда; рост эффективности в результате распространения технологических, маркетинговых и управленческих ноу-хау; улучшение инфраструктуры. Все это в итоге должно содействовать экономическому росту и повышению уровня жизни населения⁴.

Сегодня страны региона относятся частично к индустриальным обществам, для которых характерен *вторичный сектор экономики* (промышленность, занимающаяся переработкой сырьевых ресурсов, а также включающая отрасль последующего изготовления различных товаров), частично — к доиндустриальным странам с *первичным сектором экономики*, для которых характерны отрасли, непосредственно производящие различные виды сырья и продукции, включая сельское хозяйство, горнодобывающую отрасль, рыболовство и т. п. При этом Центральная Азия — это один из самых обеспеченных в мире энергоресурсами регион. Так, согласно международным источникам, Казахстан по запасам нефти занимает 8-е место в мире (3,4 % мировых запасов нефти,

или 39,62 блн барр.). На долю Туркменистана приходится более 4 % (4,3 %) мировых запасов газа⁵. По добыче угля региону принадлежит 10-е место в мире, он лидирует по запасам черных и редких металлов, а по добыче более 30-ти из них находится на 1—20-й позиции. По совокупному производству золота (Узбекистан — 90 т, Кыргызстан — 24 т, Казахстан — 18,9 т) регион занимает 9-е место⁶.

Вполне естественно, что регион, богатый нефтью, газом и цветными металлами, а также расположенный на значительной территории между такими крупными лидерами, как Россия, Китай и исламский мир, привлекает внимание основных игроков мировой политики и экономики. Для эффективного противодействия издержкам глобализации страны Центральной Азии должны, на наш взгляд, усилить кооперацию в рамках региональной интеграции, чтобы не остаться на периферии мировых экономических процессов в качестве сырьевой базы. Фактически речь идет о выживании стран региона и их становлении как самостоятельных экономических и политических игроков. Кроме того, следует помнить о влиянии мирового финансового кризиса, который может ускорить процесс появления новых центров экономического роста. Не стоит забывать и о том, что в регионе есть очень много проблем, которые невозможно решить в одиночку (начиная с проблем с водой и заканчивая проблемами с миграцией). Без общих усилий они приобретают латентную форму и в будущем приведут к серьезным последствиям.

XXI в. как век глобализации и интеллектуального развития должен стать эпохой пробуждения и становления новой Центральной Азии, уважаемой и признаваемой мировым сообществом. Иными словами, это должен быть регион высокой культуры и цивилизации, где культурно-цивилизационное обновление государств должно стать приоритетным в его развитии. Однако сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что уровень социальной защищенности, показатели здоровья, а также уровень жизни, образования, культурного развития населения, преступности и охраны окружающей среды в Центральной Азии остаются одними из худших в мире. Так, согласно Докладу ООН о развитии человека в 2010 г., только Казахстан оказался в списке стран с высоким уровнем развития — 66-е место, в то время как Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан входят

в список стран с самым низким уровнем развития человеческого потенциала, занимая, соответственно, 102-е, 109-е и 112-е места между Микронезией (103), Гайаной (104), Нимибией (105), Гондурасом (106), Индонезией (108), ЮАР (110) и Сирией (111). Богатый газом Туркменистан занял в этом списке 87-е место. Кроме того, Казахстан оказался на 50-м месте среди 110 стран мира в рейтинге национального благосостояния Legatum Prosperity Index Исследовательского института международной инвестиционной группы Legatum⁷, что свидетельствует о лидерстве Казахстана в регионе.

Следует признать, что в современной Центральной Азии, несмотря на значительный человеческий и природный потенциал, накапливаются серьезные проблемы. Ресурс относительно стабильного развития без проведения продуманных социальных реформ может постепенно исчерпаться. Негативное влияние существующих в государствах региона проблем экстремизма, наркобизнеса, нелегальной миграции в другие страны вызывает серьезную обеспокоенность всего мирового сообщества и требует скоординированной политики государств региона, а для этого необходимо дальнейшее углубление регионального и международного сотрудничества. Очевидно, что политическая, экономическая и социокультурная интеграция жизненно необходима странам региона. Однако в отличие от потенциальных возможностей интеграции ее реальные возможности в настоящее время, к сожалению, невелики, поскольку превалируют узконациональные интересы стран региона, а разнонаправленность и неадекватность экономических преобразований пока в большей мере обуславливают дезинтеграцию⁸.

В связи с этим взаимоотношения между некоторыми государствами региона (Казахстаном и Узбекистаном, Узбекистаном и Таджикистаном) правильнее было бы охарактеризовать относительно напряженными, чем братскими, дружественными, партнерскими. Однако в последнее годы именно под влиянием вышеназванных глобализационных процессов разрабатываются модели, варианты их интеграционного развития. Заинтересованность государств региона в скоординированных действиях объективна, ибо в регионе много проблем, одинаково актуальных и значимых для каждого государства в отдельности и для всех вместе взятых. С учетом этого тенденция к сближению государств региона

по многим позициям за последние годы становится очевидной. Многообразие подходов к формам установления партнерских отношений не является препятствием к осознанию странами Центральной Азии важности упрочения взаимосвязей, от чего во многом зависит будущее развитие региона в целом. Сегодня это приобретает вид различных двухсторонних, многосторонних договоров о совместных действиях в политической, экономической, культурной и других сферах, хотя реальная отдача от них пока отнюдь не велика.

Существующие на пути улучшения нормализации этих отношений барьеры отчасти связаны со сложными процессами геополитического культурно-цивилизационного самоопределения государств региона. Точки зрения стран региона к интеграционным процессам лежат в разных плоскостях. Это часто проявляется в противопоставлении социокультурных преимуществ кочевнической и оседлой культур, «подпитывающем» чувство недоброжелательности, часто испытываемое населением стран друг к другу, что ведет к усилению тенденции взаимного отчуждения у народов региона. Следует отметить, что поощрение такого опыта некоторыми идеологами стран региона на фоне происходящего в мире стремления к сближению позиции по важному вопросу взаимного сотрудничества выглядит парадоксальным и непрагматичным. Вместо идеи единой цивилизационной общности в отдельных государствах одерживает верх примордиалистский подход, когда оспаривается право другого не только на возможность доступа к общему культурному наследию, но и на их экзистенцию. Распространение такой мифологической волны примордиалистского национализма на этом пространстве, где всегда чувствовалось преобладание эмоционального мышления над рациональным, волей-неволей мешает отдаче приоритета диалоговому характеру взаимодействия культур населяющих его народов.

Наблюдаемое в последние годы сужение поля интерпретации социумом символов некогда бытовавшей культурно-цивилизационной общности требует усиления активной роли одной из стран региона в поиске и выработке согласованных действий в решении указанных проблем. Такую миссию на себя, на наш взгляд, мог бы взять Казахстан как наиболее интегрированная в мировую экономику страна региона. Но при этом сближение позиции государств региона в решении

общих проблем будет зависеть от перспективы сближения позиции не только великих держав, конкурирующих за расширение зоны своего влияния в регионе, но и готовности стран региона безболезненно воспринимать лидирующую роль более развитой страны. Противоречия, возникающие при взаимодействии стран, отводят в сторону приоритетность решения стоящих перед ними проблем. Разногласия возникают при решении «пограничных» проблем, выработке механизмов сотрудничества в областях культуры и образования, экономики, политики и т. д. Причины этих разногласий и противоречий видятся не только в личных амбициях лидеров, но и в различном уровне экономического развития стран региона. Однако в более широком контексте эти причины не являются определяющими по сравнению со все более усиливающейся фрагментацией политического пространства региона в результате скрытого столкновения разных геополитических интересов⁹.

Несмотря на политические границы, отделяющие страны центральноазиатского региона, народы живут в одном культурно-цивилизационном пространстве, имеют общие традиции, культуру, религию и историю. Естественно, разделить такое наследие невозможно. Это достояние принадлежит всему населению данного культурно-цивилизационного пространства. Понимание этого должно направить государства региона к новым идеям в отношении региональной интеграции для расширения их представления о ее возможностях.

Социально-философский и политологический анализ региональной интеграции государств Центральной Азии в эпоху глобализации актуален еще и потому, что может склонить страны региона к достижению наибольшего взаимопонимания и координации усилий для определения оптимальных механизмов интеграции, что в условиях глобализации является важным фактором в укреплении культурной безопасности и противостоянии вызовам и силам, стремящимся утвердить в сознании людей чуждые им взгляды и культурно-цивилизационные ценности.

В сложившихся условиях добиться интеграции невозможно. Даже интеграция Европейского союза проходила эволюционным путем в течение полувека. По мнению казахстанского политолога Д. Сатпаева, существуют две причины, которые мешают этому.

Во-первых, это разные модели экономического и политического развития, несмотря на то что страны региона все авторитарны. Но у этих государств разные уровни авторитаризма и открытости к внешнему миру. Если, например, Казахстан, одна из первых стран Центральной Азии, пострадал от кризиса, потому что активно влился в международное экономическое пространство, то Узбекистан и Туркменистан почти не пострадали, потому что их экономика была больше изолирована от внешних факторов. Страны региона также имеют разные темпы, уровни экономического развития и экономические модели. Их сейчас трудно совместить. Внешнюю политику этих авторитарных государств определяют только главы государств. Высокий уровень субъективизма, личные симпатии и антипатии мешают лидерам государств решать проблемы, от которых страдает население их стран (например, проблемы воды и энергетики). Когда Узбекистан заявил о том, что выходит из единой энергетической системы, то это вызвало большой резонанс в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане. Но через 10—15 лет, хотя бы этого или нет, странам региона придется решать проблему водоснабжения. Это можно сделать только при взаимодействии стран Центральной Азии в рамках кооперации.

Во-вторых, Казахстан как инициатор интеграции постепенно начинает охладевать к идее создания СЦАГ, больше делая акцент на развитие таможенного союза с Россией и Белоруссией, который с 1 января 2010 г. стал функционировать официально. Переориентация от Центральной Азии к Белоруссии и России, в сторону ЕврАзЭС, показывает, что он начинает немного разочаровываться, в том числе и в региональных перспективах¹⁰.

Если же вести речь о перспективах взаимодействия, то Д. Сатпаев выделяет несколько этапов, которые в идеале могли бы привести к созданию не интеграционного объединения, а хотя бы основы для кооперационного взаимодействия, а в перспективе и интеграционной.

1. *Наличие политической воли.* Без нее ни один проект не может быть реализован. Это значит, что все правящие элиты в странах Центральной Азии перспективы развития своих стран должны связывать с перспективой развития региона в целом. Политическая воля предполагает взаимное уважение друг к другу и определенное равноправие.

2. *Приграничная торговля* во многом означает открытое взаимодействие (открытие границ, создание приграничных зон торговли, свободных экономических зон и т. д.). Она будет стимулировать развитие регионов, их различные сферы. Создание единого таможенного пространства позволит в какой-то степени унифицировать таможенное законодательство и создать благоприятные условия для перемещения товаров в рамках Центральной Азии.

3. *Создание единого таможенного пространства* вполне реально, но для этого необходимо уйти от однобокой экономической развитости государств региона (почти все страны Центральной Азии — сырьевые государства).

4. В далекой перспективе ожидается последний этап — *создание единого экономического пространства*, когда необходимо будет создавать наднациональный орган, которому передоверялась бы часть экономического суверенитета. Наличие такого органа предполагает, что в его рамках все государства могли бы иметь равное количество голосов. Говорить же о создании политического союза не стоит, так как даже в долгосрочной перспективе о политическом единстве речи быть не может. Начать следует с экономики, так как в мировой практике нет ни одного удачного примера региональных объединений, которые бы базировались на слабых экономических проектах. Если государства Центральной Азии не смогут решить проблемы своего региона, то они по-прежнему будут напоминать бильярдные шары, которыми играют более крупные и конкурентоспособные страны¹¹.

Однако нельзя упускать из внимания тот факт, что любой интеграционный процесс может натолкнуться на дилемму, возникающую между экономикой и геополитикой: если первая стремится к интеграции национальных экономических систем и стратегий, то вторая начинает деформировать интеграционные процессы, имея различные притязания (этнонациональные, территориальные и др.), которые не вписываются в нормы стабильного и поступательного историко-экономического процесса. Результатом столкновения геополитических интересов становятся истощение политических ресурсов и возникновение конфликтных зон, что мы наблюдаем сегодня в Центральной Азии.

Таким образом, региональная интеграция — это не только безальтернативный путь к стабильности, прогрессу, экономической и военно-политической безопасности, но и

к укреплению авторитета Центральной Азии в мировом сообществе. Развитие интеграции на региональном уровне становится одним из важных путей преодоления глобального кризиса. Поэтому стоит согласиться с тезисом «альтернативы интеграции нет»¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Астафьева О.Н. Культурно-цивилизационные грани глобализации // Глобализация: учебник / под общ. ред. В.А. Михайлова, В.С. Буянова. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 179.

² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 21—24.

³ Уткин А.И. Атлантический и иные миры: цивилизационные барьеры // США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков / под ред. А.И. Уткина. М., 2000. С. 173.

⁴ См.: Тукумов Е. Интеграция: альтернативы нет // Central Asian Monitor. Общественно-политическая газета. 2010. № 24. 25 июня — 1 июля.

⁵ См.: BP Statistical Review of World Energy. L., 2009. P. 251.

⁶ См.: Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. 20-е, юбилейное издание. М.: Весь Мир, 2010. С. 312.

⁷ См.: Казахстан поднялся на 50-е место в рейтинге национального благосостояния Legatum // ИА Новости-Казахстан. URL: <http://newskaz.ru/economy/20110125/1079112.html> (дата обращения: 25.01.2011).

⁸ См.: Чэнь Циминь. Центральная Азия: политические процессы и региональная безопасность. Алматы, 2002. 172 с.

⁹ См.: Идиев Х. Плюральное социокультурное пространство в странах Центральноазиатского региона и перспективы их диалогового взаимодействия // Роль историко-культурного наследия в диалоге цивилизаций. Алматы: Ин-т культурной политики и искусствознания, 2009. С. 66.

¹⁰ См.: Султан Хак-Аккуыулы. Лидеры Центральной Азии уже почти 20 лет говорят об интеграции, которой нет // Радио «Азаттык». URL: <http://azattyq.org/athour/19067> (дата обращения: 22.01.2010).

¹¹ Там же.

¹² Тукумов Е. Интеграция: альтернативы нет ...

Поступила 22.02.11.

Е. А. КОГАЙ, К. А. КОМКОВ ПОВЫШЕНИЕ ИМИДЖА РЕГИОНА КАК ЗАДАЧА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ¹

Ключевые слова: имиджевая политика, целевая аудитория, потенциал развития, коммуникационное пространство

Key words: image policy, targeted audience, development potential, communicative space

На современном этапе социально-экономического, политического и культурного развития Курской области ее имиджевая привлекательность в значительной степени зависит от потенциала региона и от того, как этот потенциал используется. В условиях рыночной экономики идет постоянная конкуренция за инвестиционные ресурсы между государствами, регионами, городами и предприятиями. При этом успех стратегии развития территориальных и социально-экономических образований во многом зависит от имиджевой политики органов власти, выстраивающей эффективную обратную связь с общественностью.

Исследования («Социологический портрет региона: Курская область», «Курская область и ЦФО в динамике социокультурных измерений»), проведенные социологической научно-исследовательской лабораторией Курского государственного университета в 2006—2009 гг. на территории Курской области, показали наличие высокого природного, социального, историко-культурного потенциала региона и вместе с тем его недостаточное использование². Интернет-опрос, проведенный летом 2009 г. на портале KURSKSITY и охвативший более 300 респондентов, показал, что 69 % из них оценивают свой регион как «отстающий», хотя объективные данные свидетельствуют о том, что область занимает срединные позиции, а по ряду параметров находится выше средних как среди регионов ЦФО, так и по стране в

КОГАЙ Евгения Анатольевна, заведующая кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

КОМКОВ Константин Анатольевич, соискатель кафедры социологии и политологии Курского государственного университета.

целом. Проведенные исследования показали необходимость повышения динамики развития региона.

Грамотно выстроенная имиджевая политика позволяет значительно повысить инвестиционную привлекательность региона, увеличить финансовые поступления минимум на 20 %. Разработка стратегий и программ комплексного позиционирования регионов позволяет привлечь бюджетные и внебюджетные расходы на имиджевые, информационные, социокультурные и другие проекты. При использовании комплексного подхода результаты реализации таких проектов целенаправленно синтезируются в усиление бренда, развитие положительного образа региона и его руководителей в восприятии целевых аудиторий — органов федеральной власти, российских и зарубежных инвесторов, ассоциаций бизнеса, институтов гражданского общества, СМИ.

В качестве основных задач, связанных с повышением роли общественно-экономических и культурно-исторических символов Курской области в коммуникационном пространстве, следует назвать сохранение и повышение конкурентоспособности расположенных в регионе предприятий промышленности и сферы услуг; повышение степени идентификации граждан с территорией проживания; активное привлечение в область новых предприятий, связанных с индустрией в сфере культуры; привлечение внимания федеральной власти к проблемам и достижениям региона; повышение инвестиционной привлекательности области; увеличение потока туристов; развитие экологического туризма; широкое вовлечение населения в процессы решения региональных проблем. Целевой аудиторией при этом могут быть инвесторы и предприниматели, органы управления федерального и регионального уровней, СМИ, туристы и гости региона, мигранты и, безусловно, население Курской области.

Для продвижения региона в коммуникационном пространстве необходимо максимально использовать региональные ресурсы экономической политики и информационной работы. Профессиональное продвижение информации о достижениях и преимуществах области выступает одним из важнейших и вместе с тем недоиспользованных стратегических резервов региона. Контент-анализ федеральных СМИ последних трех лет показал, что о Курской области либо информации нет вообще, либо она появляется преимущественно в связи с

какими-либо происшествиями. Следует отметить, что центральные и региональные СМИ играют определенную роль в формировании стереотипов, оказывающих влияние на отношение к региону самых различных аудиторий, в том числе и населения этого региона. Следует отметить, что региональные СМИ часто драматизируют местные проблемы, не соотнося их с российскими и глобальными процессами.

В связи с этим актуализируется вопрос о роли СМИ как ресурса территориального развития для его эффективного использования в качестве инструмента позиционирования региона в коммуникационном пространстве. Особенно продуктивным такое влияние может быть на региональном уровне, где печатные СМИ при соответствующей информационной политике могут сыграть решающую роль в оздоровлении социальной и культурной ситуации в регионе. Вместе с тем пока можно привести совсем немного примеров того, когда региональные и муниципальные власти серьезно занимаются проблемой продвижения информации и поддержания благоприятного имиджа территории.

Субъективная составляющая имиджа региона включает оценку возможностей региона разными аудиториями (туристами, предпринимателями, отечественными и иностранными политиками, населением), созданную на основе их представлений, убеждений, ощущений и опыта. Следует подчеркнуть зависимость имиджа от действий региональных и местных органов власти. Важно акцентировать внимание на связи имиджа региона с воздействием на аудиторию СМИ. Значительный поток негативной информации о событиях в регионе в прошлом, а также замалчивание или отсутствие положительной информации о нем в настоящем так или иначе способствуют утверждению устойчивой отрицательной репутации региона. Однако сегодня ситуация такова, что без адекватной информации не будет доверия людей к планам и проектам развития региона и к действиям, предпринимаемым властями. Без доверия не будет инвестиций и развития производства. Наконец, без развития производства не будет экономического роста.

Курский край, как отмечалось выше, имеет значительный потенциал социально-экономического и культурного развития: обширная площадь, выгодное географическое положение (Курская область — южные врата России), развитая транс-

портная инфраструктура, давние традиции промышленного и сельскохозяйственного производства, наличие крупных объектов энергетики, богатые природные ресурсы, исторические и культурные традиции, значительный трудовой потенциал.

В Курской области представлены все основные типы «имиджевой привлекательности»: имидж территорий (Соловьиная столица России, курский чернозем); ивент-бренды, или «бренд-мероприятия» («Курская коренская ярмарка», «Соловьиная трель»); бренды региональных коллективных торговых марок («Курская водка», «Стрелецкая степь»); личный имидж (сестры Толмачевы, Александр Поветкин); исторические традиции (Курская битва, Рыльск); духовный центр России (Коренная пустынь).

Поэтому общий подход к развитию регионального имиджа предусматривает определение стратегии развития имиджа, перевод стратегии в планы развития территории, перевод стратегии в содержание и планы коммуникаций, управление реализацией плана коммуникаций.

Субъектами продвижения имиджа региона являются руководители администраций; органы и отделы, регулирующие инвестиционную деятельность территорий; структуры, ответственные за связь с общественностью, экономическое развитие, туризм, внешнеэкономическую деятельность, международное сотрудничество; руководители ключевых региональных компаний; СМИ; общественные организации; лидеры общественного мнения.

В продвижении имиджа региона Курская область находится «в начале пути». Соответственно, в качестве направлений разработки имиджевой стратегии можно назвать интернет-пространство (создание качественных порталов Курской области); формирование позитивных новостных поводов для федеральных СМИ; использование единой символики региона; партнерство с региональными бизнес-структурами (имиджевая ответственность бизнеса); привлечение к проблемам региона общественных организаций и лидеров общественного мнения; оперативное реагирование на «плохие» известия из региона; активное вовлечение в проблему развития имиджа ученых, журналистов, коммуникаторов; максимальную поддержку «островков» имиджевой идентификации региона.

Следует подчеркнуть, что использование культурного наследия в качестве фактора социально-экономического развития территории является сегодня одним из проектов инновационной политики развития России и ее регионов. Так, существуют и реализуются соответствующие проекты, охватывающие ряд областей России, например, проект развития расположенных в интервале между Москвой и Санкт-Петербургом Ленинградской, Новгородской, Псковской и Тверской областей. Целями проекта являются сохранение и эффективное использование культурного наследия как ресурса социально-экономического развития регионов. Его задачи состоят в повышении востребованности и доступности объектов культурного наследия, находящихся между Москвой и Санкт-Петербургом; в развитии соответствующей инфраструктуры с созданием взаимосвязанной цепи региональных культурно-экономических кластеров. Участниками проекта являются Министерство культуры России, Министерство финансов России, Министерство экономического развития России, администрации участвующих субъектов Федерации, Всемирный банк, Фонд инвестиционных строительных проектов Санкт-Петербурга. При этом финансирование проекта включает в себя средства федерального и регионального бюджетов, а также Всемирного банка. Сроки реализации проекта определены в краткосрочной (подготовительная стадия — 20 месяцев) и долгосрочной (период реализации — 6 лет) перспективе.

Следует отметить, что в разработке этого проекта выявлялись сильные и слабые стороны, близкие к отмеченным в курском крае. Сильными сторонами являются географическое и транспортное расположение регионов, возможность начала развития профессионального туризма, природные и культурные достопримечательности, а слабыми — средняя покупательная способность населения, ограниченные возможности государственного и частного секторов относительно принятия на себя ответственности и риска за развитие туризма, слабые туристические традиции, относительная ограниченность достопримечательностей для коммерциализации³.

Следует отметить, что развитие культурного и экологического туризма способно внести существенный вклад в развитие экономики региона. Известно, что в г. Санкт-Петербурге туризм создает около 10 % ВРП, обеспечивает

более 5 % налоговых доходов города. Туризм при этом формирует имидж Санкт-Петербурга как мощного политического, экономического и культурного центра мирового уровня.

Конечно, г. Курск сложно сравнить с Санкт-Петербургом — культурной столицей России. Однако и в курском крае следует внимательно приглядеться к недоиспользуемому ресурсу, связанному с развитием культурного и экологического туризма и культурно-исторического наследия. Это наследие следует оценивать как многомерное, многофункциональное. Важно подчеркнуть, что его использование возможно лишь в рамках концепции устойчивого развития региона, подразумевающей сохранение этого наследия и вписывание его в социально-экономические процессы региона.

Довольно сложным представляется оценка вклада культурного сектора в экономику региона и страны. Проблемой является и измерение совокупного продукта культуры. Дело в том, что культурно-историческое наследие многими рассматривается как исключительно гуманитарный ресурс, при этом не ожидается прямой экономической отдачи от инвестиций в эту сферу. Вместе с тем идея сохранения культурного наследия может быть представлена одним из направлений развития региона, а также возможностью создания нового вида общественных работ, направленных на консервацию, реставрацию и восстановление материально-культурного наследия. Есть примеры того, что обращение к проблеме восстановления культурного наследия привели в западных странах к созданию значительного количества рабочих мест, увеличили заработки в оптовой и розничной торговле и привели к росту ВВП.

А что в России? В 2007 г. был составлен реестр памятников культуры России и ее регионов в количестве 131 100 ед. Доля реставрируемых памятников в России составила 2 %, не менее 50 % нуждается в реставрации. В Центральном федеральном округе картина аналогична российской, и средств, необходимых на реставрацию, затрачивается в 25 раз меньше требуемых⁴. Следовательно, эта ниша имиджевой политики вместе с решением проблемы занятости населения нуждается в самом пристальном внимании.

Таким образом, становится очевидным, что настало время для разработки и реализации в регионе имиджевой программы, а на ее основе — для осуществления по-

следовательной социально-культурной политики региона, которая будет способствовать тому, чтобы курский край занял достойное место в жесткой конкуренции за привлечение инвестиционных ресурсов, умных и талантливых людей, креативных профессионалов и менеджеров, являющихся ключевыми ресурсами развития отраслей экономики постиндустриальной эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ и Администрации Курской области в рамках проекта «Позиционирование имиджа региона в коммуникационном пространстве» (проект № 10-03-72301 А/ц).

² См.: Когай Е.А., Пасовец Ю.М. Социокультурный потенциал развития Курской области: аналитический отчет по результатам социологического исследования. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. 61 с.; Когай Е.А. Социокультурный ресурс в инвестиционном потенциале регионов Центрального Черноземья // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск: «Универсум», 2009. С. 19—23.

³ См.: Лимонов Л.Э. Использование культурного наследия как фактор социально-экономического развития территории (на примере подготовки проекта с участием МБПР для 4-х субъектов РФ) // XI Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М., 6—8 апр. 2010 г. URL: http://conf.hse.ru/2010/prog_sections (дата обращения: 25.10.2010).

⁴ См.: Рубинштейн А.Я. Культурное наследие и развитие территорий // Там же.

Поступила 26.10.10.

М. Ф. ГЛУХОВА

ИНФРАСТРУКТУРА РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ТИПОЛОГИИ

Ключевые слова: государственная молодежная политика, региональная молодежная политика, инфраструктура молодежной политики, типология учреждений инфраструктуры региональной молодежной политики

Key words: state youth policy, regional youth policy, youth policy infrastructure, typology of institutions of regional youth policy infrastructure

Положение молодежи в современном обществе сигнализирует о ее социально-экономическом, социально-демографическом, социально-культурном неблагополучии. Как следствие, российский молодежный социум нуждается в активном государственном соучастии по широкому спектру вопросов, касающихся социально значимых сфер жизнедеятельности юношей и девушек: профессионального образования, труда, карьеры, материального обеспечения, семьи и досуга. При этом содержание государственной политики не должно сводиться только к компенсаторным механизмам (социальной защите, помощи, поддержке), когда «молодежь воспринимается как проблема, а ресурсы, выделяемые на молодежную политику, — как потери, которые необходимо минимизировать, т. е. направлять только в том случае, когда проблема начинает видимым образом влиять на социальное самочувствие общества»¹. Наиболее перспективным видится формирование государственной молодежной политики как «системы государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи»².

Развитие государственной молодежной политики в РФ проходит в единстве двух составляющих: федеральной и

ГЛУХОВА Марина Федоровна, доцент кафедры управления социальными процессами Московского городского университета управления Правительства Москвы, кандидат педагогических наук.

региональной. Объективная слабость федеральной составляющей определяет необходимость построения действенных моделей ее реализации на региональном уровне, в рамках которых осуществляется процесс управления социальным развитием молодежи, для «изменения социального положения (статуса), мотивационной сферы сознания (потребностей, интересов, ценностей) и интеграционного поведения молодежи в различных сферах общественного производства (в материальном производстве, в сферах распределения, обмена и потребления, в духовном производстве)»³, а также складывается целевая ориентация субъекта Федерации на решение конкретных проблем молодежного сообщества с учетом специфических особенностей молодежной среды, условий и возможностей социального, экономического, культурного развития региона⁴.

Формирование регионального компонента происходит опережающими темпами, так как органы законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации поставлены перед необходимостью решать молодежные проблемы, которые в постсоветском пространстве не только не утратили, а приобрели более острый характер. К ним относятся качество образования и профессиональной подготовки; трудоустройство выпускников учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования; конкурентность на рынке труда; обеспечение жильем; поддержка функционирования молодых семей; профилактика деструкций в молодежной среде и формирование здорового образа жизни; преодоление трудных жизненных ситуаций; социальная адаптация и интеграция молодежи с «особым статусом» (безработная и малообеспеченная молодежь, выпускники интернатных учреждений, молодые люди с инвалидностью и др.), а также юношей и девушек «группы риска» (склонные к зависимому поведению, отбывали наказание и т. д.).

Инфраструктура молодежной политики — это система государственных и муниципальных учреждений органов по делам молодежи, осуществляющих полифункциональную деятельность в целях социальной адаптации юношей и девушек, их интеграции в социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь страны, региона, поселения.

На федеральном уровне функционирования молодежной политики имеются предпосылки, определяющие становление

и развитие инфраструктуры молодежной сферы субъектов Федерации. Нормативно-правовые предпосылки регламентируют организационно-управленческую деятельность в сфере работы с молодежью. Во-первых, они закладывают базовые основы в создании государственных органов по делам молодежи в структуре исполнительной власти всех уровней, регулирующих организационно-административные основы становления молодежной инфраструктуры в субъектах (Постановление Верховного Совета Российской Федерации «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1993 г. № 5090-1). Во-вторых, они законодательно закрепляют виды учреждений органов по делам молодежи и направления их деятельности (Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ) и, в-третьих, определяют, что организация и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью отнесены к вопросам местного значения всех предусмотренных законодательством Российской Федерации типов муниципальных образований (городского или сельского поселения, муниципального района, городского округа, внутригородской территории города федерального значения) (Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ).

Концептуально-ориентационные предпосылки расставляют государственные приоритеты в части определения ближайших и среднесрочных перспектив развития инфраструктуры молодежной сферы путем «модернизации материально-технической базы учреждений по работе с молодежью, расширения их сети в качестве важнейшего средства решения задачи по вовлечению молодежи в социальную практику»⁵.

Содержательно-технологические предпосылки обуславливают выбор направлений, механизмов и средств социализации, самореализации, саморазвития молодежи, существующих в рамках соответствующих видов профессиональной деятельности специалистов учреждений органов по делам молодежи (социально-психолого-педагогической, социально-медицинской, правозащитной, культурно-досуговой, физкультурно-оздоровительной и др.).

Инфраструктура молодежной политики в субъектах Федерации складывается как система государственных и му-

ниципальных учреждений региональных и муниципальных органов по делам молодежи (социально-реабилитационные центры для подростков и молодежи, центры социально-психологической помощи молодежи, центры профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи, молодежные клубы и др.) с направленностью на реализацию потребностей молодежного социума в государственных (общественно-государственных) услугах (образовательных, досуговых, социальных, психологических, оздоровительных, социозащитных, правозащитных и т. д.).

Согласно решаемым задачам, инфраструктура молодежной сферы имеет признаки социальной организации, а качество ее функционирования зависит от уровня, особенностей и показателей социально-экономического развития региона. Региональный характер инфраструктуры молодежной политики субъекта Федерации проявляется во всей полноте благодаря присущим ей специфичным признакам: проблемной ориентированности, дифференцированности, технологичности, инновационности, прогностичности.

Инфраструктура молодежной политики является разновидностью социальной инфраструктуры, и, как следствие, ее основная задача состоит в ориентации на выявление социальных проблем, характерных для молодежного социума субъекта Федерации. Проблемная ориентированность означает владение информацией о социальных проблемах региональной молодежной среды, знание трудностей социализации молодежи с «особым статусом» и «группы риска», учет территориальных факторов риска социального неблагополучия молодых людей и молодых семей, предвидение возможной трансляции, т. е. «переноса» на молодежь региона социальных проблем, волнующих молодежное сообщество других регионов.

Дифференцированность позволяет инфраструктуре строить систему субъектно-ориентированного отношения к молодежи и молодежным группам, проживающим в регионе. Важным условием функционирования молодежной инфраструктуры становится ориентация на потребности в ее услугах со стороны разновозрастных групп молодежи (младшей, средней и старшей); молодежи, занимающей определенное социальное положение в структуре регионального социума (учащиеся, студенты, выпускники профессиональных учреждений, безработная молодежь, освобожденные из мест заключения

юноши и девушки и т. д.); молодежи, дифференцированной по гендерному признаку, состоянию здоровья, характеру семейной социализации, принадлежности к молодежным субкультурам, отношению к общественным организациям и др.

Технологичность характеризует сущность профессиональной работы с молодежью как специфичной деятельности с точки зрения ее многофункциональности, научно-методической оснащенности комплексом средств, необходимых для достижения результативности в решении молодежных проблем, а также формирования востребованных в молодежной среде направлений работы и видов услуг, оказываемых в территориальных учреждениях, и обеспечения соответствия количества и качества оказываемых услуг установленным стандартам.

Инновационность отражает развивающий характер деятельности учреждений органов по делам молодежи, суть которого состоит в разработке регионально ориентированных программ и проектов, направленных на решение жизненно важных молодежных проблем; в выборе направлений деятельности учреждения, способов и средств работы с молодежью, нацеленных на создание новых качеств, социальных навыков, социальных практик юношей и девушек; в оценке степени социализации молодежи в социально востребованных делах и меры их социальной ответственности за продукт совместной деятельности.

Прогностичность отвечает за обоснованный выбор и рациональную расстановку приоритетов в соответствии с социальной значимостью вопросов, касающихся настоящего и будущего регионального молодежного сообщества. Прогностичность объединяет все другие признаки и обеспечивает функционирование инфраструктуры как целостной социальной системы для реализации социального заказа по активизации интеллектуальных, профессиональных, демографических, культурных ресурсов молодого населения субъекта Федерации.

В 2009—2010 гг. Министерством спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации были проведены мониторинговые исследования с целью выявления состояния и динамики развития сети государственных и муниципальных учреждений, образующих инфраструктуру региональной молодежной политики. В качестве экспертов в исследовании

приняли участие представители 83 регионов РФ из числа представителей структурных подразделений органов по делам молодежи: министерств, департаментов, комитетов, профильных отделов.

Анализ результатов исследования позволил выявить состояние инфраструктуры региональной молодежной политики за последние два года. Установлено количество учреждений по субъектам Федерации, показаны основные направления их деятельности, виды услуг, количественные данные об оказанных услугах разным категориям и группам молодежи. Помимо этого, рассмотрены материалы, дающие развернутое представление об особенностях развития инфраструктуры молодежной политики субъектов РФ.

Одним из важнейших результатов анализа специфики функционирования инфраструктуры молодежной политики на региональном уровне в части ее нормативно-правового, организационно-функционального и концептуально-содержательного обеспечения стала разработка типологии учреждений органов по делам молодежи субъектов Федерации. Учреждения молодежной сферы инфраструктуры региональной молодежной сферы были сгруппированы на основе показателей, которые организационно, функционально, содержательно отражают специфику их деятельности с молодежью субъектов Федерации.

Учреждения инфраструктуры молодежной сферы, сгруппированные в соответствии с территориально-административным делением страны и различающиеся по масштабу решаемых государственных задач в отношении молодежи субъекта Федерации и ее проблем, вошли в состав первой группы: республиканские, краевые, областные, городские (имеются в виду города федерального значения), автономные области и округа; округа города федерального значения, а также города республиканского, краевого, областного подчинения и поселки городского типа краевого, областного подчинения; внутригородские районы, города районного подчинения, поселки городского типа и районного подчинения.

Вторая группа объединяет типы учреждений в соответствии с их ведомственной принадлежностью к государственным и государственно-общественным структурам, реализующим возложенные задачи в области молодежной политики (рассмотрено на примере г. Москвы): государственные

учреждения, являющиеся собственностью и находящиеся в ведении органов исполнительной власти города федерального значения (Департамент семейной и молодежной политики г. Москвы, Департамент культуры г. Москвы, Департамент труда и занятости населения г. Москвы, Департамент физической культуры и спорта г. Москвы, Комитет общественных связей г. Москвы); муниципальные учреждения, находящиеся в ведении органов местного самоуправления и осуществляющие свою деятельность в составе внутригородских муниципальных образований в соответствии с компетенциями в сфере досуговой, социально-воспитательной и спортивной работы с детьми, подростками и молодежью столицы.

Следующая типология учреждений инфраструктуры молодежной сферы учитывает показатели минимального обеспечения молодежи государственными и муниципальными учреждениями по месту жительства. Примером типологии может стать Ивановская область, в которой рассчитана нормативная потребность молодежи в региональных учреждениях по месту жительства с учетом усредненных характеристик учреждений каждого типа и в связи с его пропускной способностью для оказания услуг юношам и девушкам: многофункциональный молодежный центр, дом молодежи, молодежный центр профориентации и досуга.

Многофункциональный молодежный центр площадью 1 тыс. м² имеет пропускную способность для ежедневной работы не менее 150 юношей и девушек, или 54 750 чел. в год (20,2 % молодежи области). Дом молодежи площадью 0,6 тыс. м² имеет пропускную способность для ежедневной работы не менее чем со 100 юношами и девушками, что составляет 36 500 чел. в год (13,5 % молодых жителей области). Молодежный центр профориентации и досуга площадью 0,4 тыс. м² и пропускной способностью для ежедневной работы не менее 25 чел. может оказывать услуги для 9 125 молодых людей в год (3,4 % молодежи области).

Учреждения инфраструктуры региональной молодежной сферы могут различаться целевой ориентированностью на работу с определенными категориями и (или) группами молодежи или в связи с реализацией основных направлений региональной молодежной политики. Первая группа учреждений ориентирована на работу с целевыми категориями молодежи (молодежными группами) для оказания помощи

в преодолении проблем жизнедеятельности, повышения социальной защищенности, а также развития готовности к самообеспечению у молодежи и молодых семей «группы риска», молодых инвалидов, безработной молодежи (на примере деятельности Санкт-Петербургского учреждения «Городской центр профилактики безнадзорности и наркозависимости несовершеннолетних „КОНТАКТ“»). Не менее значимой является и работа с благополучной молодежью в профилактических целях или в связи с поддержкой их социальных инициатив в рамках реализации целевых региональных программ и проектов. В центре внимания этих учреждений находится конкретная социально активная группа молодежи, а именно представляет интерес удовлетворение ее потребностей в саморазвитии и самореализации, самосовершенствовании (на примере деятельности молодежного центра «Лидер» г. Москвы).

Деятельность учреждений второй группы связана с их участием в реализации актуальных направлений молодежной политики субъектов РФ, для чего организуется работа с разными категориями и группами молодежи в рамках выполнения комплексных региональных программ. В центре внимания учреждений находятся конкретные аспекты молодежной политики, касающиеся молодежного социума субъекта РФ (на примере деятельности учреждения «Центр развития добровольчества» Липецкой области).

Особой группой являются учреждения, различающиеся по характеру подходов к организации работы с молодежью. В учреждениях первого типа реализуются традиционные виды услуг посредством отработанных механизмов, способов и алгоритмов решения типовых проблем молодежного социума субъекта РФ (культурно-досуговые, спортивно-оздоровительные, информационные, профориентационные, профилактические, консультационные услуги, а также услуги по поддержке общественных инициатив молодежи). Учреждения второго типа используют индивидуально ориентированные методы, технологии и формы работы с молодежью. Последние направлены на решение нетиповых проблем и случаев, требующих комплексных действий со стороны психологов, педагогов, социальных работников, юристов: проект «Социальный патруль» для решения трудных жизненных ситуаций молодежи (г. Санкт-Петербург); система уличной социальной

работы «Дети улиц» (г. Москва); проект «Новое поколение» по работе с подростками и молодежью, которые совершили преступления (г. Санкт-Петербург); работа с неблагополучной молодежью «группы риска» по системе «выявление — консультативная помощь — реабилитация — индивидуальное сопровождение» (г. Тюмень); оказание срочной консультативной помощи юношам и девушкам посредством молодежного телефона доверия (г. Нижний Новгород).

К последней типологии отнесены учреждения, специализацией которых является конкретный вид профессиональной деятельности или комплекс направлений работы с молодежью субъекта РФ. В качестве примера конкретного вида профессиональной деятельности можно рассматривать работу по информационной поддержке молодежи Ярославского областного молодежного информационного центра. Профессиональная ориентация и трудоустройство молодежи — основные аспекты для Республиканской молодежной биржи труда (Чувашская Республика) и Республиканского центра содействия трудовой занятости молодежи (Республика Башкортостан). Социально-досуговая и социально-воспитательная работа с молодежью определена в качестве важнейших средств социализации юношей и девушек в центрах молодежных инициатив (Белгородская область) и патриотического воспитания граждан (Новосибирская область). Спортивная и физкультурно-оздоровительная деятельность приоритетна для Республиканского центра детско-юношеского спорта и туризма (Республики Коми). Организация дополнительного образования, наиболее востребованная в молодежной среде, осуществляется в Тульском региональном центре экономического воспитания. Социально-профилактическая работа Тюменского областного центра профилактики и реабилитации направлена на создание здоровьесберегающего пространства регионального молодежного социума.

Комплексная деятельность, включающая несколько видов и направлений работы с молодежью, реализуется в Мордовском республиканском молодежном центре, Региональном центре комплексного социального обслуживания детей и молодежи «Молодежь плюс» Саратовской области, а также во многих других учреждениях органов по делам молодежи субъектов РФ.

Разработанная типология учреждений органов по делам молодежи показывает многофункциональный характер ин-

фраструктуры региональной молодежной политики в части ее ориентированности на решение проблем российского молодежного социума, раскрытие потенциальных возможностей и ресурсов юношей и девушек, т. е. обеспечение организационных и технологических условий, позволяющих держать в области повышенного внимания такие стороны жизни юношей и девушек, от которых зависит не только их жизненное благополучие, но и качество функционирования разных областей социального, культурного, экономического развития субъекта Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тихонова Н.Е., Горшков М.К., Мчедлов М.П. и др. Российская молодежь: проблемы и решения: коллективная моногр. М.: Центр соц. прогнозирования, 2005. С. 564.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» от 18 декабря 2006 г. № 1760-р // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. III). Ст. 5622; 2008. № 11 (ч. II). Ст. 1059.

³ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000. С. 6.

⁴ См.: Глазунов И.В. Региональные особенности институционализации государственной молодежной политики в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 21 с.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собр. законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Поступила 22.12.10.

В. П. МИНИЧКИНА С. С. АРТЕМЬЕВА

ИНДИКАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ВЫРАВНИВАНИЯ РАЗЛИЧИЙ В УРОВНЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: региональная экономика, государственное регулирование, инструменты, планирование, индикативные методы, механизмы, индикаторы, эффективность

Key words: regional economics, state regulation, instruments, planning, indicative methods, mechanisms, indicators, efficiency

Государственное регулирование региональной экономики предполагает определение места, целей и приоритетных задач региональной политики. В свою очередь реализация региональной политики требует наличия механизма регулирования, с помощью которого удовлетворяются интересы как государства, так и регионов¹. Среди основных задач региональной политики принято выделять обеспечение достойного уровня жизни и постепенное выравнивание благосостояния

МИНИЧКИНА Валентина Павловна, исполняющая обязанности директора Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, кандидат экономических наук.

АРТЕМЬЕВА Светлана Степановна, профессор кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

населения в каждом регионе; преодоление социальных различий и диспропорций; формирование и укрепление экономической основы самостоятельного социально-экономического развития регионов (в том числе финансовую самостоятельность на основе принципов бюджетного федерализма); сглаживание объективно сложившихся межрегиональных различий в уровнях социально-экономического развития с использованием централизованной поддержки; осуществление принципов единства экономического пространства и свободы перемещения товаров, капитала, рабочей силы по всей территории России; обязательный учет государственного регулирования процессов формирования и функционирования местного самоуправления как важнейшего элемента гражданского общества и реализации демографических прав и свобод².

Важнейшим инструментом государственного регулирования и основным условием стабилизации и экономического роста должны стать восстановление в той или иной форме плановых начал в экономике РФ и ее субъектах, а также создание альтернативных процедур согласования действий государства и хозяйствующих субъектов, адекватных рыночному хозяйству.

Группа экономистов Института экономических проблем Кольского научного центра РАН считает, что «должен быть разработан рыночно регулируемый (социальный) сценарий будущего развития России, основанный на факторах усиления государственного регулирования экономикой, ускорения реструктуризации производства, институциональных преобразований, восстановления управляемости государственного сектора, введения индикативного планирования, адресной защиты нуждающихся, активизации инновационной и инвестиционной деятельности»³.

Российская экономика сегодня не может быть в полном смысле рыночной, но уже не является плановой. Таким образом, вопрос сочетания рыночных и плановых начал в такой современной экономике остается пока открытым⁴. Формирование современной системы регулирования связано с определением новых «правил экономической игры», которые устанавливаются государством и обязаны исполняться всеми участниками экономического процесса. Иными словами, они предполагают их законодательное закрепление.

Система включает, во-первых, восстановление управляемости экономики, во-вторых, внедрение индикативных методов регулирования, в-третьих, проведение селективной структурной политики на основе использования программных методов и т. д.

Преодоление противопоставления государства и рыночной экономики возможно на базе эффективного сочетания директивных (преимущественно в государственном секторе), индикативных и непосредственно рыночных (по отношению ко всем секторам) регуляторов экономического роста. При этом необходимо понимание не только характера государственного регулирования (директивное, индикативное, опосредованное, стимулирующее, контролирующее), но и изменяющейся природы рыночного саморегулирования. Особое место в нем занимает подсистема государственного индикативного регулирования, к основным звеньям которого относятся прогнозы развития экономики, собственно индикативное планирование, стратегическое управление, программно-целевое управление, корпоративное управление. Система государственного индикативного регулирования предполагает определение важнейших параметров социально-экономического развития и выражающих их количественных показателей; обеспечение адаптации всех элементов хозяйственного механизма и субъектов хозяйствования друг к другу и к складывающейся конъюнктуре в производстве и распределении; выбор и установление приоритетов в развитии экономики с учетом долговременных тенденций НТР и требований рыночного хозяйства.

Переход к системному индикативному планированию, связанному с включением рыночных технологий экономического регулирования и управления всеми сферами и направлениями воспроизводственного процесса на макро- и микроуровнях, нами рассматривается как одно из основных условий активной политики роста, производственной и финансовой реструктуризации и оздоровления крупных и средних предприятий независимо от их организационно-правовых форм. Речь идет о разработке и использовании в управлении взаимосвязанной системы индикаторов воспроизводственного процесса, в соответствии с которыми должны приниматься решения системного управляющего характера.

Институт планирования в странах с социалистической экономикой (до распада СЭВ и СССР) был основным звеном их хозяйственного механизма. «Демонтаж» экономики социалистического типа повлек сознательный отказ от традиционных процедур планирования. Между тем в этой системе было немало положительных моментов. В советской системе централизованного народно-хозяйственного планирования в гораздо большей степени (а не в меньшей, как сейчас) именно центром учитывались прогнозы, планы и интересы предприятий. Отечественный опыт изучался и использовался зарубежными экономистами, что позволяло избегать многих ошибок при создании национальных систем макропланирования, например, он был применен в японской и французской управленческой практике.

Системой централизованно-директивного планирования (ЦДП) накоплен опыт прогнозирования народно-хозяйственного развития. Современное макроэкономическое прогнозирование в рамках бюджетного процесса в России продолжает эти традиции с учетом изменений в производственных отношениях.

Заслуживает особого внимания и принцип приоритета решения среднесрочных и долгосрочных задач развития перед текущими. Важными представляются процедуры согласования планов в отраслевом и территориальном разрезе. Следует отметить, что и в системе ЦДП территориальные разрезы планов играли по существу индикативную, информационно-координационную роль.

Именно в отечественной плановой науке глубоко и многосторонне разрабатывались идеи оптимизации принятия решений, например, система оптимального функционирования экономики (СОФЭ), базировавшаяся, в частности, на межотраслевом балансе производства и распределении продукции (стоимостном и продуктовом). Многие теоретические и практические разработки не были внедрены по причине их чрезмерной «рыночности». Следует четко определить то, что желательно использовать в рыночных условиях из теории оптимального планирования — ядра СОФЭ. Основу последней составляли не директивные планы-задания, а процедуры согласования планов на макро- и микроуровнях с помощью цен и экономических нормативов. Идеи широкого применения нормативных методов планирования, а также

встраивания в него договорных отношений предприятий разрабатывались и в 80-е гг. XX в.

В СССР с 70-х гг. получили интенсивное развитие программно-целевые методы планирования, давшие возможность решать задачи синтеза механизмов достижения новых целей в рамках готовых систем, создавать новые, а также совершенствовать управление существующими. Одно из направлений, развивающихся в России в рамках программно-целевого подхода, — целевые комплексные программы (отраслевые, территориальные, федеральные).

В СССР был накоплен богатый опыт технико-экономического и финансового планирования на предприятиях (объединениях). С учетом современного перехода на международные стандарты бухгалтерского учета, финансового анализа и планирования следует совершенствовать и развивать опробованные технологии. Роль внутрифирменного планирования в зарубежных корпорациях общеизвестна. Она особенно велика в наукоемких и природоэксплуатирующих отраслях по причине длительности жизненного цикла изделий (месторождений) и капиталоемкости производства продукции. Однако сегодня в России происходит утрата ранее опробованных технологий планирования.

Предприятия, освобожденные от составления планов, не имеют стимулов к их разработке в новых условиях. Основные процессы, требующие долгосрочного подхода и предвидения (инвестиции, НИОКР, технологическая модернизация производства, создание новых видов технически сложной продукции, территориальная реаллокация производства), оказались второстепенными по сравнению с обеспечением элементарного выживания в настоящем и ближайшем будущем. В связи с этим необходимо использовать технологии регионального и внутрифирменного планирования, народно-хозяйственного прогнозирования и среднесрочного планирования.

Конечно, процедуры директивного «разверствования» планов, а также отсутствие компенсаторов и резервов (сбои и срывы выполнения планов), планирование «от достигнутого», принудительное повышение «напряженности планов», ориентацию на валовые показатели (а не на эффективность производства) следует рассматривать как неэффективные.

Известны четыре подхода к определению понятия «индикативное планирование», пониманию его сущности и

функций. Они опираются на опыт разных стран. В соответствии с первым подходом индикативное планирование определяется как *макропланирование при самостоятельности предприятий* (например, в Китае). Подобное понимание близко к трактовкам народно-хозяйственного планирования в условиях полного хозрасчета и самофинансирования в СССР (1988—1991 гг.), а также к ряду современных их интерпретаций.

Согласно второму подходу, индикативное планирование — *ориентирование частных предприятий на выполнение задач, формулируемых государством*. В Японии, например, разрабатываемые общегосударственные планы социально-экономического развития формально не являются законами, а представляют собой государственные программы, ориентирующие и мобилизующие отдельные звенья экономической структуры на их выполнение в общенациональных интересах. Иными словами, основная функция индикативного планирования — информационно-ориентирующая, выступающая и как мотивационная.

Сторонники третьего подхода особо подчеркивают, что индикативный план содержит *обязательные задания для государства и государственного сектора*, а частные предприятия ориентируются на этот план, как бы подстраиваясь под него, даже если это для них необязательно.

Четвертый подход рассматривает индикативное планирование как *механизм координации действий и интересов государства и других субъектов экономики*. Его основной функцией, помимо информационной, является координация, т. е. согласование деятельности «центра», отраслей и предприятий в процессе самостоятельной разработки последними их производственно-хозяйственных программ. Четвертому подходу соответствует французская практика индикативного планирования, в рамках которого правительство воздействует на экономическое развитие, скорее, посредством координации и обеспечения информацией, чем путем принятия решений и выдачи указаний. В этой системе плановые показатели не являются обязательными (директивными), а выступают в качестве экономических индикаторов — носителей информации относительно ожидаемой экономической конъюнктуры. Индикативное планирование представляет собой одновременно институт государственного регулирования экономики

и институт ее саморегулирования, корректирует дефекты рыночного механизма и изъяны прямого государственного вмешательства в воспроизводственные процессы.

Точка зрения на сущность и функции индикативного планирования, которая может считаться наиболее приемлемой, вобравшей в себя все ценное из различных подходов и наиболее соответствующей российским реалиям, на наш взгляд, может быть выражена в следующей форме: *индикативное планирование — это механизм координации интересов и деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой, сочетающий ее государственное регулирование с рыночным и нерыночным саморегулированием, основанный на разработке системы показателей (индикаторов) социально-экономического развития и включающий определение его важнейших приоритетов, целеполагание, прогнозирование, бюджетирование, программирование, контрактацию и другие процедуры согласования решений на всех уровнях, а также государственную поддержку хозяйствующих субъектов, участвующих в реализации плана.*

Переход индикативного планирования из одной формы в другую («конъюнктурная» — «структурная» — «стратегическая») предполагает повышение степени его зрелости, меры «отлаженности» взаимодействия всех институтов регулирования. Этот исторический путь российской экономике еще предстоит пройти.

Единство бюджетно-налогового регулирования и государственного прогнозирования — обязательное условие и базовый элемент индикативного планирования, а бюджетно-плановое регулирование и государственное прогнозирование социально-экономического развития — составляющие макропланирования. В кризисной ситуации макрорегулирование принимает форму макропланирования. Однако взаимосвязанные прогнозирование и бюджетирование еще не являются индикативным планированием, если, во-первых, информация макропланов не используется хозяйствующими субъектами для принятия решений, а, во-вторых, у планирующего органа отсутствует обратная связь с хозяйствующими субъектами.

Государственное регулирование может осуществляться административными и нормативными методами. Индикативное планирование предполагает нормативное регулирование и

наличие планов-контрактов. Для интеграции систем макро-, микро(мезо)планирования целесообразно использовать так называемый «план-договор» в форме срочного контракта о предоставлении мер государственной поддержки в обмен на соблюдение предприятием определенных условий, в том числе экономических нормативов. Он заключается между предприятием (корпорацией, ФПГ) и органом государственной власти с указанием всех важнейших показателей производственно-финансовой деятельности, включая налоговые обязательства и лимиты привлечения кредитов. Основная идея проекта — сочетание директивных планов (бюджетов, целевых программ, планов госпредприятий) и планов-договоров (контрактов), заключаемых республиканскими органами государственной власти с хозяйствующими субъектами, органами муниципального самоуправления, союзами предпринимателей и профсоюзов.

Бюджетное прогнозирование и планирование на краткой и среднесрочную перспективу базируется на прогнозах и планах доходов и расходов предприятий, разрабатываемых последними самостоятельно. Это позволяет повысить качество внутрифирменного планирования, объективность бюджетного планирования, согласованность макрорегулирования, бюджетирования и программирования экономики.

Таким образом, индикативное планирование выступает как совокупность процедур согласования (координации) следующих процессов: макропланирование, представленное в прогнозах, бюджетных планах и макропрограммах, разрабатываемых и осуществляемых республиканскими плановыми органами; нормативное планирование, воплощаемое в прогнозах, бюджетных планах и программах органов муниципального самоуправления; микропланирование, реализуемое в планах предприятий; мезопланирование, т. е. планирование отраслей, подотраслей, промузлов и др., исходящее от «метакорпораций» — межотраслевых, межрегиональных и международных (транснациональных) финансово-промышленных групп (ФПГ), если таковые будут создаваться.

К основным группам индикаторов социально-экономического развития относятся параметры динамики, структуры и эффективности экономики в целом и по важнейшим ее сферам; финансовые и кредитно-денежные параметры, включая оценку динамики цен (индексы цен), состояния фондового

рынка и др.; социально-экономические параметры (занятость, уровень жизни, социальная защита населения и др.); внешнеэкономические характеристики. При этом речь идет не о пассивной фиксации параметров, а об активном управлении ключевыми направлениями макроэкономических процессов.

В стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия важное место занимает государственное регулирование, причем в двух аспектах — отраслевом и региональном. Поскольку стратегическая цель развития региона заключается в повышении конкурентоспособности территории за счет инновационного сектора экономики и повышения качества жизни населения, то решение задач развития территории предполагает разработку и реализацию региональных, муниципальных программ социально-экономического развития, а также участие в федеральных программах, в том числе с использованием централизованной поддержки⁵.

Для Мордовии в условиях переходного периода в качестве основного направления и формы государственного регулирования можно выделить государственное программирование и прогнозирование экономики, так как регион стремится к сглаживанию объективно сложившихся межрегиональных различий в уровнях социально-экономического развития. Переход к индикативному планированию требует надежного нормативно-правового обеспечения. Необходимы разработка и принятие законов РМ «Об индикативном планировании социально-экономического развития Республики Мордовия» и «О системе органов прогнозирования, индикативного планирования и программирования социально-экономического развития Республики Мордовия»; законов, предусматривающих внесение изменений и дополнений в действующее законодательство в связи с введением индикативного планирования; указов Главы Республики Мордовия о введении индикативного планирования и по вопросам реорганизации органов государственной власти республики, а также организации взаимодействия с органами государственной власти РФ и органами местного самоуправления, предприятиями и их объединениями, различного рода ассоциациями, предпринимателями и профсоюзами; правительственных и ведомственных нормативных актов, конкретизирующих положения вышеуказанных документов; нормативных актов

республиканских властей и органов местного самоуправления относительно их участия в системе процедур индикативного планирования социально-экономического развития Мордовии, а также по разработке собственных индикативных планов, взаимоувязанных с соответствующими разделами общегосударственного индикативного плана; ряда других нормативных актов, в том числе регламентирующих деятельность государственных предприятий и предприятий с государственным участием, регулирующих госзакупки и контракты сельскохозяйственной продукции, заключение соглашений о разделе продукции и иных долгосрочных контрактов между государством и инвесторами (производителями) на гражданско-правовой основе.

Кроме того, необходима выработка основ методологии и методики индикативного планирования. Первым шагом в этом направлении может стать разработка проекта закона РМ «Об индикативном планировании социально-экономического развития Республики Мордовия», регламентирующего основные цели, задачи, функции и формы индикативного планирования, систему представляющих его органов; порядок разработки, рассмотрения, утверждения, исполнения, корректировки и контроля индикативных планов; права и обязанности участников системы индикативного планирования. Принятие такого закона на уровне хотя бы одного субъекта Федерации способно инициировать принятие подобного акта на уровне Российской Федерации. Следующим этапом является создание институтов индикативного планирования в основном на базе существующих органов управления за счет их реструктуризации и реорганизации.

Базой разработки законопроектов могли бы стать опыт планирования, прогнозирования и программирования социального развития и положения ряда нормативных актов: Федерального закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ; Постановления Правительства РФ «О порядке разработки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации» от 22 июля 2009 г. № 596; Закона РМ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Мордовия» от 25 ноября 1998 г. № 41-З (с изменениями от 23 мая 2002 г., 24 марта 2004 г.), поло-

жения проекта Федерального закона «Об индикативном планировании социально-экономического развития Российской Федерации», подготовленного группой экспертов Комитета по экономической политике Государственной думы РФ, и проекта Федерального закона «Об индикативном планировании социально-экономического развития Российской Федерации» по решению Совета Федерации.

Реализация региональной политики — прерогатива как федеральных органов государственной власти и управления, так и региональных. Федеральный центр всей совокупностью методов и инструментов региональной экономической политики призван обеспечить ее действенность, целенаправленность, эффективность, взвешенность, обоснованность, справедливость и социальную направленность. Региональные власти с учетом особенностей территориального развития также должны обеспечить ее эффективность, направленность на структурные и институциональные преобразования, повышение уровня и качества жизни населения. У каждого из этих направлений региональной экономической политики есть определенный набор методов и инструментов. Их совокупность должна быть направлена на решение задач территориального развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Государственное регулирование рыночной экономики: учебник / под ред. В.И. Кушлина. М., 2002. С. 479.

² См.: Степанов А.Г. Государственное регулирование экономики региона. М., 2004. С. 23—24.

³ Истомина А.В., Павлов К.В., Селин В.С. Проблемы и возможности индикативного планирования экономического развития регионов Севера России // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 29. С. 20.

⁴ Там же. С. 20—26.

⁵ См.: Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия на период до 2025 года // Справ.-правовая система «Гарант». URL: mineco.e-mordovia.ru/old/invest/konkk.html (дата обращения: 18.01.2011).

Поступила 19.01.11.

В. И. ДОБРЫНИНА, ГОРОДА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: А. С. ЛЯХОВЕЦ УРБАНИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: город, мегаполис, урбанизация, мигранты, коренное население, адаптация, ценностные ориентации, культурные традиции, образ жизни

Key words: town, mega polis, urbanisation, migrants, native population, adaptation, axiological orientations, cultural traditions, way of life

Для адекватного понимания происходящих в современной России процессов и событий необходимо исходить из методологической посылки, что Россия всегда представляла собой неотъемлемую часть мирового сообщества, являясь во все исторические периоды специфической частью человечества, одинаково открытой Востоку и Западу и реализующей свою, автохтонную и полиэтническую, культуру континента¹. Все массовые процессы современности в той или иной мере происходят в России, которая в настоящее время рассматривается большинством исследователей как трансформирующееся общество и одновременно общество риска, в котором все массовые процессы происходят достаточно хаотично и случайно, так как детерминированы множеством разнообразных факторов².

Одним из наиболее массовых процессов современности, характеризующих все страны и народы, является процесс тотальной урбанизации. Международные организации, работающие под эгидой ООН, отмечают, что с начала 2005 г. половина населения Земли уже живет в городах, численность городского населения в течение ближайших десятилетий будет возрастать преимущественно за счет миграции населения из трудоизбыточных регионов и «классической» внутренней миграции населения из деревни в город. Для высокоразвитых стран мира (США и Западная Европа) ха-

ДОБРЫНИНА Валентина Ивановна, профессор кафедры бизнеса и управленческих стратегий Института бизнеса и делового администрирования, доктор философских наук (г. Москва).

ЛЯХОВЕЦ Анна Семеновна, доцент кафедры социальной работы Российского государственного социального университета (филиал в г. Ивантеевке Московской области), кандидат социологических наук.

рактерны процессы внешней миграции из всех стран мира. Во многих других государствах, в том числе и в России, происходят процессы пополнения численности населения городов за счет как внешних, так и внутренних миграционных потоков.

Урбанизация в полной мере характеризует российское общество. В течение XX в. для России был характерен переход к городской модели расселения. За сравнительно короткий исторический период большинство населения России стало городским, в то время как на протяжении многих веков в России преобладала деревенская, преимущественно крестьянская, модель расселения, характерная для традиционного общества с патриархальными отношениями, в которых семья выступает не только кровнородственным социальным институтом, но и определенной хозяйственной ячейкой общества.

Накануне Октябрьской революции горожанами были не более 12 % населения Российской империи, а за годы советской власти численность горожан в РСФСР увеличилась до 72 %, что привело к появлению сложных социокультурных проблем, связанных с процессами адаптации мигрантов и усиливающейся маргинализацией населения, вызванной быстрыми темпами урбанизации СССР³.

Переход к городской модели расселения существенным образом изменил не только материально-технический и экономический базис общества, но и вызвал радикальные перемены в образе жизни людей, переселившихся из деревни в город. Этот переезд изменил их культурные традиции, интересы и потребности, ценностные ориентации, нормы и стандарты поведения. Изменились не только формы и способы жизнедеятельности, но и духовная культура новых горожан.

Урбанизационные процессы в советский период шли разными путями. Во-первых, существенно трансформировалась социальная структура крупных городов бывшей Российской империи. Многие из них стали промышленными центрами, в которых создавались не только промышленные предприятия, но и появлялись образцовые «соцгородки» и районы новой застройки, ориентированные на «новый быт» и образ жизни, максимально свободный от «тяжкого наследия прошлого» и приобщающий женщин-трудящихся к работе на фабриках

и заводах, а не к отупляющей «семейной каторге». Рост городского населения в крупных городах создавал большие трудности с обеспечением жильем вновь прибывших и на многие десятилетия обрекал мигрантов первого поколения на жизнь в общежитиях, коммунальных квартирах, перенаселенных и необеспеченных бытовыми удобствами домах⁴.

Поэтому показательно то, что накануне перестройки (1985—1991 гг.) 15 % взрослого экономически активного населения города проживали в общежитиях и более 50 % — в коммуналках, бараках и малогабаритных квартирах коридорно-казарменного типа, а не в отдельных квартирах, имеющих весь набор современного бытового комфорта, что заставляло специалистов по урбанизации делать неутешительный вывод о недоурбанизированности российских городов по ряду показателей⁵.

Вторым видом урбанизации страны являлась модель нового социалистического города, возникшего вместе с новым индустриальным производством практически на пустом месте. Это были города, обслуживающие нужды производства. Именно потребности производства определяли качественную специфику «социалки», комплекс образовательных учреждений и их профиль, систему здравоохранения, деятельность учреждений культуры. Другими словами, основой жизнедеятельности города становилось градообразующее предприятие, чаще всего относящееся к военно-промышленному комплексу⁶.

Особенно очевидными эти процессы градостроительства были характерны для городов-новостроек, возникавших там, где создавались индустриальные гиганты. Достаточно вспомнить Магнитогорск, Норильск, Комсомольск-на-Амуре, а в более позднее время — Тынду, Набережные Челны, Ноябрьск. Кроме образцово-показательных «соцгородков», немалая часть населения этих городов ютилась в бараках и временках, «балках» и утепленных кузовах машин, где велась работа «вахтовым методом», так как многим советским экономистам казалось нерентабельным создавать города со всеми удобствами и развитой городской инфраструктурой, особенно в районах добычи полезных ископаемых, проявляя беспокойство не о жителях города, а о том, что такой город окажется «экономически невыгодным» через 20—30 лет. Подобный тип монопрофильных городов в условиях деин-

дустриализации страны, дополненной особенностями новейшего финансово-экономического кризиса, особенно наглядно проявил негативные особенности, характерные для этого вида поселений.

Особой моделью советских городов накануне перестройки можно считать города-наукограды. Достаточно часто они возникали на базе старинных малых городов или деревень, сравнительно недалеко расположенных от крупных центров, но все-таки за городской чертой, вдали от соблазнов большого города. Так появились Академгородок рядом с Новосибирском, Обнинск, Дубна и многие другие наукоцентры вокруг Москвы. Нередко радикальные преобразования касались старых городов России. На их базе возникали научно-технические или военно-технические центры. Это Пущино, Серпухов, Черноголовка, Плисецк и другие малые города, получившие «второе рождение». Максимальная индустриализация страны за годы советской власти и строительство больших городов привели к тому, что накануне перестройки отечественные специалисты по урбанистике по-новому стали рассматривать малый город в масштабах всероссийских городских поселений.

В разгар перестройки, по данным последней Всесоюзной переписи населения СССР в 1989 г., общее количество городов в РСФСР составляло 999, из них городов-миллионеров было всего 8 (что составляло 0,8 % от их общего количества). Больших городов с населением свыше 100 тыс. жителей было 152 (чуть более 15 %), а средних (с населением до 100 тыс. чел.) — 138 (13,8 %). Большинство городов (709, или 70,9 %) составляли малые города с населением до 50 тыс. чел. Характерно, что в них жили всего 17 % населения, в то время как в мегаполисах и больших городах проживало более 70 % (из них в мегаполисах — свыше 26 %)⁷.

В современной урбанистике считается очевидным, что концентрация населения в больших городах и мегаполисах является значимым социальным индикатором, выявляющим общий среднестатистический и отнюдь не достаточный уровень материального достатка большинства населения, покидающего родные места в надежде найти работу в городе. Численность и процветание малых городов являются свидетельством роста среднего класса — базисной основы и оплота постиндустриального общества, или общества потребления.

По официальным данным за 2008 г., в России проживали 142 млн чел., 103,77 млн чел. из них были горожанами, причем 25 млн чел. проживали в 11 городах-мегаполисах с населением более 1 млн чел., и еще около 40 млн чел. — в городах с населением от 250 тыс. до 1 млн чел. Такие города также в полной мере являются «джунглями цивилизации», где выживает сильнейший, о чем беспристрастно сообщает статистика девиантного и делинквентного поведения населения городов⁸.

Годы перестройки, связанные с системным кризисом и радикальными изменениями во всех сферах жизни российского общества, существенным образом сказались на общей численности городского населения, которого становится меньше, несмотря на внутреннюю миграцию. Этот парадокс объясняется тем, что большая часть городского населения относится к старшим возрастным группам, и физические потери старших возрастов не компенсируются ни рождаемостью, ни внутренними мигрантами. Например, население Санкт-Петербурга с 1990 по 2008 г. сократилось почти на 0,5 млн чел.

Малых городов русской провинции, в которой сохранялись лучшие традиции и нормы русской духовной культуры и отечественной ментальности, далекой от суетной жизни в столицах и тем более «в заграницах», становится все меньше. Анализ статистических источников свидетельствует о том, что за 1989—2008 гг. количество малых городов, население которых составляет не более 5 тыс. чел., сократилось почти вдвое, городов с населением до 10 тыс. жителей — на 20 %, городов с населением до 100 тыс. жителей — на 10 %⁹.

Анализ результатов эмпирических исследований социальной структуры современного российского общества позволяет представить его в виде пирамиды, вершиной которой являются элита, составляющая 0,5 % от общей численности населения, и 4—5 % — субэлиты. Примерно 20—25 % можно отнести к среднему классу. В основании этой пирамиды лежат нижние слои, граница между которыми весьма условна и подвижна, однако она определяется беспрецедентно высоким уровнем дифференциации доходов и стремительно усиливающимся имущественным расслоением.

Происходит и переоценка ценностей большого и малого города, связанная с трудовой занятостью, условиями труда,

заработной платой, жилищными условиями, транспортом, местами рекреации, другими нормами и ценностями, определяющими образ жизни россиянина, живущего в большом или малом городе. Эти различия весьма существенны. Одна из значимых особенностей малых городов России, качественно отличающих их от европейских, — продолжающаяся веками недоурбанизированность, проявляющаяся в качестве твердого покрытия городских магистралей, централизованного газоснабжения и зачастую отсутствия централизованного водоснабжения. Нередко малые города пересекаются с железнодорожными путями или автомагистралями, что существенно осложняет их экологию.

Реализация лозунга 70-х гг. «экономика должна быть экономной», помноженная на современные российские рыночные отношения, привела к свертыванию, особенно в малых городах, и без того весьма малоразвитой социальной сферы (клубов, библиотек, дворцов спорта и культуры), а повсеместное снижение рождаемости привело к существенному сокращению малокомплектных школ, отъезду из малых городов семей с детьми школьного возраста.

Молодое поколение покидает свою малую родину и пополняет ряды трудоизбыточного населения страны, стихийно формируя потоки внутренних мигрантов и делая невозможным возрождение социально-экономической жизни большинства малых городов современной России, потому что детей и подростков, которые ранее составляли основу населения малых городов, в настоящее время в стране меньше, чем в 1990 г., на 13,61 млн чел.¹⁰

Малый город выступал мощным фактором социализации, транслирующим подрастающему поколению принятые нормы общения и культурные традиции, принципы социального контроля за каждым человеком как члена малого, но твердого в своих принципах городского сообщества, в котором не было существенных резких социальных контрастов, «чужаков» с другими культурными установками и нормами поведения. Другой существенно значимой проблемой современных малых городов является обветшавшее жилищно-коммунальное хозяйство, не говоря уже об удовлетворении потребностей и интересов горожан в жилье, отвечающем современным представлениям об уровне комфорта. Принудительная приватизация большинства квартир, находящихся в государ-

ственной, муниципальной или ведомственной собственности, не дает гарантий по улучшению жилищных условий, но плата за жилье в приватизированных квартирах повсеместно и ежегодно увеличивается. Кроме того, в малых городах нет масштабного жилищного строительства, а «средние» по России цены на жилье, как и ипотека, соотносятся с желаниями банков и строительных компаний получить как можно больше прибыли, а не с реальными материальными возможностями жителей городов. Такое же необузданное стремление к получению прибыли характеризует и другие организации, в той или иной степени связанные с ЖКХ.

Повседневная жизнь в современном российском, особенно малом, городе делает каждого горожанина универсальной личностью в том смысле, что на его плечах лежит забота о жилище, тепле в доме. Он помнит о том, что возможны любые перебои и не только со свежими овощами или фруктами, но даже с хлебом, солью, спичками и другими незамысловатыми товарами повседневного спроса, не говоря о приобретающих характер катастроф местного масштаба, перебоях со светом, газом или водоснабжением и канализацией.

Среднестатистический «коренной» житель российского города (немаргинал или мигрант первого поколения) трудолюбив, терпелив и усерден. Таких жителей сравнительно немного (их примерно от 30 до 50 % от общего числа горожан), но они составляют неотъемлемый элемент главного богатства страны, ядро ее человеческого капитала, беречь и развивать который призваны все структуры власти.

Демографическая ситуация в современной России такова, что в ближайшие десятилетия будет продолжаться сокращаться население страны. В связи с этим все усилия российского общества необходимо будет направить на максимально возможное возрастание стоимости человеческого капитала, подрастающих поколений, воспитание, образование и обучение которых становится главной проблемой для всех стран и народов, заинтересованных в своем процветании и устойчивом развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2003. 541 с.

² См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.

³ См.: Город как социокультурное явление исторического процесса: сб. ст. / Рос АН, науч. совет по комплексной проблеме «История мировой культуры». М.: Наука, 1995. 351 с.

⁴ См.: Яновский В.В. Город как система и объект управления: введение в проблемы управления городским хозяйством периода реформ: учеб.-метод. пособие. СПб.: Сев.-Зап. акад. гос. службы, 1995. 163 с.

⁵ См.: Могилевский Р.С. Проблемы качества жизни крупного города (опыт социологического исследования) / под ред. П.Н. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 141 с.

⁶ См.: Монопрофильные города и градообразующие предприятия: обзорный доклад / под ред. И.В. Липсица. М.: Издат. дом «Хроникер», 2000. 256 с.

⁷ Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Росстат, 2008. С. 89, 100—102.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Рассчитано авторами по: Российский статистический ежегодник ... С. 100—102.

Поступила 21.01.11.

Е. А. ЕРМОЛАЕВА **ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА
УПРАВЛЕНИЯ МАЛОГО ГОРОДА:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ
И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Ключевые слова: информационная среда управления, информационные потребности населения, муниципальная власть, муниципальное образование

Key words: informative environment of management, informative requirements of population, municipal power, municipal entity

В течение последних десяти лет исследование проблем информационной среды управления стало одним из ведущих направлений отечественной и зарубежной социологии. Информационная среда управления должна способствовать гармоничному развитию общества. Для этого необходимо, чтобы ее формирование было основано на комплексе правовых и социальных норм.

Предметная сторона исследования проблемы заключается в анализе состояния информационных ресурсов общества, имеющих самоформирующий характер со свойственной ему стихийностью и непредсказуемостью, что в свою очередь создает ряд проблем для современной информационной среды управления: отсутствие ориентации создаваемых органами власти информационных ресурсов на массовое информационное обслуживание населения по вопросам, связанным с деятельностью этих органов; отсутствие законодательных механизмов регулирования правовых отношений в области государственных информационных ресурсов; отсутствие координации при создании федеральными и региональными органами государственной власти информационных фондов и баз данных о юридических и физических лицах и правоотношениях между ними. Это отрицательно отражается на полноте и актуальности этих ресурсов и приводит к значительному дублированию работ по их созданию и ведению, недооценке экономической значимости созданных государственных информационных ресурсов.

ЕРМОЛАЕВА Елена Александровна, аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета.

Вышеперечисленные проблемы диктуют необходимость формирования и дальнейшего регулирования информационной среды. Однако при создании модели информационной среды необходимо учитывать потребности как управляющих органов, так и населения. Двусторонняя природа информационной политики предполагает, с одной стороны, решение государственных задач, с другой — наличие гуманитарной составляющей. В связи с этим специфика информационной среды управления муниципального образования заключается в соответствии модели информационной среды требованиям общества, выдвинутому процессом управления, и потребностям граждан.

С одной стороны, власть на местном уровне нуждается в обеспечении открытости деятельности органов муниципального управления. Доверие и понимание со стороны общества может быть достигнуто только в том случае, если власть сама будет стремиться в максимально допустимых пределах предоставлять обществу объективную и достоверную информацию о своих решениях и действиях. С другой стороны, местная власть обязана удовлетворять потребность населения в информации, основываясь при этом на запросах людей. Каждый житель муниципального образования должен иметь доступ к полной, достоверной и объективной информации, предоставляемой в удобной форме для поиска и восприятия, и при этом информационная среда должна соответствовать основным функциям и задачам органов местного самоуправления.

Исследование информационных потребностей населения Губкинского городского округа Белгородской области, проведенное нами в 2010 г. (анкетный опрос, отбор респондентов произведен по квотной выборке, N = 600), позволяет диагностировать текущее состояние информационной среды муниципального образования, а также определить ее оптимальные характеристики, необходимые для динамичного развития информационных взаимодействий и муниципального образования в целом. В основе методологии исследования лежит оценка уровня информированности населения о деятельности органов муниципальной власти, каналах получения информации гражданами.

Исследование информационных потребностей населения Губкинского городского округа показало, что удовлетво-

ны качеством предоставления информационных услуг всего 36 % опрошенных, а качеством информационного обеспечения процесса управления — 41,3 %. Важно отметить, что больше половины опрошенных (53 %) считают себя плохо информированными о деятельности органов местного самоуправления, на недоступность информации о деятельности органов муниципальной власти указали 30,7 %, при этом лишь 10,5 % ответили, что не интересуются этим. С одной стороны, высокий процент заинтересованности населения в получении информации о деятельности органов муниципального управления косвенно свидетельствует о достаточно высоком уровне доверия власти, с другой — указывает на проблему в информационном взаимодействии власти и населения.

Узнают о деятельности органов местного самоуправления из газет 70,9 %, из телевидения — 60 %. С этим отчасти связано и недовольство населения своей информированностью. Дело в том, что в Губкинском городском округе нет своего телевизионного канала вещания, поэтому телевидение здесь встраивается в один из федеральных каналов в строго отведенные часы. А ведь именно телевидение пользуется наибольшим доверием у населения, об этом свидетельствуют ответы 68,4 % опрошенных, и именно оно является наиболее приемлемым способом получения информации (68,6 %).

Интернет-ресурсы органов местного самоуправления в Губкинском городском округе развиваются стремительно. Они достаточно информативны, однако лишь 12 % опрошенных получают информацию о деятельности органов местной власти с помощью Интернета, притом что ежедневно пользуются Интернетом 49,5 % опрошенных, раз в месяц — 20,5 %, никогда — 21,8 %. Важно отметить, что ежедневно пользуются Интернетом 31,5 % сельских жителей и 55,4 % горожан.

Встречи с представителями местного самоуправления назвали источником получения информации о деятельности органов муниципальной власти лишь 7,7 % опрошенных. Тот факт, что в полноте и достоверности информации, получаемой от представителей местного самоуправления, уверены 9,7 %, не уверены 41,8 %, а 48,4 % затрудняются с ответом, объясняется тем, что встречи населения с представителями местной власти происходят планомерно, по указанию главы Губкинского городского округа на предприятиях, в муни-

ципальных учреждениях и, как правило, в рабочее время, что указывает на принудительный характер таких встреч. Практически их никогда нет по инициативе населения.

Также важно отметить, что 49,5 % опрошенных испытывают трудности с пониманием информации, получаемой от представителей органов местного самоуправления, а информация, полученная из других источников, вызывает трудности в понимании у 11,1 % (телевидение), 9,5 % (радиовещание) и 13,5 % (печатные СМИ) опрошенных.

Треть населения не знает об основных целевых программах, реализуемых в Губкинском городском округе: «Молодежь Губкинского городского округа» (26 %), территориальная комплексная целевая программа «Губкинская школа здоровья» (30 %), комплексная целевая программа улучшения демографической ситуации в Губкинском городском округе (31,4 %), программа «Развитие футбола на территории Губкинского городского округа» (22,9 %), программа «Развитие физической культуры и спорта на территории Губкинского городского округа» (20 %), целевая программа «Развитие сельской культуры в Губкинском городском округе» (32,4 %) (45,5 % сельских жителей считают ее малоэффективной).

У людей сформировано скептическое отношение к понятию «открытая власть». Лишь 7 % опрошенных считают открытость органов власти необходимым условием для эффективного управления, 10 % — для борьбы с коррупцией, а 26,3 % опрошенных утверждают, что открытость власти — лишь дополнительная отчетность чиновников. На недоступность информации о деятельности органов муниципальной власти указывают 30,7 % опрошенных, при этом 37,8 % из них — это работники бюджетной сферы, 33,3 % — пенсионеры и 66,7 % — предприниматели. Также важно и то, что указывают на доступность информации о деятельности пенсионного фонда 48,2 % пенсионеров, на ее недоступность — 14,8 %.

Изучение состояния обратной связи с населением показало, что наиболее эффективным каналом информационного взаимодействия с органами власти респонденты считают Интернет, при этом пользовались электронными формами коммуникации с муниципальными органами власти лишь 17,7 % опрошенных.

Исследование содержания информационной среды управления отражает тематику информации, в которой нуждаются

люди и которая соответствует информационным предпочтениям населения. Так, регулярно получать информацию развлекательного характера желает 51 % опрошенных, в политической и правовой информации нуждаются 33,5 и 41,4 % соответственно. Также 49 % опрошенных отмечают, что содержание информационной среды (тематика информации) за последние 10 лет изменилось в лучшую сторону. Изменение в лучшую сторону полноты, актуальности и достоверности отметили 54,1, 52,8 и 59,8 % соответственно. Значительная часть опрошенных (41,8 %) считает, что достоверность информации осталась неизменной. Контроль за содержанием СМИ считают необходимым 76 % опрошенных, при этом больше всего в этом нуждаются телевидение и печатные СМИ (72 и 61,7 % соответственно).

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты указывают на ряд проблем в системе информационного обеспечения муниципального управления в Губкинском городском округе: недостаточная информированность населения о деятельности органов местного самоуправления; отсутствие эффективного канала обратной связи органов власти с населением; недостаточная информативность интернет-ресурсов органов власти; неоднозначная оценка содержания информационной среды и необходимость предварительного контроля за информацией в СМИ; недовольство качеством предоставления информационных услуг; низкая оценка качества информационного обеспечения процесса управления.

Эти проблемы диктуют необходимость внедрения комплекса мер по изменению существующей информационной среды: улучшение качества предоставления населению информации о деятельности органов муниципального управления, что предполагает большую доступность для получения и восприятия информации; внедрение системы предварительных анонсов или рекламных объявлений о различных возможностях удовлетворения потребности в интересующей информации; создание справочных пунктов, позволяющих населению быстро и в доступной форме получить интересующую информацию по насущным вопросам, касающимся правового регулирования, пенсионного обеспечения и др.; усовершенствование сетевых ресурсов органов власти; создание подразделения, ответственного за наполнение информационной среды управления актуальным контентом.

В. В. СМЕРНОВ

ПАРАДИГМА И КОНЦЕПЦИЯ ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: концепция, оптимизация, парадигма, развитие, регион, система, стратегия, структура, управление, функция, эффективность

Key words: conception, optimisation, paradigm, development, region, system, strategy, structure, management, function, efficiency

На наш взгляд, парадигму следует характеризовать как исходную концептуальную схему, образец, модель решения проблем; метод исследования, господствующий в течение определенного периода в научном познании; универсальный метод принятия решений; гносеологическое основание эволюционной деятельности. Парадигма эффективного социально-экономического развития (ЭСЭР) региона должна быть ориентирована на эффективную организацию совокупности технологий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимовыгодных связей, взаимосвязей и взаимодополнений между элементами регионального хозяйства, а также их компромиссной внутренней упорядоченности, выстроенной в иерархической структуре.

Процесс организации ЭСЭР региона следует осуществлять с учетом структурно-функционального подхода к административно-территориальному образованию в контексте систематизации процесса интеграции хозяйствующих субъектов территории на основе развития структурных составляющих наиболее весомых функциональных взаимосвязей.

Структурно-функциональная взаимосвязь подсистем региона рассматривается нами как «горизонтальная» и «вертикальная» систематизация процесса интеграции различных по локализации структурных образований в контексте вза-

СМЕРНОВ Валерий Владиславович, доцент кафедры отраслевой экономики Чувашского государственного университета, кандидат экономических наук.

имной и кумулятивной обусловленности наиболее весомых структур (комплексов), обладающих свойствами системы и имеющих широкий спектр экзогенных и эндогенных (имманентных) функций. Например, предприятие интегрируется в определенную отрасль экономики, которая функционирует в рамках административно-территориального образования (регионального хозяйства), с учетом взаимовлияния и взаимодополнения смежных отраслей. Для создания условий эффективного взаимовлияния и взаимодополнения смежных отраслей необходимо определить доминирующую отрасль, раскрывающую перманентность детерминант системы общественного производства в формате региона.

Территория РФ обширна, а уровень социально-экономического развития регионов весьма разнообразен, что объясняет потребность в исследовании качества регионального развития в контексте теории стадий роста Д. Белла¹, который утверждал, что во всех странах и регионах экономическое развитие проходит три основные стадии: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное. При этом формируются три общественные формации, первая из которых представляет собой взаимодействие с природой, вторая — с преобразованной человеком природой, а третья — взаимодействие между людьми².

Наиболее актуальной практической проблемой, возникающей при попытке применить структурно-функциональную модель в условиях неустойчивой экономики, является поиск релевантных подходов и способов описания основных структур территориального образования, в частности, тех показателей, по которым можно было бы адекватно выделить и структурировать хозяйствующие субъекты, суть и масштабы различий и неравенств между ними. Логическим следствием этого выступает сложность проблемы вычленения конкретных индикаторов социально-экономических неравенств применительно к условиям неустойчивой экономики.

Для повышения эффективности функционирования и прогнозируемости развития элементов региона необходимо разработать универсальные модели согласования интересов хозяйствующих субъектов. Процесс согласования целевых ориентиров структурных элементов, функционально объединяющихся в квазиустойчивое административно-территориальное образование, должен осуществляться посредством

целенаправленного управляющего воздействия федеральных, региональных и муниципальных органов власти на условия (среду) функционирования и развития взаимообусловленных подсистем в формате сложившихся парадигмальных линий.

Это воздействие снижает конфликтность в отношениях хозяйствующих субъектов, создает условия для их взаимовыгодного введения в региональный воспроизводственный цикл и тем самым обеспечивает устойчивость функционирования и развития экономики региона. Развитие системы взаимосвязей структурных составляющих региона происходит в соответствии с универсальными закономерностями. В этом случае модель регионального развития, построенная на основе универсальных закономерностей, формирует качественно новые свойства отношений хозяйствующих субъектов, ориентированных на их наиболее эффективное развитие.

Следует отметить, что возможность организации эффективного административно-территориального образования определяется наличием надлежащего, т. е. адаптированного к специфическим условиям региона, «ядра». «Ядро» региона — системно-ориентированная направленность обособленных и локализованных элементов, дающая возможность и создающая условия для формирования хозяйствующей надстройки, ее функционирования и развития в рамках экономического цикла.

Структурно-функциональные уровни определяют степень функциональности подсистем региона в контексте образования «вертикальных» и «горизонтальных» связей. При этом функциональная взаимосвязь подсистем региона определяется обусловленной зависимостью в рамках определенной целостности, при которой изменения «одного» оказываются производными от изменений «другого». Следовательно, функциональные связи обусловлены причинно-следственными закономерностями, ограниченными структурными рамками, а именно архитектурой региона. Соответственно, выделяются детерминанты, обеспечивающие оптимальное функционирование и рациональное развитие региона в рамках сложившейся совокупности взаимосвязей его подсистем, для выявления генезиса воспроизводства региональных процессов.

В процессе оценки эффективности взаимодействия функционально дополняющих подсистем региона необходимо определиться со структурой исследуемого региона. При этом

его структуру необходимо рассматривать в виде причинно-следственных связей административно-территориальных единиц, формирующихся хозяйствующими субъектами в процессе воспроизводства элементной базы экономического пространства региона. Таким образом, становится возможным создать каузальную модель управления, согласующую цели управляющей подсистемы (причины) с управляемой подсистемой (следствие, результат) и ориентирующую функциональные взаимосвязи административно-территориального образования на формирование самореферентной и автопозитивной структуры.

В процессе согласования целей между структурно-функциональными уровнями административно-территориального образования появляется возможность организации ЭСЭР региона в целом, что рационально оптимизирует систему общественного производства в формате конвергентной концепции. В связи с этим необходимо учитывать, что регион — апостериори слабоструктурированная и слабоорганизованная динамическая система. Управление такой системой направлено на решение задачи обеспечения оптимальных условий протекания процессов, цели которых поределаются общей миссией региона в составе государства³. Государство устанавливает параметры регулирования региона, как правило, посредством нормативно-правового законодательства.

В парадигме ЭСЭР региона следует особо выделить, что регион — это большая и сложная система, обладающая рядом специфических свойств: адаптивностью, мультипликативностью, неаддитивностью, обособленностью, обратной связью, синергичностью, совместимостью, целостностью, централизованностью и эмерджентностью. Именно возможности рационального и оптимального использования специфических свойств административно-территориального образования являются критерием ЭСЭР региона. В данном контексте можно предположить, что структурно-функциональная модель ЭСЭР региона в методологическом плане выступает следствием функциональной целостности региона, которая обуславливает относительную самостоятельность, автономность отдельных административно-территориальных единиц региона (градообразующих предприятий, районов, поселений и т. д.) в рамках структурно-функциональной локализованности. Эта автономность в известном смысле неизбежна, как

неизбежно и то, что всякий объект обладает целостными характеристиками и некоторым индивидуальным поведением.

Автономность, целостность, поведенческие характеристики системы «регион» невозможно понять, изучая только структуру и не рассматривая функциональные взаимосвязи, определяющие ее свойства. Функциональные взаимосвязи появляются в результате целевой организации административно-территориального образования, имеющего «горизонтальные» и «вертикальные» связи и, как следствие, необходимость их координации, выступают как структурные свойства всей системы «регион», тем самым отражая меру рационального анализа и оптимального синтеза.

Социально-экономическое развитие региона является системным процессом, который следует рассматривать как последовательную смену явлений, состояний, совокупности действий, целеполагания. Функция целеполагания обеспечивает выполнение принципа системности, когда каждая подсистема управления имеет специфическую цель, которая в свою очередь соотносится с целью вышестоящей подсистемы управления и главной целью общества⁴.

Будучи подсистемой национальной экономики, региональная экономика не может рассматриваться как изолированная ее часть. Соответственно, неправомерно возводить в абсолют экономическую самостоятельность регионов. Регионы как низовая сфера жизнедеятельности реализуют социально-экономическую политику государства, через регионы осуществляется управление страной, в регионах находит воплощение государственная стратегия развития территорий⁵. В целом ЭСЭР региона есть уровень функциональной взаимосвязи и структурных взаимодополнений автономных подсистем региона, выполняющих свою функцию и имеющих собственные источники, механизмы и законы развития. При этом ресурсная, производственная, рыночная, инвестиционная, инновационная, социальная и другие подсистемы, отдавая свою энергию и заимствуя ее у других, стремятся к максимальному самосохранению. Системы, с одной стороны, не могут существовать без других систем путем установления между ними связи для информационного, энергетического и материального обмена, с другой — стремятся к самостоятельности, минимизации потерь от этих связей.

Математику и физику сути реализации системного подхода к концепции ЭСЭР региона можно описать с помощью структуры показателей, отражающих совокупность методологических требований⁶:

$$R = F (P_1, P_2, \dots P_{13}) ,$$

где R — совокупность методологических требований системного подхода; P_1 — формулирование цели системного подхода; P_2 — определение эмерджентных качеств системы; P_3 — морфологизация системы; P_4 — определение цели функционирования каждой подсистемы; P_5 — изучение механизма обеспечения цели системы как единого целого с учетом ее эмерджентных качеств; P_6 — анализ структуры системы, изучение ее влияния на эмерджентные качества системы в целом; P_7 — определение уровня иерархии системы и ее подсистем в иерархической структуре; P_8 — влияние свойств системы на другие системы; P_9 — определение степени воздействия внешней среды на систему; P_{10} — изучение влияния внешней среды на систему; P_{11} — анализ процесса функционирования и развития системы; P_{12} — анализ информационных потоков, циркулирующих в системе и поступающих извне; P_{13} — описание принципов управления и процесса управления системой.

Приведенная структура показателей, отражающих совокупность методологических требований системного подхода к концепции ЭСЭР региона, не является единственной и конечной. В практической деятельности можно использовать различные вариации дополнений или упрощений в соответствии с выбранной целью исследования и поставленными задачами. Параметры концепции ЭСЭР региона определяются ее целью, а сущность раскрывается в процессе создания эффективного механизма, способного повысить уровень социально-экономического развития, а также обеспечить саморазвитие региона.

Для достижения ЭСЭР региона в условиях неустойчивой экономики, как минимум, необходимо решить следующие задачи: создать оптимальное сочетание методов государственного регулирования, учитывающее потенциальные возможности экономики субъектов РФ; повысить эффективность функционирования региональной экономики и

территориально-хозяйственных подсистем; достичь высокого уровня экономической эффективности региональных товаропроизводителей; сформировать систему межрегиональных коммуникаций; организовать максимально возможную занятость экономически активного населения; обеспечить условия развития человеческого потенциала, способного продуктивно осуществлять деятельность в условиях неустойчивой экономики; создать условия для укрепления собственной экономической базы в муниципальных образованиях региона, обладающих потенциальными внутренними резервами саморазвития; увеличить собственные доходы региона и количество территориально-хозяйственных подсистем, имеющих устойчивый бездефицитный бюджет; создать условия для развития местного самоуправления; законодательно поддержать развитие малого бизнеса; обеспечить адресную социальную защиту нетрудоспособных и поддержку малоимущих граждан.

Решение поставленных задач требует совершенствования системы управления в рамках концепции ЭСЭР региона. Управление процессом повышения ЭСЭР региона должно состоять из четырех взаимообусловленных этапов. На первом этапе проводится анализ региональных проблем, который должен выявить системные диспропорции, причины их возникновения и воспроизводства; установить связи между проблемами развития территорий и факторы, воздействуя на которые, можно разрешить имеющиеся проблемы. На втором этапе формулируются цели и возможные стратегии. На основе проведенного анализа региональных проблем формируется множество целей развития региона, а также определяется максимальное количество направлений, посредством которых возможно достижение поставленных целей. При этом делается анализ региональной ресурсной базы, хозяйственных рычагов, структурных сдвигов, экономических и иных стимулов и их возможного комбинирования, а также последовательности их использования. На третьем этапе производится оценка возможных последствий реализации стратегии. Оценка последствий предполагает выявление возможной реакции всех элементов системы на оказываемые воздействия. Этот процесс должен быть оптимизирован с помощью всестороннего моделирования последствий реализации различных стратегий. Если оценка показывает, что

сформулированные цели отнюдь не достижимы, то необходимо уточнить поставленные и решаемые цели, изменить стратегию или сроки их достижения. На четвертом этапе осуществляется выбор оптимальной стратегии, производится сравнительный анализ отобранных стратегий, разрабатывается несколько сценариев их реализации, которые должны применяться в зависимости от прогнозируемых изменений внешних и внутренних условий. Осуществляется оценка вероятности и размера изменений, предусматриваются возможные корректировки стратегии в процессе ее реализации в зависимости от того, какой сценарий реализуется. На этом этапе оцениваются резервы, обеспечивающие достижение целей, а также рассматриваются возможные события и последствия, наступление которых будет означать необходимость полного пересмотра стратегии развития региона.

Таким образом, концепция ЭСЭР региона есть определенный способ понимания процессов, направленных на оптимизацию сложившихся структурных взаимодополнений и функциональных взаимосвязей в региональной экономике, и является логическим продолжением парадигмы ЭСЭР региона. Концепция раскрывает сущность ЭСЭР как степень приближения к цели, определяя основные направления, по которым можно судить об ЭСЭР региона. При этом можно выявить, в каком целесообразном для общества направлении повышается ЭСЭР региона и за счет каких факторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Изд-во «Академия», 1999. 956 с.

² См.: Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты: дис. ... д-ра экон. наук. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, 1998. С. 25.

³ См.: Богачев Е.Б. Проблемы функционирования финансовой системы региона / под ред. акад. В.В. Бандурина. М.: БУКВИЦА, 1999. С. 72.

⁴ См.: Кузнецова Е. Стратегическая концепция устойчивого развития экономики // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 6. С. 36.

⁵ См.: Зарницына К. Управление стратегическими проектами на уровне предприятия и региона // Там же. № 1. С. 27.

⁶ См.: Глушков В.М., Урсул А.Д. Математизация научного знания // Философия и мировоззренческие проблемы современной науки: XVI Всемир. философ. конгресс. М.: Наука, 1981. С. 175—200.

О. С. ПАНФИЛОВА

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ

Ключевые слова: бизнес-процессы, система менеджмента качества (СМК), информационная поддержка, ориентированный граф, квалиметрия

Key words: business processes, quality management system, informative support, orientated graph, qualimetry

Одними из эффективных инструментов повышения результативности бизнес-процессов в организации являются разработка, внедрение и последующее совершенствование той или иной модели системы менеджмента качества. Однако это утверждение является справедливым для организаций, прошедших этапы разработки и внедрения реально действующей системы качества. Между тем в Интернете размещены десятки предложений по разработке и последующей сертификации СМК организаций за несколько дней. Совершенно ясно, что ничего общего с действующей системой качества подобная практика иметь не может. Максимум, на что может рассчитывать руководство организации в этом случае, относится к приобретению пакета стандартных документов, формально закрывающих требования соответствующих стандартов (например, ГОСТ Р ИСО 9001-2008 или ГОСТ Р ИСО 22000-2007), и сертификата, который не отражает реальное состояние дел. Такой подход бесполезен для организации, поскольку формальное внедрение СМК вступает в противоречие с практикой эффективного управления и дискредитирует саму идею процессного подхода.

Процессный подход, на котором базируются современные системы качества, предполагает перестройку управления бизнесом: от вертикальной структуры к горизонтальной¹. В такой системе взаимодействия бизнес-процессов опреде-

ПАНФИЛОВА Ольга Степановна, аспирант кафедры статистики Мордовского государственного университета.

лены входы и выходы каждого процесса, их взаимосвязи, плановые и фактически поступающие материальные ресурсы и информационные потоки, циркулирующие между процессами; ведется мониторинг результативности управления с помощью количественных оценок (показателей качества). Сделать серьезные изменения в структуре организации за несколько дней или месяцев нереально из-за инерционности перестройки применяемых методов работы персонала, необходимости переобучения и формирования соответствующей мотивации, навыков коллектива, организации по сбору и анализу данных о качестве.

Реализация в системе качества принципа управления, основанного на фактах, заставляет менеджеров оперировать значительными массивами информации о состоянии различных процессов, преобразовывать и анализировать ее содержание, формировать управляющие воздействия для повышения результативности бизнес-процессов. В решении перечисленных задач неопределимую помощь могут оказать уже существующие и вновь разрабатываемые средства информационной поддержки систем качества.

На рынке программных продуктов можно выделить три класса пакетов прикладных программ, ориентированных на обработку и преобразование информации в данной области². К первому классу можно отнести программные продукты для создания комплексных систем управления предприятием. Примером таких систем могут послужить программы SyteGuide, Orgware или Process Industries компании Microsoft. На их основе формируется бизнес-модель по решению основных задач управления предприятием, лишь затем осуществляется настройка программы для решения задач управления качеством.

Во второй класс входят программные продукты для осуществления электронного документооборота на предприятии. Они решают задачу информационной поддержки процессов лишь частично, а именно: в области управления записями (регистрациями) и сопровождающими документами бизнес-процессов.

К третьему классу можно отнести пакеты программ Q-Pulse английской фирмы GaelQuality, «ИСО-Ратник» украинской компании «Система Плюс» и другие программы для решения информационных проблем организаций, внедря-

ющих или эксплуатирующих системы качества. «Основное преимущество таких продуктов — максимальная простота и строгая ориентация на специфические процедуры менеджмента качества, детальная реализация которых зависит не только от конкретного предприятия, но и от традиций развития систем качества в той или иной стране. Все это наталкивает на мысль, что такие системы могут быть созданы и отечественными компаниями»³. Одной из таких программ является разработка специалистов Мордовского государственного университета «ПМК-Мастер».

Учитывая, что внедрение информационных технологий в управление бизнес-процессами на предприятиях Мордовии является одной из приоритетных задач, приведем структуру данных о состоянии бизнес-процессов и их преобразование в алгоритме программы. Пакет программ для информационной поддержки управления процессами базируется на детальном описании взаимодействия бизнес-процессов с помощью теории графов; строгой количественной оценке результативности деятельности по удовлетворению требований внутренних и внешних потребителей организации, визуальному отслеживанию динамики состояния всех бизнес-процессов на экране компьютера.

Объектами представления системы в виде графа служат структура взаимосвязи требований потребителей и процессов, их реализующих: поставщиков процессов и ресурсов, которые они поставляют. Для удобного визуального представления графа на экране компьютера выбрана форма представления графа в виде матриц. Наблюдение и анализ матрицы смежности вершин, матрицы инцидентности, матрицы смежности ребер графа, содержащих сведения о бизнес-процессах, позволяют получить богатый материал для принятия эффективных решений по управлению процессами. Для обоснования принятия решений в алгоритме пакета программ используются методы квалиметрии, изучающие оценки качества с помощью количественных показателей (оценок)⁴. Применение относительных безразмерных показателей качества позволяет перевести измерение и использование для анализа данных различной размерности на входах и выходах процессов в строгие количественные оценки на шкале качества.

Рассмотрим пример, связанный с работой СМК светотехнического предприятия (светотехническая отрасль является одной из ведущих в регионе). Измерение с помощью методов квалиметрии, степени выполнения плановых требований потребителей по поставкам ресурсов внутренними поставщиками за календарный месяц позволило получить матрицу комплексных показателей качества, фрагмент которой представлен на рисунке.

Процесс Потребитель \ Процесс Поставщик	Маркетинг	Закупки	Планирование	Проектирование	Управление производством	Управление персоналом	Сбыт	Комплексная оценка поставщиков (Q _{вх}) Σ
Маркетинг	X	0,73					0,75	0,74
Закупки		X	0,55			1		0,77
Планирование			X	0,95			0,91	0,93
Проектирование	1		0,95	X				0,97
Управление производством	0,82	0,61	1	0,73	X	0,64		0,77
Управление персоналом	1	0,91	0,92		0,84	X		0,92
Сбыт	0,57				0,80		X	0,68
Результативность процесса (Q _{вых}) Σ	0,85	0,75	0,86	0,84	0,82	0,82	0,83	

Рисунок. Фрагмент матрицы комплексных показателей (потребитель — поставщик) для взаимодействующих процессов организации

Значение на пересечении строки и столбца — комплексный показатель оценки процессом-потребителем выполнения требований поставщиком ресурсов. Критическими являются элементы системы, в которых значения показателей минимальны. Комплексность показателей заключается в том, что они учитывают весь спектр требований, предъявленных одним процессом другому. Так, оценка работы процесса «Управление персоналом» процессом «Управление производством» комплексным показателем $Q = 0,64$ принимает такое значение с учетом степени выполнения заявки по повышению квалификации сотрудников, участвующих в процессе «Управление производством», и требования по заполнению

вакантных должностей в подразделениях, согласно поданным заявкам. Незаполненные ячейки пересечений означают, что в этом календарном месяце требования отсутствовали или не регистрировались, поскольку процесс-потребитель не испытывает проблем с поставкой ресурсов по данному входу.

Итоговый столбец «Комплексная оценка поставщиков» показывает, насколько в итоговом выражении выполняются требования по всем необходимым для выполнения плана ресурсам на входах процесса. Анализ составляющих при низкой оценке поставщиков позволяет выявить факторы и причины нарушения поставок. Итоговая строка «Результативность процесса» объединяет оценки работы процесса на его выходах потребителями. Отметим, что данные в строках и столбцах матрицы содержат достоверные оценки удовлетворенности внутренних и внешних потребителей. Следовательно, реализуются основополагающие принципы управления процессами «Ориентация на потребителя» и «Управление, основанное на фактах».

Отличительной особенностью аналитической составляющей алгоритма программы также является количественная оценка удовлетворенности руководителей поставками ресурсов на входы процессов, эффективности преобразования ресурсов в конечные результаты. Для этого в алгоритме вводится понятие плановой и фактической функции преобразования ресурсов. Плановая (номинальная) функция преобразования определяется как частное от деления планового значения выходного ресурса процесса на плановое значение входного ресурса. Фактическая функция преобразования определяется аналогично с учетом фактических данных за отчетный период времени. Размерность функции определяется отношением размерностей, участвующих в преобразовании величин. Результаты вычислений представляются в виде матриц плановых и фактических функций преобразования процессов. Для наглядности анализа работы процессов сформирована производная матрица, в соответствующих ячейках которой вычисляется как отношение плановой и фактической функции преобразования из исходных матриц, коэффициент эффективности преобразования ресурсов в бизнес-процессе $K_{эфф}$:

$$K_{эфф} = \frac{f_{ina}}{f_{ифакт}} .$$

Значение коэффициента $K_{эфф}$, равное 1, определяет плановый характер преобразований в процессе. Значение $K_{эфф}$ больше 1 определяет перерасход входного ресурса и, следовательно, требует принятия незамедлительных корректирующих действий. Значение $K_{эфф}$ меньше 1 является положительным фактом и после проверки соблюдения нормативных правил преобразования следует повсеместно в организации распространять опыт эффективного преобразования ресурсов в процессе. Такой подход постоянно ориентирует организацию на энерго- и ресурсосбережение.

Вышесказанное позволяет рекомендовать предприятиям Мордовии применение пакета программ «ПМК-Мастер» для эффективной информационной поддержки управления бизнес-процессами организаций в системах качества, построенных на основе различных моделей (например, ГОСТ Р ИСО 9001-2008, ГОСТ Р ИСО 22000-2007, ГОСТ Р ИСО 14001-2007 и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Загидуллин Р.Р. Как управлять процессами машиностроительного предприятия. URL: <http://erpnews/doc5035.html> (дата обращения: 25.12.2010); Бабинцев В. Проектирование и контроллинг бизнес-процессов. URL: <http://rcweek.ru> (дата обращения: 25.12.2010).

² См.: Евдокиенко Е. Бизнес-процессы, процессное управление и эффективность. URL: <http://www.finansy.ru/publ/mend/009.htm> (дата обращения: 05.01.2011); Костяков С. Стратегия информационной поддержки систем качества. URL: <http://www.hr-portal.ru> (дата обращения: 11.01.2011).

³ Костяков С. Стратегия информационной поддержки ...

⁴ См.: Азгальдов Г.Г. Квалиметрия: прошлое, настоящее будущее // Стандарты и качество. 1994. № 1. С. 53—59; № 2. С. 45—49.

Поступила 10.03.11.

Т. Б. МАЛИНИНА

ЗАВИСИМОСТЬ МЕРЫ ТРУДА ОТ МЕРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Памяти почетного профессора СПбГУ,
доктора философских и экономических наук,
заслуженного деятеля науки и образования
Василия Яковлевича Ельмеева посвящается

Ключевые слова: труд, потребление, производство жизненных средств, соизмерение, мера труда, мера потребления, потребительная стоимость, потребительная сила общества

Key words: labour, consumption, subsistence means production, commensurability, labour measure, consumption measure, consumption cost, society consumption power

Меры труда и потребления как единицы измерения устанавливаются обществом: первая отражает участие каждого работника в совокупном общественном труде, вторая — определяет долю общественного продукта каждого члена общества. Для нормального воспроизводства человека, страны, его отдельных регионов необходимо иметь жизненные средства. Необходимые жизненные средства создаются общественно необходимым трудом, затраченным на их воспроизводство.

Измерение затрат и результатов по условиям производства и потребления сводится к анализу потребительской стоимости продукта и трудовых затрат. Соизмерение общественных потребительных стоимостей является одной из сложных и актуальных задач определения соотношения меры труда и меры потребления. Последнее в научной литературе не получило должного анализа.

Производство всегда выступает как затраты труда, а потребление — как результат овеществленного в продукте труда. Труд лежит в основе затрат и результатов с той

МАЛИНИНА Татьяна Борисовна, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат физико-математических наук.

разницей, что на стороне производства выступают затраты в виде неопредмеченного труда — живой рабочей силы, а на стороне потребления — результаты реализации труда (продукт). Отсюда следует, что труд является фундаментом производства и потребления: соизмерить затраты и результаты можно на основе труда¹.

Взаимосвязь между трудом, содержащимся в производстве, и будущим трудом, реализуемым в результате потребления продукта, устанавливается в зависимости от того, как рассматривать затраты и результаты труда: как производство потребительных стоимостей или выражение меновой стоимости. Именно на этом постулате основывается социальная экономия труда².

Напомним, что из трудовой теории стоимости следует, что общественно необходимые затраты труда равны труду, овеществленному в стоимости его продукта. Это означает стоимостное равенство меры труда и меры потребления работника. Потребление большой массы трудящегося населения, согласно закону стоимости, определяется стоимостью рабочей силы, т. е. мера потребления обуславливается мерой необходимого по условиям ее воспроизводства труда. Кроме того, потребление предпринимателей будет определяться прибавочным трудом как составной частью общественно необходимых затрат, выполняемых массой трудящихся, и соответствующими пропорциями распределения прибавочной стоимости на личное, производственное потребление и накопление. В этом случае для определения величины потребления пользуются единицей труда и заработной платой за эту единицу — единицей заработной платы в ее денежном выражении. Тогда потребности и потребление получают выражение в платежеспособном спросе, а их зависимость от меры труда (производства) — в предложении товаров. Здесь спрос и предложение выступают переменными величинами, измеряемыми денежной мерой.

С точки зрения стоимостного подхода мера потребления определяется затратами труда на воспроизводство рабочей силы. Чтобы доказать зависимость меры труда от потребления, Дж. М. Кейнс отказался от полезностных оценок неоклассиков и рассмотрел в качестве единицы измерения труд и его оплату. Он считал, что для анализа функционирования экономической системы необходимо ограничиться

двумя единицами измерения — денежной единицей (единицей заработной платы) и единицей труда³. Ясно, что труд бывает разной квалификации, поэтому однородность трудовой единицы измерения обеспечивается пересчетом часа квалифицированного труда на час неквалифицированного в соответствии с соотношением между их оплатой⁴.

Исследованием взаимодействия труда и потребления занимался академик В. В. Новожилов. Он считал, что общественные затраты труда и времени, необходимые по условиям потребления, свидетельствуют лишь о более развитом законе стоимости, учитывающем не только условия ее производства, но и условия ее реализации в потреблении, т. е. если товар вовсе не востребован, то и затраченный труд не является необходимым. Отсюда В. В. Новожилов полагал, что соответствие производства потребностям, а также труда, необходимого по условиям потребления, труду, необходимому по условиям производства, осуществляется на основе затраченного труда. Все потребительские оценки средств производства и предметов потребления должны быть выражены в той же единице, в какой измеряются затраты общественного труда⁵. В данном случае речь идет об измерении по закону стоимости, учитывающему зависимость меновой стоимости от потребительной стоимости, т. е. потребительная стоимость является предпосылкой меновой стоимости. Тогда, опираясь на эту основу, можно считать необходимым лишь те затраты на производство товаров, которые являются востребованными, т. е. покупаются и продаются.

Здесь затраты зависят от потребления, платежеспособности населения (спроса), что не выходит за рамки стоимостного соотношения между затратами и результатами труда в виде формулы⁶:

$$\left. \begin{array}{l} \text{труд, необходимый} \\ \text{по условиям} \\ \text{производства,} \end{array} \right\} \boxed{\text{равен}} \left\{ \begin{array}{l} \text{труду, необходимому} \\ \text{по условиям} \\ \text{потребления.} \end{array} \right.$$

Из этого равенства следует, что мера труда соответствует мере потребления на основе соответствия производства потребностям, которое происходит ввиду равенства потребительных оценок затратам труда (измерителем здесь выступают именно затраты труда). Примат производства по

отношению к потреблению в этом равенстве сохраняется. В самом деле, это равенство обусловлено левой частью, представленной затратами труда, необходимыми по условиям производства. Мера потребления ограничена затратами на воспроизводство рабочей силы, которые зависят от свойств потребляемых жизненных средств, их потребительной стоимости, что не учитывается в этом равенстве.

Труд и время, необходимые в рамках движения потребительной стоимости, приобретают другой смысл: они становятся необходимыми по требованиям удовлетворения потребностей в данных потребительных стоимостях. Именно в этом смысле необходимый труд не имеет отношения к меновой стоимости и не является ее эквивалентом. В рамках потребительной стоимости предпосылкой в движении последней выступают не затраты труда на ее создание и не ее обусловленность этими затратами, а обусловленность затрат труда потребительной стоимостью продукта и стоящими за ней потребностями общества. В этом случае мера потребления обуславливает меру труда.

Труд и потребление в потребительно-стоимостном измерении взаимодействуют иначе, чем в стоимостном. Человек работал бы на удовлетворение своих непосредственных нужд, и мера его труда определялась объемом (мерой) его непосредственных потребностей (последние выражаются в соответственных производимых благах). Тогда общество трудилось и производило бы не более того, в чем оно нуждалось: границы потребления индивида определяют в этом случае границы его труда.

В потребительно-стоимостном измерении потреблением определяется мера труда, и, следовательно, целью производства является потребительная стоимость и возвышение потребностей, измеряемых на основе труда, создающего результат, который превосходит его затраты. В данном случае соизмерение осуществляется не затраченным трудом (как в законе стоимости), а высвобождаемым, сэкономленным трудом, получаемым от реализации потребительной стоимости продукта. Единицей измерения и соизмерения служит единица высвобождаемого труда: 1 человеко-час, 1 человеко-день, 1 человеко-год. В результате этого преодолеваются ограничения затратного механизма не только трудовой теории стоимости, но и субъективистской теории

предельной полезности вместе с субъективными оценками. С переходом к «антизатратному» механизму получаем возможность измерять полезность объективным показателем — сэкономленным трудом.

Если q — количество труда, N — количество потребителей, $\pi = (\pi_1, \pi_2, \dots, \pi_n)$ — вектор потребностей общества, то $q = f(N, \pi_1, \pi_2, \dots, \pi_n)$, т. е. объем необходимого рабочего времени является функцией от числа потребителей и потребностей (вид этой зависимости f не рассматривается). Причем каждое благо служит удовлетворению многих потребностей, и каждая потребность может быть удовлетворена набором разнообразных благ.

Потребности общества заставляют производительное население искать способы увеличения производительности труда (применение новой техники, технологии и т. д.), а потребление продукта, обладающего потребительной стоимостью, позволяющее высвобождающийся труд затратить на другие виды труда, необходимые для удовлетворения потребностей. В этом случае мера потребления определяет меру труда, а труд, необходимый по условиям потребления, не соответствует труду по условиям производства. Более того,

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{труд, необходимый} \\ \text{по условиям} \\ \text{потребления,} \end{array} \right\} \begin{array}{c} \text{(больше)} \\ >> \end{array} \left\{ \begin{array}{l} \text{труда, не обходимого} \\ \text{по условиям} \\ \text{производства.} \end{array} \right\}$$

Предполагаемое трудовой теорией равенство, возможное лишь при обмене меновых стоимостей, заменяется неравенством. В условиях производства и потребления продукта как потребительной стоимости создается возможность и необходимость превышения меры потребления над мерой труда. Возможность этого превышения следует из того, что время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, зависит не от стоимости жизненных средств, необходимых для этого воспроизводства, а от их потребительной стоимости. Потребительная стоимость жизненных средств реализуется в потреблении, тем самым создается дополнительный запас рабочей силы, позволяющий экономить время необходимого труда и получить новые возможности для развития человека, общества, государства и его регионов.

В качестве критерия развития региона предлагается рассматривать потребительную силу общества, так как если

общество ставит своей целью построить социально ориентированную рыночную экономику, то для достижения этой цели необходимо ориентировать всю экономику и социальную сферу на человека. В таком случае при управлении социально-экономическим развитием региона ставится цель формирования и развития способности общества к потреблению — формирование и развитие потребительной силы общества, расчет которой на уровне рациональных норм потребления приведен для Ленинградской области и Республики Мордовия в табл. 1, 2, 3.

Используя данные рациональных норм потребления, например, основных продуктов питания в среднем на душу населения, можно рассчитать потребность населения региона в продовольственных товарах. В итоге для определения величины потребности в том или в ином благе последнее умножается на число потребителей, а также устанавливается мера потребительной способности населения. Потребление продуктов питания следует рассматривать особо, так как это физиологический процесс, обеспечивающий человека необходимыми питательными веществами для воспроизводства своих жизненных сил.

Так, в Республике Мордовия потребность населения в продовольственных товарах можно установить, используя нормы рационального потребления основных продуктов питания, установленных для этого региона, а также исходя из того, что численность постоянного населения республики (по данным Госкомстата РМ) на 2005 г. составляла 856,8 тыс. чел.⁷ На этой основе было рассчитано фактическое потребление населения, выявлена потребность населения в основных продуктах питания за 2005 г. (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что по всем основным продуктам питания наблюдается отклонение фактического потребления от потребностей населения республики в 2005 г., причем по всем этим продуктам фактическое потребление отстает от необходимых потребностей, кроме хлебных продуктов.

Оценка потребительной силы населения Ленинградской области на основе рациональных норм потребления и норм, предложенных Минтруда и Госкомстатом России, дана в табл. 2.

Таблица 1

**Потребление продуктов питания на одного члена домохозяйства
в Республике Мордовия за 2005 г.⁸**

Продукты питания	Фактическое потребление, кг в год	Потребность населения на уровне рациональных норм, кг в год	Отклонение фактического потребления от потребности населения, кг в год	Отношение фактического потребления к потребности населения, %
Мясо и мясопродукты	53,00	85,00	32,00	62,35
Рыба и рыбопродукты	17,00	23,70	6,70	71,73
Сахар и кондитерские изделия	35,00	36,50	1,50	95,89
Молоко и молочные продукты	242,00	400,00	158,00	60,50
Картофель	62,00	106,00	44,00	58,49
Масло растительное и другие жиры	12,00	13,10	1,10	91,60
Овощи и бахчевые культуры	74,00	140,30	66,30	52,74

Таблица 2

Годовые нормы потребления продуктов питания в расчете на 1 чел. в год, кг⁹

Продукты питания	Рациональная норма потребления АМН СССР	Минимальный набор продуктов питания для потребительской корзины				
		Минтруда России (10 ноября 1992 г.)	Минтруда и Госкомстат России (28 апреля 2000 г.)	Законодательное собрание Ленинградской области (24 января 2007 г.)		
				трудоспособное население	пенсионеры	дети
Мясо и мясные продукты	81,8	26,6	27,5	37,8	32,1	87,4
Молоко и молокопродукты в пересчете на молоко	433,6	212,4	240,7	220,6	200,9	313,9
Яйца, шт.	292,0	151,0	150,0	200,0	180,0	192,0
Рыбопродукты	18,5	11,7	12,7	17,0	16,0	14,7
Сахар и кондитерские изделия в пересчете на сахар	36,5	20,7	21,0	22,2	21,2	25,8
Масло растительное, маргарин и другие жиры	9,0	10,0	10,6	13,5	11,0	10,1
Картофель	96,7	124,2	111,0	98,0	80,0	94,9

Продукты питания	Рациональная норма потребления АМН СССР	Минимальный набор продуктов питания для потребительской корзины				
		Минтруда России (10 ноября 1992 г.)	Минтруда и Госкомстат России (28 апреля 2000 г.)	Законодательное собрание Ленинградской области (24 января 2007 г.)		
				трудоспособное население	пенсионеры	дети
Овощи и бахчевые культуры	146,0	94,0	96,1	97,1	92,0	109,9
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупы, бобовые)	120,4	130,8	119,5	137,2	104,8	87,4
Фрукты свежие	113,0	19,4	25,1	23,0	22,0	46,2
Прочие продукты (соль, чай, специи)	—	—	4,2	4,9	4,2	3,6

По данным Петростата, средняя численность населения Ленинградской области на 2005 г. составляла 1 648,4 тыс. чел. (городское население — 1 092,9 тыс. чел., сельское население — 555,5 тыс. чел.¹⁰).

Из табл. 3 видно, что в 2005 г. фактическое потребление отстает от потребностей населения Ленинградской области в мясе и мясопродуктах на 41,3 %, молоке и молочных продуктах — на 44 %, овощах и бахчевых культурах — на 38,4 %. Следует заметить, что этот показатель в 2006 г. сократился незначительно. Население Ленинградской области компенсирует сложившееся недопотребление этих продуктов другими: превышение потребления в 2005 г. над необходимой потребностью в хлебобулочных изделиях составило 5 %, в картофеле — 22 %, растительном масле и других жирах — 45 %.

Кроме проведенного выше расчета потребности населения в основных продуктах питания, можно установить потребность регионов в непродовольственных товарах и услугах. Также можно определить потребность в одежде, обуви, жилой площади, услугах учреждений культуры и т. д., поскольку даже ряд духовных потребностей имеет некоторую величину, превышение которой может быть неразумным и мешать разностороннему развитию человека¹¹. Количественно определенная потребительная сила населения, рассчитанная на основе рациональных норм

потребления, способна быть ориентиром для производства, нацеливать его на выпуск определенного количества продуктов питания, непродовольственных товаров, а также на оказание нужных услуг.

Таблица 3

Потребление населением Ленинградской области основных продуктов питания в 2005—2006 гг. в расчете на душу населения в год, кг¹²

Продукты питания	Фактическое потребление	Потребность населения на уровне рациональных норм (АМН СССР)	Отклонение фактического потребления от потребности населения	Отношение фактического потребления к потребности населения, %	Потребность населения по нормам, рассчитанным Минтруда и Госкомстатом России (28 апреля 2000 г.)	Отклонение фактического потребления от потребности населения	Отношение фактического потребления к потребности населения, %
<i>2005 г.</i>							
Хлебные продукты	127	120,4	-6,6	105,48	119,5	-7,5	106,28
Мясо и мясопродукты	48	81,8	33,8	58,68	27,5	-20,5	174,55
Рыба и рыбопродукты	—	18,5	—	—	12,7	—	—
Сахар и кондитерские изделия	46	36,5	-9,4	126,02	21,0	-25,0	219,05
Молоко и молочные продукты	243	433,6	190,6	56,04	240,7	-2,3	100,96
Картофель	118	96,7	-21,3	122,3	111,0	-7,0	106,31
Масло растительное и другие жиры	13,1	9,0	-4,1	145,56	10,6	-2,5	123,58
Овощи и бахчевые культуры	90	146,0	56,0	61,64	96,1	6,1	93,65
<i>2006 г.</i>							
Хлебные продукты	127	120,4	-6,6	105,4	119,5	-7,5	106,28
Мясо и мясопродукты	54	81,8	27,8	66,01	27,5	-26,5	196,36
Рыба и рыбопродукты	—	18,5	—	—	12,7	—	—

Продукты питания	Фактическое потребление	Потребность населения на уровне рациональных норм (АМН СССР)	Отклонение фактического потребления от потребности населения	Отношение фактического потребления к потребности населения, %	Потребность населения по нормам, рассчитанным Минтруда и Госкомстатом России (28 апреля 2000 г.)	Отклонение фактического потребления от потребности населения	Отношение фактического потребления к потребности населения, %
Сахар и кондитерские изделия	46	36,5	-9,4	126,02	21,0	-25,0	219,05
Молоко и молочные продукты	261	433,6	172,6	60,19	240,7	-20,3	108,43
Картофель	107	96,7	-10,3	110,65	111,0	4,0	96,4
Масло растительное и другие жиры	13,2	9,0	-4,2	145,05	10,6	-2,6	124,53
Овощи и бахчевые культуры	92	146,0	54,0	63,01	96,1	4,1	95,73

Таким образом, в производстве, основанном на потребительской стоимости, мера труда и мера потребления имели бы следующий вид:

— мера труда, необходимого по условиям производства (обозначим ее через $\mu_{np}(T_p)$), находится в зависимости от потребительской силы общества F_p^t , т. е. $\mu_{np}(T_p) = f(F_p^t)$ (сам вид функции не рассматривается). Это означает, что общество из своего объема социального времени (СВ), которое расходуется на удовлетворение его потребностей, отводит производству определенную долю необходимого социального времени — $\mu(PB) = \mu(CB) - \mu(NPB)$ или такое количество труда, которое удовлетворяет его общественные потребности (воспроизводит человека и себя в расширяющихся масштабах развития);

— мера потребления зависит от потребительской силы общества, которая будет находиться под определяющим влиянием производительной силы труда (имеется в виду продуктивность труда, а не продолжительность), т. е. $F_p^t = g(F_{pr}^t) \Rightarrow \mu_{nm}(T_p) = f(F_p^t) = f(g(F_{pr}^t))$, где $\mu_{nm}(T_p)$ — мера

потребления. Причем функции f и g — возрастающие, так как чем выше поднимается производительная сила труда, тем больше мера потребительной силы общества превышает меру необходимого рабочего времени, а это ведет к расширению возможности лучшего удовлетворения потребностей страны и развитию его регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: основы политической экономии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 576 с.

² См.: Пруель Н.А., Всеволодов О.Б. Социальная экономия труда как общая основа политической экономии. Обзор конференции // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. Вып. 3. 2008. С. 348—365.

³ См.: Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1987. С. 96.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ См.: Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Экономика, 1967. С. 369.

⁶ Там же. С. 368.

⁷ См.: Мордовия: стат. ежегодник. Саранск: Мордовиястат, 2006. С. 18—23.

⁸ Там же.

⁹ См.: Муздыбаев К. Качество жизни населения Петербурга: 1990—2004 годы. СПб., 2005. С. 46.

¹⁰ Ленинградская область в 2006 году: стат. ежегодник. СПб.: Петростат, 2007. С. 18—19.

¹¹ См.: Кузнецов А.Ф., Малинина Т.Б. Сбалансированность и пропорциональность производства и потребления в хозяйстве региона. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. 232 с.

¹² См.: Регионы России. Социально-экономические показатели 2007 г.: стат. сб. Росстат. М., 2007. 991 с.

Поступила 28.02.11.

Л. М. КОЖЕВНИКОВА

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: системный подход, метод синхронизации, модель хозяйствования, рыночные отношения, система управления, отношения собственности, приватизация, реорганизация, рынок сбыта, рынок услуг

Key words: system approach, synchronisation method, economic model, market relations, management system, property relations, privatisation, reorganisation, sales market, services market

Вектором исторического развития России на рубеже XX—XXI вв. является переход от административно-командной экономики к рыночной. Процесс этот объективный и закономерный. Вполне естественно, что переходный процесс в России приобрел свои особенности. В начале 1990-х гг. были реформированы основные составляющие хозяйствования: отношения собственности в процессе производства и система управления экономикой.

В соответствии с законом «О земельной реформе» от 23 ноября 1990 г. № 374-1 отменялась государственная монополия на землю путем ее перераспределения для создания условий для равноправного развития различных форм хозяйствования¹. Приватизация земли и реорганизация собственности колхозов и совхозов избраны основными средствами формирования института частной собственности на землю и возрождения фермерского хозяйства. Таким способом идеологи реформ рассчитывали «раскрепостить» сельского работника и создать условия для «перерождения» его в труженика, хозяина на земле и тем самым обеспечить решение продовольственной проблемы.

КОЖЕВНИКОВА Людмила Михайловна, директор филиала Российского государственного социального университета в г. Красноярске, кандидат исторических наук.

В результате кардинальных мер изменилась централизованная система планирования производства и распределения произведенного продукта. Федеральный закон «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» от 2 декабря 1994 г. № 53-ФЗ ликвидировал государственную систему заготовок и закупок сельскохозяйственной продукции². Сельхозпроизводители получили право выбора вида хозяйственной деятельности и возможность распоряжаться продуктом своего труда по собственному усмотрению, искать выгодные экономические связи, источники сбыта и сферы услуг.

Модернизация отношений собственности и системы управления аграрным сектором наметила положительные тенденции. Внедрение рыночных отношений в сельское хозяйство означало вхождение страны в мировую эволюцию к смешанной экономике. Тотальный контроль и мелочная регламентация (основные составляющие административно-командной системы хозяйствования) заменены на плюрализм экономических взаимоотношений. В новых условиях возродился принцип материального стимулирования в основном из-за того, что с прибыльных хозяйств снималась обязанность выполнять государственные поставки за убыточные предприятия.

Несомненным достижением периода следует назвать повышение социальной активности сельского населения. В традиционном менталитете российского крестьянина уже не в первый раз отчетливо проявились черты собственника. Показательно, что начало 1990-х гг. характеризуется ростом количества фермерских хозяйств. Для объективности следует отметить, что среди первых фермеров появилось значительное число городских жителей, но это не опровергает идею о желании отдельной части крестьянства хозяйствовать самостоятельно. Да и реальная практика подтверждает, что большинство горожан, пожелавших арендовать землю для ведения сельскохозяйственного производства, — выходцы из села.

Однако «вхождение в рынок» инициировало и другие тенденции, в связи с которыми переходный период можно охарактеризовать как драматичный и болезненный процесс. Разница между реальностью и завышенными ожиданиями реформаторов оказалась колоссальной. С 1993 г. началось

сокращение посевных площадей, ухудшилось экологическое состояние земель. Уменьшение поголовья всех видов животных приняло повсеместный характер даже в исконно животноводческих районах страны. В Восточной Сибири с 1990 по 1997 г. снижение поголовья КРС было на 39,2 %, коров — на 22 %, свиней — на 44,2 %, овец и коз — на 73,7 %. За этот же период сократилось производство скота и птицы в убойном весе на 40,3 %, молока — на 33,0 %, яиц — на 43,2 %³. Ухудшилась производственно-техническая база сельского хозяйства. Была нарушена структура производства, изменилась традиционная специализация сельхозпредприятий и районов. *К 1998 г. вместо решения продовольственной проблемы возникла проблема продовольственной безопасности страны.* В связи с этим вполне естественно возникают вопросы «Почему спад производства принял повсеместный и масштабный характер?» и «Можно ли его объяснить неизбежными издержками переходного периода, или причины данного положения в сельском хозяйстве следует искать в стратегии и тактике российского и регионального руководства?».

На основе изучения опыта эволюции сельского хозяйства, анализа механизма реализации федерального законодательства 1985—2010 гг. в конкретном регионе можно сделать вывод об экономической неизбежности стратегии перехода к рыночным отношениям. *Причины высоких социально-экономических издержек следует искать в тактике перехода от одной модели хозяйствования к другой.*

В основном это касается концептуальных основ принятой программы реформ. Идеология реформ не опиралась на методологию системного подхода в разработке комплекса мер переходного периода и исключала синхронность преобразований. В российском стиле радикально настроенные реформаторы избрали методы форсирования исторического процесса и путем крайне кардинальных мер, проведенных без учета мирового опыта, национальных и региональных особенностей, обеспечили переход от одной крайности в другую: от тотального контроля и жесткой централизации к стихии товарно-денежных отношений.

Результаты избранных методов воплощения в жизнь радикальной программы можно проследить по нескольким направлениям реформ. Во-первых, это модернизация непо-

средственно в сельском хозяйстве. С начала 1992 г. эволюционный путь преобразования отношений собственности на основе федеральных нормативно-правовых актов был изменен на форсированный⁴. В огромной стране с разными природно-климатическими условиями и сложившимися региональными традициями организации и ведения производства предусматривалось в кратчайшие сроки реализовать широкомасштабный по размерам и глубокий по содержанию план мероприятий.

Вся тяжесть его претворения в жизнь была возложена на региональные органы управления, председателей колхозов и директоров совхозов. И вовсе не удивительно, что его исполнение на местах проводилось вполне советскими методами руководства (директивность, поспешность, формализм и упрощенчество), было допущено много ошибок и спровоцировано конфликтных ситуаций. По анализу данных Крайкомзема Красноярского края по периоду 1990-х гг. можно сделать вывод, что большинство нарушений в ходе земельной реформы связано с несовершенством законодательства и неподготовленностью землеустроительных работ к выделению земельных участков и установлению границ в натуре (на местности). Поэтому на длительный период затянулся процесс юридического оформления прав собственности на землю. Отнюдь не редкими были случаи самовольного захвата земли и нерационального ее использования. Многие фермеры из-за отсутствия техники и семян не пахали и не засевали значительную часть сельхозугодий, поэтому пашня зарастала сорняками и выбывала из учета посевных площадей⁵. Подобная ситуация складывалась и в других регионах Восточной Сибири. По данным Иркутского облкомзема, в результате дробления земли нарушены севообороты и мелиоративные системы, большинство хозяйств перешло на простое чередование культур. К 1994 г. до 30 % пашни в пределах фонда перераспределения земель области выведено из оборота⁶. Только с 1994 г. начался процесс формирования механизма регулирования земельных отношений. На местах были созданы органы управления по организации земельно-кадастрового производства.

С большими материальными издержками проводилась реорганизация колхозов и совхозов. Многие руководители районного уровня обеспечивали выполнение радикального

курса на фермеризацию аграрного сектора страны и не смогли подойти к оценке процесса с позиций здравого смысла для сохранения хозяйств-миллионников. После обязательного выделения земель в районный фонд перераспределения, выхода желающих вести самостоятельное хозяйство из колхозов и совхозов с земельным паем и имущественной долей была подорвана производственная база многих предприятий. Поэтому они попали под действие п. 14 Постановления Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г. № 86, предусматривающего объявление о банкротстве и ликвидации нерентабельного хозяйства⁷. Например, в Краснотуранском районе Красноярского края из десяти прибыльных сельхозпредприятий в 1990 г. к 1995 г. осталось два. Краснотуранский и Тубинский совхозы сохранились и преобразовались в акционерные общества благодаря героическим усилиям директоров⁸.

Вторым направлением реформ являются общеэкономические преобразования в стране в целом, оказавшие непосредственное влияние на аграрный сектор. Среди них можно выделить наиболее значимые. Во-первых, либерализация цен без предварительного формирования финансово-кредитного механизма, адекватного развитию производства, в условиях рыночных преобразований увеличила диспаритет цен. С 1990 по 1997 г. закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию увеличились в 1 871 раз, а материально-технические ресурсы — в 17 093 раза, т. е. превышение составило в 9,21 раза. Если в 1991 г. за трактор Т-4А нужно было реализовать 39 т зерна, в 1996 г. — 319 т, то уже в 1997 г. — 368 т, а по комбайнам — 48, 387 и 396 т соответственно⁹.

Во-вторых, либерализация внешней торговли в условиях сокращения объема сельскохозяйственного производства привела к неограниченному увеличению импорта продовольственных товаров. В 1996 г. в Красноярском крае его доля составила 50 %. Импортное продовольствие, из которого 12 % было низкого качества, свободно поступало на российский рынок и вытесняло с него отечественных производителей¹⁰.

В-третьих, приватизация промышленных предприятий, обслуживающих аграрный сектор и перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, нарушила сложившиеся хозяйственные связи и ликвидировала систему шефской по-

мощи города селу. Поэтому при переходе к новым условиям хозяйствования все сельхозпроизводители оказались без техники, семян, племенного скота, минеральных удобрений. В машиностроении не получило распространения производство средств малой механизации. Передача нефтяной и газовой отраслей в частную собственность обеспечила монополизацию небольшим числом предпринимателей важнейших природных ресурсов страны. Поэтому в условиях либерализации цен стоимость энергоносителей и ГСМ в отдельные годы достигала до 30 % себестоимости сельхозпродукции¹¹.

В-четвертых, отмена государственных закупок сельхозпродукции (при отмеченных выше плюсах) лишила предприятия привычного гарантированного источника сбыта. Для государственного регулирования формируемого продовольственного рынка Постановлением Правительства РФ «О создании Федеральной продовольственной корпорации и системы оптовых продовольственных рынков» от 3 октября 1994 г. № 1121 была создана Федеральная продовольственная корпорация (ФПК)¹². С 1995 по 1998 г. ей выделены 5 037 млн руб. из федерального бюджета и коммерческих банков под гарантии государства для выдачи аванса сельхозпроизводителям под залог будущей продукции и на закупку продовольствия. Однако в условиях стихии рыночных отношений только 1 507 млн руб. (30 %) были использованы по целевому назначению. Остальные средства распределены по коммерческим и посредническим структурам и затрачены на другие цели. Задолженность ФПК государство погасило за счет средств, предусмотренных бюджетом для финансовой поддержки АПК. Не обеспечило закупки сельскохозяйственного сырья и продовольствия в установленных Правительством РФ объемах на 1998 г. и Федеральное агентство по регулированию продовольственного рынка, созданное после упразднения ФПК¹³. Региональные продовольственные корпорации также не смогли сыграть существенной роли в решении проблемы. Оставшаяся свободной ниша в рамках рынка реализации сельскохозяйственной продукции заполнилась посредниками, которые скупали продукцию гораздо ниже себестоимости и ее перепродавали. В результате частный посреднический капитал стал диктовать политику ценообразования в условиях неуправляемых товарно-денежных отношений на оптовых и розничных рынках, выступать связующим зве-

ном между сельхозпроизводителями и перерабатывающими предприятиями.

Все в совокупности перечисленные преобразования подорвали материально-техническую базу аграрного сектора и тяжело отразились на финансовом положении сельхозпредприятий. К 1995 г. рыночный «романтизм», охвативший значительную часть представителей фермерского движения, под давлением отчетливо проявившихся негативных тенденций стал утихать. Выступая на сессии Законодательного собрания 18 мая 1995 г. В. А. Бердников, начальник Главного управления сельского хозяйства Иркутской области, отметил, что «одним из наиболее негативных результатов проводимых реформ в сельском хозяйстве является их непродуманность, поспешность, правовая необеспеченность, что не только не привело к повышению мотивации труда, а, наоборот, внедрило в сознание тружеников села неуверенность, безысходность и, как следствие, резкое снижение трудовой и технологической дисциплины»¹⁴.

Под давлением кризиса российское руководство разработало ряд антикризисных программ по стабилизации экономического положения в аграрном секторе¹⁵. Однако эти меры предусматривали решение локальных проблем и не вносили корректировки в концепцию переходного периода. Пожалуй, единственным решением, направленным на перспективу преодоления дробления земли и формирования мелкотоварного сельского хозяйства, можно назвать закон «О сельскохозяйственной кооперации»¹⁶. Но его выполнение, как и всех перечисленных нормативных актов, не могло стать реальностью вследствие отсутствия финансового обеспечения. Приватизация государственной собственности не принесла в казну, как рассчитывали идеологи реформ, дохода. В 1998 г. сбор налогов и платежей составлял 10 млрд руб. в месяц при плановых ежемесячных расходах государства 30 млрд руб. Внешняя задолженность России с 1992 по 1995 г. увеличилась почти в два раза — с 69 до 130 млрд долл.¹⁷ Поэтому вполне естественно, что из года в год сокращалась финансовая поддержка сельского хозяйства из республиканского и местных бюджетов: в 1991 г. в структуре потенциальных доходов, например, по Иркутской области, она составила 62 %, а в 1997 г. — 8 %¹⁸.

В начале XXI в. начался процесс восстановления управленческих функций государства. С целью регулирования земельных отношений приняты закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (2002 г.) и Земельный кодекс (2001)¹⁹. Закон «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» от 9 июля 2007 г. № 83-ФЗ направлен на преодоление стихии товарно-денежных отношений²⁰. Постепенно в отрасли начался процесс стабилизации положения. По данным Министерства сельского хозяйства РФ, «...в 2003 г. была обеспечена продовольственная безопасность государства и поставки на внутренний рынок продовольствия в объемах, необходимых для снабжения на уровне рекомендуемых медицинских норм»²¹.

В последующий период началась реализация комплекса законов и программ для создания условий динамичного развития отраслей сельского хозяйства. В 2006 г. вступил в силу закон «О развитии сельского хозяйства» и начал действовать приоритетный национальный проект «Развитие АПК», в 2007 г. Правительством РФ и Министерством сельского хозяйства РФ разработана Программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг.²² Следует отметить, что с началом реализации национальных проектов и введения в действие принятых законов на региональном уровне можно говорить о тенденции относительной устойчивости развития сельского хозяйства. Намечились процессы интеграции и кооперации. Есть обнадеживающие примеры удачного поиска форм приспособления предпринимательских структур к сложным условиям хозяйствования. Это является свидетельством начавшегося процесса адаптации сельских тружеников к рыночным отношениям. Однако в целом можно констатировать, что намечившиеся позитивные тенденции не создали «переломную» ситуацию в преодолении негативных явлений 1990-х гг. Поэтому в сельском хозяйстве сохраняется ряд системных проблем, сдерживающих развитие отрасли.

На основе анализа негативных и положительных тенденций в процессе перехода от одной модели хозяйствования в аграрной сфере к другой можно предположить ряд мероприятий, реализация которых позволит перейти сельскому хозяйству к прогрессивной эволюции. В систе-

ме управления необходимо отработать системный подход ко всему комплексу проблем отрасли с учетом внутренних импульсов развития и влияния внешних воздействий. Следует скорректировать методологию регулирующей роли государства на основе использования экономических рычагов и реализации основных функций (прогнозирующей, организационной, информационно-аналитической, корректирующей, мотивационной, контрольно-аналитической) с учетом национальных и региональных особенностей. Перспективны альтернативные формы кредитования сельского хозяйства. Дело в том, что банковские кредиты, как правило, недоступны сельхозпроизводителям из-за высокой процентной ставки и установленных сроков их погашения. Следует изучить, поддержать и распространить положительный опыт кредитных потребительских кооперативов, особенно важных для развития малых форм хозяйствования.

Необходима поддержка начавшегося процесса интеграции и кооперации. При этом следует опираться на метод синхронизации, чтобы не допустить другой крайности — тотальной коллективизации и сохранить фермерский сектор как одну из важнейших форм хозяйствования в рамках смешанной экономики. Весьма актуальными являются разработка и реализация системы мер вытеснения посреднического капитала из сферы сбыта. В качестве вариантов решения этой проблемы можно предложить создание в районах информационно-консультационных центров для оказания маркетинговых услуг и сбора данных об источниках сбыта, конъюнктуре рынка; не допускать усиления влияния монополизма перерабатывающих предприятий; предоставить возможность и оказать содействие развитию сети мелких предприятий по переработке сельхозпродукции в местах производства.

Обеспечение реализации вышеизложенных перспектив возможно при условии расширения сферы государственного регулирования товарно-денежными отношениями и перераспределения финансовых средств в пользу сельского хозяйства для сокращения разрыва в диспаритете цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и увеличения дотаций с учетом специфики отрасли и регионов. Весь предшествующий российский опыт и ход модернизации аграрного сектора на рубеже XX—XXI вв. нацеливает на необходимость выверить вектор преобразований в рыноч-

ных отношениях в предложенном направлении и обеспечить сельскому хозяйству достойное место в экономике страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Закон РСФСР «О земельной реформе» от 23 ноября 1990 г. № 374-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26. Ст. 327.

² См.: Закон РФ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» от 2 декабря 1994 г. № 53-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3303.

³ Рассчитано по: Центральная база статистических данных (ЦБСД). Основные показатели деятельности отдельных отраслей экономики. Сельское хозяйство и продовольствие. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main> (дата обращения: 15.12.2010).

⁴ См.: Указ Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» от 27 декабря 1991 г. № 323 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 1. Ст. 53; Постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г. № 86 // Собр. постановлений Правительства РФ. 1992. № 1—2. Ст. 9.

⁵ ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 23. Л. 107—108, 157—160, 166—168.

⁶ ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. Р-3485. Оп. 1. Д. 252. Л. 53.

⁷ См.: Постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г. № 86 // Собр. постановлений Правительства РФ. 1992. № 1—2. Ст. 9.

⁸ См.: Годовой отчет за 1995 г. // Текущий архив отдела сельского хозяйства администрации Краснотуранского района Красноярского края. С. 3.

⁹ ГАИО. Ф. Р-3485. Оп. 1. Д. 461. Л. 5.

¹⁰ ГАКК. Ф. Р-1374. Оп. 2. Д. 4566. Л. 5.

¹¹ См.: Доклад министра на коллегии Министерства сельского хозяйства РФ от 1 марта 2005 г. // ТАМСХРФ (Текущий архив Министерства сельского хозяйства РФ). С. 8.

¹² См.: Постановление Правительства РФ «О создании Федеральной продовольственной корпорации и системы оптовых продовольственных рынков» от 3 октября 1994 г. № 1121 // Собр. законодательства РФ. 1994. № 24. Ст. 2643.

¹³ См.: Опеньшев С.П. Отчет о результатах проверки государственного унитарного предприятия «Федеральное агентство по регулированию продовольственного рынка» при Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации в части выполнения статьи 64 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1999 год» о направлении возвратных бюджетных ссуд на формирование федерального продовольственного

фонда // Официальный сайт Счетной палаты РФ. Бюлл. Счетной палаты РФ. 2000. № 7 (31). С. 2, 3, 11. URL: <http://www.ach.gov.ru/ru> (дата обращения: 15.12.2010).

¹⁴ ГАИО. Ф. Р-3485. Оп. 1. Д. 252. Л. 47.

¹⁵ См.: Закон РФ «О племенном животноводстве» от 3 августа 1995 г. № 123-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. № 32. Ст. 3199; Федеральная целевая программа стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации на 1996—2000 годы: утверждена Указом Президента РФ от 18 июня 1996 г. // Там же. 1996. № 26. Ст. 3061; Закон РФ «О государственном регулировании агропромышленного производства» от 14 июля 1997 г. № 100-ФЗ // Там же. 1997. № 29. Ст. 3501.

¹⁶ См.: Закон РФ «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // Там же. 1995. № 50. Ст. 4870.

¹⁷ См.: Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985—2001: от Горбачева до Путина / сер. «Высшее образование». М.: Изд-во «Весь мир», 2001. С. 168, 207.

¹⁸ ГАИО. Ф. Р-3485. Оп. 1. Д. 461. Л. 5.

¹⁹ См.: Закон РФ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3018; Земельный кодекс // Там же. 2001. № 44. Ст. 4147.

²⁰ См.: Закон РФ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ // Там же. 2002. № 28. Ст. 2787.

²¹ Справка к совместному заседанию коллегии Министерства сельского хозяйства РФ и коллегии Минсельхозпрода Республики Беларусь от 10 декабря 2008 г. // ТАМСХРФ. С. 3.

²² См.: Закон РФ «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 27; Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» на территории Красноярского края. Красноярск: Платина, 2006. 37 с.; Постановление Правительства РФ «О государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 годы» от 14 июля 2007 г. № 446 // Собр. законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4080.

Поступила 27.12.10.

Б. И. ЛОМАКИН,
Н. К. АФОНИНА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА МОДЕРНИЗАЦИИ МОЛОЧНОЙ ОТРАСЛИ

Ключевые слова: модернизация, социально-экономическая оценка, молочная отрасль, сельхозорганизация, инновационная деятельность

Key words: modernisation, social and economic evaluation, dairy branch, agricultural company, innovative activity

Нестабильность производства молока и продуктов его переработки, их недостаток для полного удовлетворения населения являются прямой угрозой продовольственной безопасности страны, ее экономической и социальной устойчивости. Сокращение объемов производства сельскохозяйственной продукции и снижение ресурсного потенциала агропромышленного производства ведут к бедности и высокому уровню безработицы среди жителей села, сокращению в сельской местности количества социально-культурных учреждений, снижению уровня жизни сельского населения. Почти по всей стране происходит сокращение количества сельских поселений. Становится больше мелких поселений. В основном это «вымирающие деревни», в которых преобладает население старше трудоспособного возраста, отсутствует или слабо развита социальная и экономическая инфраструктура. На 1 января 2008 г. в Мордовии насчитывалось чуть более тысячи населенных пунктов (1 287), из них 400 имели до 15 жильцов, 55 пустовали; средний размер сельского населенного пункта за 1959—2007 гг. уменьшился с 341 до 268 чел.¹

Поэтому решение этой проблемы аграрного производства является одной из приоритетных задач сельского хозяйства России. Она должна была быть решена в ходе осуществления аграрной реформы, но именно она обострила проблемы аграр-

ЛОМАКИН Борис Иосифович, профессор кафедры экономики и управления аграрным производством Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

АФОНИНА Наталья Кузьминична, аспирант кафедры экономики и управления аграрным производством Мордовского государственного университета.

ной сферы. Мероприятия этой реформы были спонтанными, малопродуманными. Во всем агропромышленном комплексе страны были снижены объемы производства, особенно в стратегически важной его отрасли — животноводстве: в России поголовье коров сократилось с 20,5 млн в 1990 г. до 12,7 млн в 2000 г., а производство молока уменьшилось с 55,7 до 32,4 млн т. Разрушился генетический и производственный потенциал отрасли, обострилась конкуренция со стороны возрастающего импорта продовольствия. Правда, с начала 2000 г. в связи с повышением уровня реальных доходов населения, ростом спроса на молоко и цен его реализации сельскохозяйственными товаропроизводителями производство молока стабилизировалось, хотя поголовье коров продолжало сокращаться (табл. 1)².

Таблица 1

Динамика производства молока и поголовья коров в России, %

Год	Производство молока, млн т		Поголовье коров, млн гол.		Надой на 1 корову, т	
	все категории хозяйств	сельскохозяйственные организации	все категории хозяйств	сельскохозяйственные организации	все категории хозяйств	сельскохозяйственные организации
2000	32,3	15,3	12,7	6,5	2,5	2,3
2001	32,9	15,5	12,2	6,0	2,7	2,5
2002	33,5	16,0	11,8	5,7	2,8	2,8
2003	33,4	15,4	11,1	5,1	2,9	3,0
2004	32,2	14,4	10,3	4,7	3,0	3,1
2005	31,2	14,0	9,5	4,3	3,2	3,3
2006	31,2	14,1	9,3	4,1	3,4	3,7
2007	32,2	14,2	9,3	4,0	3,5	3,8
2008	32,4	14,3	9,2	3,9	3,5	3,9
2009	32,6	14,5	9,0	3,8	3,7	4,1
2010	31,9	14,3	8,8	3,7	3,6	4,0
2010 к 2000	98,7	93,5	69,3	57,9	144,0	173,9

В 2009 г. потребление молока и молочных продуктов в России оставалось стабильным на уровне 39 млн т. В результате увеличения внутреннего производства на 0,7 % (до 32 млн 600 тыс. т) и принятия эффективных мер таможенно-тарифного регулирования импорт сократился на 9 % и составил 16 % от объема потребления. Сейчас более 90 % импорта приходится на продукты переработки молока: сыры

и творог — 47 % (или 45 % от объема внутреннего рынка), сливочное масло — 31 %, сухое молоко — 13 %. В 2010 г. производство молока снизилось на 2,2 % (до 31,9 млн т). Если в первом полугодии наблюдалось увеличение производства, то за последние 4 месяца из-за аномальной засухи произошло снижение, и за 10 месяцев оно составило 481 тыс. т, или 1,7 %.

Сейчас сельское хозяйство, на наш взгляд, должно ориентироваться на обеспечение стабильного развития рынка, недопущение дефицита молочных продуктов и роста потребительских цен. Для этого необходимо решить четыре основные задачи: последовательно наращивать объемы внутреннего производства сырого молока внутри страны, снизить сезонность, стимулировать развитие переработки за счет строительства новых и модернизации существующих мощностей, повысить рентабельность производства молока. Решение поставленных задач возможно только посредством переориентации отрасли: необходимо направить ее на инновационный путь развития³.

Инновационная деятельность, применительно к животноводству означает совокупность последовательно осуществляемых действий по созданию новой или улучшенной животноводческой продукции. В связи с этим необходимо увеличить объемы производства и переработки молока для обеспечения населения собственным продовольствием; проводить политику здорового и безопасного питания; создать конкурентоспособное молочное производство, особенно на крупных высокотехнологизированных предприятиях промышленного типа; модернизировать производство в фермерских и личных подсобных хозяйствах; обеспечить устойчивое развитие молочной промышленности в системе АПК; создать безотходное производство с глубокой и комплексной переработкой молока; осуществить экологизацию технологий, производства; интегрировать молочную промышленность России в мировой рынок⁴.

Положительная динамика производства продукции в отрасли в последние годы была обеспечена за счет целевых программ, в частности, реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК», важнейшими задачами которого являлись стабилизация и ускоренное развитие отрасли на основе комплексного подхода к решению множества

накопившихся проблем. Целевые установки проекта вошли в государственную программу «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг.». Программой предусмотрено увеличить на треть производство животноводческой продукции в 2012 г. по отношению к 2006 г. (к началу освоения проекта «Развитие АПК»), что предполагает ежегодный прирост объемов производства не ниже 5 %⁵. Такое увеличение возможно, безусловно, при осуществлении комплексных мер поддержки со стороны государства. Только в 2009 г. из федерального бюджета на реализацию этого направления направлены 26 млрд 597 млн руб., в том числе 2 млрд 300 млн — на поддержку племенного скота. На финансирование экономически значимых региональных программ выделены 13 млрд 430 млн руб., в том числе из федерального бюджета — 3 млрд 448 млн руб. В 2010 г. финансирование увеличилось на 20 %, но в основном это коснулось повышения уровня развития социальной инфраструктуры. Запущена программа развития семейных молочных ферм (до 100 гол.) и сетевых ферм в рамках единого инфраструктурного и сбытового кластера. В 2009 г. были введены 52 молочные фермы в 11 субъектах РФ. В 2010 г. в 14 регионах построены 215 объектов, введена нулевая ставка НДС при ввозе племенного скота на территорию России, увеличено до 100 % субсидирование ставки по кредитам на развитие молочного животноводства. Кроме того, пролонгированы кредиты с субсидированием процентной ставки: краткосрочных — на 6 месяцев, инвестиционных — на 3 года (с 8 до 11 лет). Общий объем пролонгированных кредитов составил около 30 млрд руб.

Эти меры позволили привлечь в отрасль инвестиции и сформировать новую технологическую базу. За 2006—2009 гг. введены в эксплуатацию 347 новых объектов, модернизированы и реконструированы 1 227 молочных комплексов и ферм. За этот период были привлечены 250 млрд руб. кредитных ресурсов, что позволило увеличить производство молока на 1,5 млн т, или на 4,6 %. В то же время инвестиции увеличились на 21 %. Это говорит о том, что средства, направленные на модернизацию отрасли, используются недостаточно эффективно.

Общие тенденции развития производства молока по России характерны и для Республики Мордовия: за 1990—2010 гг. сократилось поголовье скота почти всех его видов, в том числе крупного рогатого скота стало меньше на 55,1 %. Падал уровень производства и продуктивности животных. Кроме того, ухудшалось качество молока. Неудовлетворительное качество объяснялось недостатком и плохим качеством кормов, небрежностью при дойке, нарушением технологии хранения молока, неудовлетворительным состоянием доильного и холодильного оборудования ферм, недостаточным обеспечением фильтрующими и дезинфицирующими материалами, наличием маститов и других болезней коров.

Курс на поддержку отрасли дал некоторые положительные результаты (табл. 2). За последние 5 лет производство молока во всех категориях хозяйств Мордовии увеличилось на 7,0 %, хотя в дореформенный 1990 г. здесь производили молока в 1,4 раза больше⁶.

Таблица 2

Динамика развития отрасли молочного скотоводства в сельхозорганизациях, %

Показатель	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2005 г.
Поголовье коров, тыс. гол.	73,1	69,5	68,4	66,6	67,3	68,7	93,9
Годовой надой на 1 корову, кг	2768	3105	3371	3875	4260	4303	155,4
Производство молока, тыс. т	411,4	411,9	419,0	431,3	440,4	458,0	111,3
В том числе: — в сельскохозяй- ственных организа- циях, тыс. т	195,3	210,9	224,4	237,7	257,6	280,5	143,6

Положительная динамика развития животноводства за анализируемый период стала возможна благодаря реализации региональных программ: Республиканской целевой программе развития Республики Мордовия на 2008—2012 годы; Республиканской целевой программе развития конкуренции на продовольственном рынке Республики Мордовия на 2008—2012 годы; Программе «Развитие племенного животноводства в Республике Мордовия на 2002—2010 годы»; Программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Мордовия на 2008—2012 годы. В ходе их

реализации осуществлялись наиболее важные для отрасли мероприятия: государственная поддержка развития животноводства за счет бюджетных ассигнований на племенное дело в животноводстве, бюджетных кредитов, субсидирования части процентных ставок по целевым коммерческим кредитам; улучшение количественных и качественных параметров кормовой базы; строительство и реконструкция животноводческих ферм и комплексов; внедрение в производство ресурсосберегающих технологий⁷.

В инновационный процесс развития отрасли вовлечены все отрасли. Это позволит решить проблему обеспечения населения республики молочными продуктами высокого качества в необходимых объемах и ассортименте уже к 2012 г.

Основные трудности в реализации инновационного потенциала связаны с нехваткой собственных средств, ограниченностью бюджетного и внебюджетного финансирования, отсутствием заемных и привлеченных средств, постоянным дефицитом денежных средств. Однако объем инвестиций в основной капитал в Мордовии за период 2000—2008 гг. постоянно увеличивался и в 2008 г. составил 37 926 млн руб. против 3 066 млн руб. в 2000 г.

За последние восемь лет в экономику республики вложено более 130 млрд руб. инвестиций. Приоритетными направлениями экономического развития были и остаются инновации, модернизация и создание на этой базе высокоэффективных производств. Примечательно то, что они предназначены для крупного производства. Примером является ряд крупных проектов в агропромышленном комплексе: организация современного производства твердых сыров (ООО «Сыродельный завод „Сармич“»), строительство убойного цеха (ЗАО «Мордовский бекон-Ковылкино») и комбикормового завода производительностью 1 000 т комбикормов в сутки (ООО «Мордовское агропромышленное объединение „Корма“»), модернизация птицеводческих комплексов в ООО «Атемарский бройлер» и ОАО «Агрофирма „Октябрьская“», строительство новых и модернизация имеющихся молочных комплексов и др. Даже на начальном этапе своего развития эти организации могут стать примером высокоэффективного производства.

Таким образом, принимаемые меры по созданию благоприятных условий и поддержке сельскохозяйственных товаро-

производителей позволили сохранить позитивные тенденции роста производства продукции. Примечательно то, что для этого все больше используются инновации в технологии производства, особенно молока. В связи с этим среди главных остаются задачи по обеспечению динамичного развития сельскохозяйственного производства за счет наращивания и совершенствования производственного потенциала, улучшения их использования, создания благоприятных условий проживания в сельской местности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Данные похозяйственного учета сельских поселений. URL: <http://mrd.gks.ru/digital/region1/2007> (дата обращения: 11.02.2011).

² См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru (дата обращения: 17.12.2010).

³ См.: Зинченко А.П., Кагирова М.В. Тенденции и факторы молочной продуктивности коров // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2010. № 3. С. 24—27.

⁴ См.: Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 годы. URL: www.altagro22.ru/apk/dynamics_ark (дата обращения: 18.12.2010).

⁵ См.: Харитонов В.Д., Лисицын Д.Н., Лисенкова Л.Л. Основные направления развития молочной промышленности и вопросы экологизации // Переработка молока. 2010. № 10. С. 15—17.

⁶ См.: Данные похозяйственного учета ...

⁷ См.: Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия. URL: <http://agro.e-mordovia.ru/gos-programm/respprog.php> (дата обращения: 14.01.2011).

Поступила 24.03.11.

Е. И. ЧЕПИНА

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

Ключевые слова: электроэнергетика, потребление электроэнергии, тариф, либерализация, гарантирующий поставщик, энергосбытовые организации

Key words: electric power, electric power consumption, tariff, liberalisation, guaranteeing supplier, energy selling organisations

В сфере снабжения электроэнергией потребителей Республики Мордовия действуют 3 гарантирующих поставщика (ОАО «Мордовская энергосбытовая компания», ООО «Электросбытовая компания „Ватт-Электросбыт”», ООО «РУСЭНЕРГОСБЫТ») и 3 энергосбытовые организации (ООО «Энергосбыт РМ», ООО «Горсветэлектросбыт» и ООО «Энергосбыт»). Согласно Федеральному закону «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ, гарантирующий поставщик электрической энергии — коммерческая организация, обязанная в соответствии с настоящим законом или добровольно принятыми обязательствами заключить договор купли-продажи электрической энергии с любым обратившимся к ней потребителем электрической энергии либо с лицом, действующим от имени и в интересах потребителя электрической энергии и желающим ее приобрести.

За каждой организацией закреплена своя территория обслуживания потребителей. Одними из наиболее крупных компаний среди вышеперечисленных являются ОАО «Мордовская энергосбытовая компания» и ООО «Электросбытовая компания „Ватт-Электросбыт”». В настоящее время ОАО «Мордовская энергосбытовая компания» поставляет электрическую энергию 4 724 юридическим и 186 083 физическим лицам через 23 районные службы, подведомственные четырем межрайонным отделениям (Ковылкинскому, Комсомольскому, Краснослободскому и Саранскому)¹.

ЧЕПИНА Елена Ивановна, аспирант кафедры экономики и логистики Мордовского государственного университета.

ООО «Электросбытовая компания „Ватт-Электросбыт”» поставляет электрическую энергию 1 262 юридическим и 16 045 физическим лицам г. Саранска. К зоне его обслуживания относятся ГО Саранск, поселки Николаевка, Зыково, Пушкино, Добровольный, Пушкарские Выселки, р. п. Ялга, с. Монастырское, д. Полянки, с. Новая Чекаевка Лямбирского района, п. Левжинский Рузаевского района, саранские водозаборные сооружения Лямбирского и Старошайговского районов РМ².

В общем объеме реализации электрической энергии потребителям республики в 2010 г. на ОАО «Мордовская энергосбытовая компания» приходится 57 %, на ООО «Электросбытовая компания „Ватт-Электросбыт”» — около 20 %. Оставшаяся доля электрической энергии (23 %) поставляется другими организациями.

«В рейтинге регионов Приволжского федерального округа по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности „Производство и распределение электроэнергии, газа и воды” в 2008 г. Мордовия заняла тринадцатое место. На первом месте находился Пермский край; на втором — Республика Татарстан; на третьем — Самарская область; на четвертом — Саратовская область; на пятом — Оренбургская область; на шестом — Нижегородская область; на седьмом — Республика Башкортостан; на восьмом — Кировская область; на девятом — Удмуртская Республика; на десятом — Чувашская Республика; на одиннадцатом — Ульяновская область; на двенадцатом — Пензенская область; на четырнадцатом — Республика Марий Эл»³.

В Республике Мордовия наблюдается тенденция спада производства электроэнергии и увеличения объемов ее покупки со стороны.

Как видно из таблицы, в 2008 г. по сравнению с 2007 г. объем производства электроэнергии снизился всего на 2 %, а в 2009 г. по сравнению с 2008 г. — более чем на 12 %, однако покупка объемов электроэнергии со стороны в 2008 г. по отношению к 2007 г. выросла на 9,31 %, а в 2009 г. по отношению к 2008 г., наоборот, снизилась на 2,8 %. Несмотря на снижение объемов производства и покупки со стороны электрической энергии в 2009 г., объемы

ее потребления увеличились на 14,9 %. Важно отметить, что объемы потребления электроэнергии в 2007 и 2009 гг. практически совпадают.

Таблица

Объем производства и потребления электроэнергии в Республике Мордовия, млн кВт*ч⁴

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Произведено электроэнергии	1 525	1 495	1 326
Получено электроэнергии со стороны	2 036	2 245	2 184
Потреблено электроэнергии	2 933	2 492	2 930
В том числе:			
— добыча полезных ископаемых	2	—	—
— обрабатывающие производства	980	1041	965
— производство и распределение электроэнергии, газа и воды	495	400	473
— строительство	37	40	38
— транспорт и связь	304	64	293
— сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	142	147	149
— предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	15	8	73
— прочие виды деятельности	258	98	69
— потреблено населением	316	313	487
— потери в сетях общего пользования	384	381	383
Отпущено электроэнергии в другие области (перетоки)	628	1 248	580

Структура потребления электрической энергии показывает, что на первом месте стоят обрабатывающие производства (33 % в 2007 и 2009 гг., 42 % в 2008 г.), на втором — производство и распределение электрической энергии, газа и воды (17 % в 2007 г. и 16 % в 2008—2009 гг.), что вполне закономерно, поскольку Мордовия является индустриально-аграрным регионом. При этом потребление электроэнергии аграрным сектором составляет всего 5—6 %. Третье место занимают потери в сетях общего пользования (в 2007 и 2009 гг. их доля составила 13 %, в 2008 г. — 15 %). С каждым годом увеличивается доля потребления электрической энергии населением (17 % в 2009 г.). Невысока доля потребления электрической энергии в строительстве (1—2 %).

Ежегодно вместе с потреблением электрической энергии происходит и рост тарифов на энергоносители. По данным Экспертного совета по электроэнергетике при Федеральной антимонопольной службе, увеличение тарифов на электри-

ческую энергию в России в 2008 г. по сравнению с 2007 г. составил 14 %, в 2009 г. по сравнению с 2008 г. — 25 %, а в 2010 г. по сравнению с 2009 г. — 10 %, при этом необходимо отметить, что наибольший рост достигнут в 2009 г. в период экономического кризиса.

Согласно Постановлению Правительства РФ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу определения объемов продажи электрической энергии по свободным (нерегулируемым) ценам» от 7 апреля 2007 г. № 205, с 1 января 2011 г. доля либерализации на оптовом рынке составит 100 %. Это означает, что весь объем электрической энергии будет продаваться потребителям (за исключением населения и потребителей, приравненных к населению) по свободным (нерегулируемым) ценам. Стоимость электроэнергии для населения будет регулироваться государством до 2014 г.

В соответствии со сценариями развития экономики РФ на ближайшие три года, одобренными Правительством РФ, рост регулируемых тарифов на электроэнергию в 2011 г. прогнозировался в 12—13 %, в 2012 г. — 11—12 %, в 2013 г. — 10—11 %⁵.

Исходя из динамики роста одноставочного тарифа для городского населения с газовыми плитами, представленной на рис. 1, видно что самым «дорогим» регионом в течение 4 лет по стоимости на электрическую энергию остается Самарская область, а самым «дешевым» — Оренбургская область. Тарифы на электрическую энергию в 2011 г. для населения в этих регионах составили 2,55 руб./кВт*ч и 1,87 руб./кВт*ч соответственно. Также самые высокие тарифы на электроэнергию наблюдаются в Пермском крае и Республике Татарстан, равные в 2011 г. 2,49 руб./кВт*ч и 2,43 руб./кВт*ч соответственно. Республика Мордовия в этом рейтинге находится в среднем положении: в 2008 г. тарифы были равны 1,59 руб./кВт*ч, в 2009 г. — 1,96 руб./кВт*ч, в 2010 г. — 2,17 руб./кВт*ч, в 2011 г. — 2,37 руб./кВт*ч. При этом нельзя не отметить положительную динамику, направленную на замедление темпов роста тарифов в республике. В 2009 г. по отношению к 2008 г. он составил 23 %, в 2010 г. по отношению к предыдущему году — всего 11 %, а в 2011 г. — лишь 9 %.

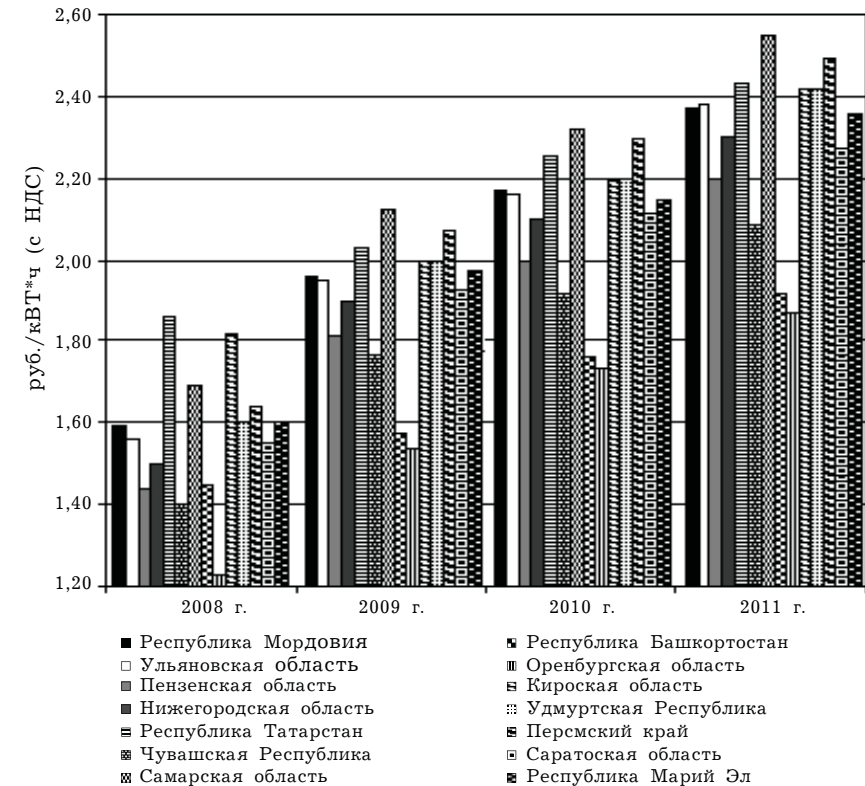

Рис. 1. Динамика роста тарифов на электрическую энергию для населения (с учетом НДС) в Приволжском федеральном округе

В целом по ПФО рост тарифов на 2011 г. по сравнению с предыдущим годом варьируется от 9 до 10 %. Что касается тарифов для прочих потребителей, то в данном случае тарифы на электроэнергию делятся на два вида: регулируемые, утверждаемые Региональной энергетической комиссией, и нерегулируемые. Как правило регулируемые тарифы ниже, чем свободные нерегулируемые цены, складывающиеся под воздействием рыночных механизмов функционирования на оптовом рынке электрической энергии и мощности. Поскольку, как отмечено выше, с 2011 г. для прочих потребителей

электроэнергия будет продаваться только по свободным ценам, приведем статистику нерегулируемых цен в 2010 г. в Республике Мордовия.

Свободные нерегулируемые цены для прочих потребителей дифференцируются в зависимости от уровня напряжения (наиболее распространены среднее второе (СН 11) и низкое напряжения (НН)) и величины количества часов использования заявленной мощности. Для сравнения приведем динамику цен на электроэнергию для прочих потребителей, поставляемую ОАО «Мордовская энергосбытовая компания» (ОАО «Мордовэнергосбыт») и ООО Электросбытовая компания „Ватт-Электросбыт” (ООО «Ватт-Электросбыт»).

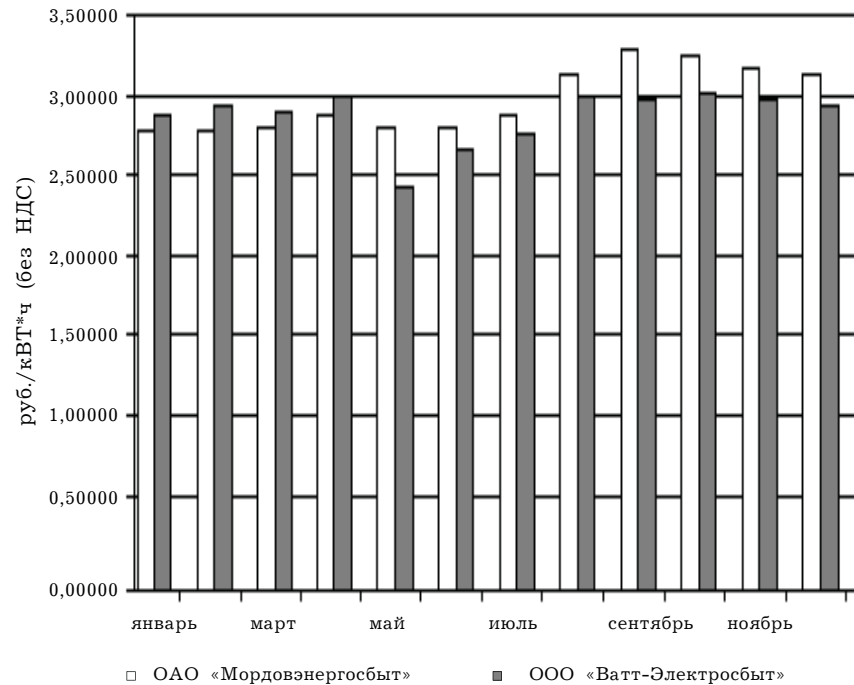

Рис. 2. Динамика цен на электроэнергию для прочих потребителей на СН 11 в 2010 г.

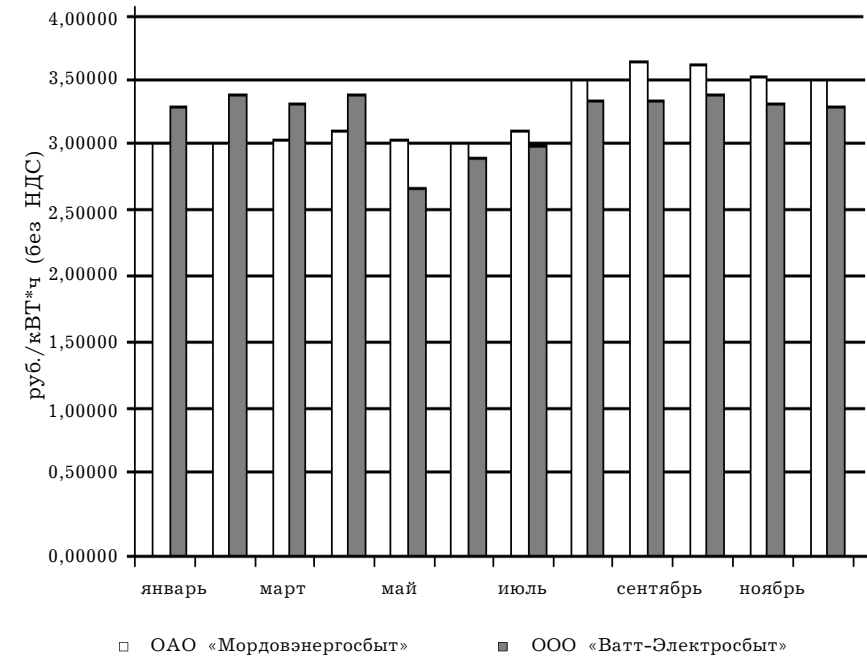

Рис. 3. Динамика цен на электроэнергию для прочих потребителей на НН в 2010 г.

Из рис. 2, 3 видно, что в начале года тарифы были выше у ООО «Ватт-Электросбыт» на уровне напряжения СН 11 и НН, но с мая ситуация изменилась, и цены на электроэнергию у ОАО «Мордовэнергосбыт» стали более высокими. В целом можно сделать вывод, что среднегодовые тарифы на электроэнергию у ООО «Ватт-Электросбыт» на уровне напряжения СН 11 ниже на 10,7 коп./кВт*ч, а на уровне напряжения НН — на 4 коп./кВт*ч.

Таким образом, одной из проблем на рынке электроэнергии Республики Мордовия является нехватка собственных ресурсов, т. е. вырабатывается меньше электроэнергии, чем потребляется, поэтому регион вынужден приобретать ее со стороны. С одной стороны, для увеличения производства электроэнергии необходимо осваивать нетрадиционные возобновляемые источники энергии (солнечная энергия),

а также вторичные возобновляемые источники энергии (твердые бытовые отходы, тепло промышленных и бытовых стоков, тепло- и газовентиляция). С другой стороны, важно эффективно реализовывать мероприятия по энергосбережению в соответствии с Федеральным законом «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ. Для этого необходимо разрабатывать региональные мероприятия с указанием конкретных сроков их реализации, например, сокращение объемов потребления электрической энергии бюджетными потребителями к концу 2011 г. на 10 %.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Шанкина Г.И., Рункова Е.С. Мониторинг эффективности реализации мероприятий энергосбережения в Республике Мордовия: аналит. докл. / отв. ред. А.И. Сухарев; Науч. центр соц.-экон. мониторинга Республики Мордовия. Саранск, 2010. 68 с.

² См.: ООО «Электросбытовая компания „Ватт-Электросбыт”». URL: http://www.skwes.com/index.php?option=com_content&view=article&id=47&Itemid=28 (дата обращения: 07.02.2011).

³ Шанкина Г.И., Рункова Е.С. Мониторинг эффективности реализации мероприятий энергосбережения ... С. 25—26.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ См.: Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/07/electroenergiya-anons.html> (дата обращения: 07.02.2011).

Поступила 03.03.11.

А. М. МОРДВИНОВ

ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

Ключевые слова: энергетические ресурсы, электроэффективность промышленного производства, электросберегающие мероприятия, энергоменеджмент промышленных предприятий

Key words: energy resources, industrial production energy efficiency, energy-saving measures, industrial enterprises energy-management

Энергетические ресурсы являются факторами экономического роста, вследствие этого оценка использования электроэнергии на промышленном предприятии должна осуществляться с учетом темпов роста объемов произведенной продукции. Отсутствие методологии измерения уровня и темпов энергетического потенциала промышленности страны затрудняет разработку долгосрочных программ, направленных на повышение энергетической эффективности для перехода к интенсивным методам хозяйствования. Основопологающим принципом использования электроэнергии в условиях расширенного воспроизводства должен быть опережающий рост объемов производства продукции, а именно чистой продукции, по сравнению с ростом энергетических затрат. В общем электропотреблении преобладает доля промышленности — 44,5 % (без электроэнергетики), в последние годы эта доля растет. При этом в структуре промышленного электропотребления примерно 30 % приходится на электроемкую тяжелую промышленность при наличии значительного объема устаревшего энерготехнологического оборудования. В результате суммарный потенциал энергосбережения в стране оценивается в 30—45 % современного уровня энергопотребления. В промышленности

МОРДВИНОВ Александр Михайлович, исполняющий обязанности генерального директора ОАО «Мордовская энергосбытовая компания».

электроэнергию по характеру потребления принято укрупнено делить на используемую на технологические нужды, двигательную силу и прочие нужды. Доля технологических затрат электроэнергии традиционно велика на большинстве промышленных предприятий.

В начале 2000-х гг. увеличение объема электропотребления сопровождалось преимущественно ростом энергоемкости производства по причине недогрузки производственных мощностей. На одних предприятиях энергосбережение, в том числе комплекс мероприятий по повышению эффективности использования электроэнергии, становится частью антикризисной программы, в других промышленных компаниях — способом получения дополнительных конкурентных преимуществ. Разработка программы энергосбережения промышленных предприятий должна быть результатом энергетического обследования производства, позволяющего создать систему мероприятий по рациональному использованию электроэнергии и оценки их экономической эффективности. Проблема энергопотребления во многом определяет экономическое положение предприятий и затрагивает интересы всех отраслей промышленности, однако в наибольшей мере она особо актуальна для металлургических, машиностроительных и химических компаний. В структуре себестоимости отечественной промышленной продукции доля энергетических затрат достигает в некоторых случаях 20 %. Несмотря на различия технологических процессов отдельных предприятий и видов преимущественно потребляемых энергетических ресурсов, всегда существуют технологические переделы и этапы производства, являющиеся наиболее энергоемкими, а также затраты, по которым оказывают существенное влияние на формирование себестоимости выпускаемой продукции. Учитывая относительную взаимозаменяемость энергоресурсов, изменение текущей цены и доли каждого ресурса, оптимизировать баланс энергоресурсов можно за счет снижения потерь и путем его структурной перестройки. В связи с этим большой интерес представляет энергофинансовый баланс предприятия, отражающий потоки денежных средств, связанных с получением и использованием энергоресурсов.

При изучении тенденций развития электрификации промышленности необходимо принять во внимание некоторые обстоятельства. Во-первых, медленное развитие обрабаты-

вающих отраслей промышленности. При сохранении существующего положения в экономике страны нет оснований предполагать существенный рост электропотребления в этой отрасли. Во-вторых, рост электропотребления в обрабатывающих производствах следует ожидать в результате расширения сферы применения электротехнологии, который сдерживается в настоящее время дефицитом электроэнергии, а также относительно высокими издержками и тарифами на нее. В-третьих, в результате технических, организационных и экономических мероприятий усиливается значение рационализации электропотребления в промышленности страны, что является важным сдерживающим фактором увеличения уровня энергоемкости выпускаемой промышленной продукции¹.

Достоверные показатели эффективности электропотребления в промышленности необходимы для правильной оценки последствий политики и программ по энергосбережению. При этом совершенствование системы энергетических показателей может потребовать значительных ресурсов, поэтому необходимо оценить отдачу затрат. Показатели электрооснащенности оборудования, электровооруженности труда и энергоемкости обработки материалов оказывают влияние на изменение фондоотдачи, производительности труда и материалоемкость продукции путем внедрения научно-технического прогресса и совершенствования энергетической базы, а также повышают эффективность общественного производства в целом. Показатель электровооруженности труда является одним из обобщающих показателей технического развития промышленного предприятия. Динамика критерия электропотребления более точно отражает основные тенденции изменения технико-экономических показателей и в определенной мере позволяет характеризовать социальные показатели трудовой деятельности работающих.

Наиболее общими критериями эффективности функционирования организации являются показатели рентабельности, производительности труда, а также объема электроэнергии, затраченной на производство продукции. Показатели рентабельности зависят от факторов первого порядка — прибыли, выручки и себестоимости проданной продукции. Выручка от реализации продукции не зависит напрямую от энергообеспеченности организации, однако в себестоимость проданной

продукции включают расходы на покупную электроэнергию. Таким образом, затраты на электроэнергию являются фактором второго порядка для показателей рентабельности деятельности организации, прибыль от обычной деятельности зависит от доли затрат на электроэнергию в общем объеме затрат. Современная научно-техническая революция охватывает три направления, связанные с коренными изменениями материально-вещественных факторов: изменения в области энергетической основы современного производства, собственно орудий труда (прежде всего, рабочих машин) и предметов труда (особенно развитие конструкционных материалов).

Все указанные направления в их единстве приводят к качественным сдвигам в области технологии промышленного производства, являясь основой производительных сил общества. Следует отметить существующую проблему модернизации энергетических мощностей промышленного оборудования, которая в значительной мере определяется сложившейся за многие годы структурой парка основного технологического оборудования. В связи с переходом России на рыночные отношения устарели применявшиеся ранее методические подходы к оценке экономической эффективности технических решений в электроэнергетической системе промышленного производства. Экономические рычаги сильно влияют на темпы научно-технического развития отечественной промышленности, поэтому экономическая эффективность электропотребления должна учитывать влияние на улучшение конечных показателей производства, прирост прибыли за счет повышения надежности, улучшения качества продукции, сокращения затрат труда и снижения себестоимости продукции².

Решение задач повышения эффективности использования электроэнергии на промышленных предприятиях должно обеспечиваться в тесной взаимосвязи с технологиями конкретных производств. Причиной несистемной реализации мероприятий по экономии электроэнергии на многих предприятиях является недостаточно эффективная система управления промышленной энергетикой, а не отсутствие финансовых ресурсов. При построении прогнозов потребления электроэнергии в промышленности следует учитывать факторы, способствующие повышению эффек-

тивности электропотребления. Научно-технический прогресс как объективная экономическая закономерность развития материального производства оказывает экономическое, социальное и технологическое влияние на потребление электроэнергии. Роль отдельных факторов в определении различий в электроемкости промышленного производства России и зарубежных стран выглядит следующим образом: 65 % разрыва объясняются различиями в продуктовой структуре, 22 % — менее совершенными технологиями, 13 % — различиями в удельных энергоемкостях сходных технологий или уровнем организации производства³. Таким образом, для сохранения высоких темпов экономического роста и повышения электроэффективности необходимо укрепление конкурентных преимуществ за счет изменения продуктовой и технологической структуры производства.

Обмен опытом, углубленные обзоры различных региональных программ и оценка подходов конкретных промышленных предприятий к электросбережению важны для процесса разработки политики экономии электроэнергии и информирования о ней более широкой аудитории. Для получения этой информации необходимы поиск, анализ и оценка резервов повышения эффективности использования электроэнергии на самом промышленном предприятии. Экономический потенциал электроэнергии как основной энергоноситель в научном аспекте полностью не изучен, и это не позволяет во многих случаях объективно оценить резервы повышения эффективности новых технологических процессов в связи с углублением электрификации современного промышленного производства. Резервы как неиспользованные возможности повышения эффективности использования электроэнергии возникают потому, что всегда имеется разрыв во времени между возникновением конкретных научно-технических достижений и их использованием в производственной практике. Развитие науки приводит к тому, что взамен неиспользованных резервов появляются новые. Безусловно, на промышленных предприятиях наибольшая экономия электроэнергии достигается в результате внедрения новой техники, модернизации и реконструкции оборудования, а также планомерного изменения действующей технологии. Однако технологическая модернизация является длительным процессом, поэтому в краткосрочном периоде для повышения

эффективности использования электроэнергии достаточно проведения отдельных режимно-эксплуатационных и организационно-экономических мероприятий без привлечения крупных финансовых средств.

На наш взгляд, проблема использования резервов эффективного использования электроэнергии в промышленности — это проблема мобилизации возможностей, связанных с максимальным использованием передовых достижений техники и технологий, рациональной организации производства, передового опыта ведущих промышленных предприятий страны. В процессе повышения эффективности электропотребления на промышленном предприятии важнейшей задачей управления является поиск возможностей ускоренного и своевременного освоения. В основе этого должны лежать принцип оптимального энергетического режима с максимальной производительностью технологического оборудования и минимальными удельными расходами электроэнергии, изменение технологии производства с полным или частичным сокращением электроемких переделов или процессов. При разработке новых номенклатур выпускаемой продукции и технологических процессов следует учитывать альтернативные варианты с меньшими расходами электроэнергии. Предотвращение потерь электроэнергии является более рациональным, чем их устранение. В итоге результативность технических и режимных мероприятий по снижению электропотребления во многом зависит от энергетической подготовки работников отечественных промышленных предприятий. Энергетическая подготовка работников призвана обеспечить прогнозирование потребности предприятия в электроэнергии и повышении энергетической эффективности производства в целом.

Процесс энергосбережения и экономии электроэнергии в промышленности связан с определенными ограничениями. Применительно к современному этапу развития экономики страны определяющими из них являются технико-технологические, финансовые, информационные и временные. При этом особое значение для понимания важности энергосберегающих мероприятий имеют ограничения времени. Весьма актуально использование энергосберегающего оборудования на предприятиях тяжелой промышленности и на крупных производственных комплексах, где нерациональное потребле-

ние электроэнергии ведет к огромным финансовым потерям. Развитие энергетической базы промышленности предполагает дальнейшее совершенствование общей методологии стратегического планирования научно-технического прогресса на межотраслевом уровне хозяйствования с позиций исследования главных факторов, определяющих эффективность общественного производства. Функционально-технологическая и организационно-хозяйственная разобщенность технических служб не позволяет внедрить систему «сквозного» коммерческого расчета, который мог бы дать эффект на всех уровнях производства. Для решения комплексных проблем электросбережения необходима единая служба технического развития предприятий, в составе которой должны быть специалисты по прогнозированию научно-технического прогресса, экономической оптимизации жизненного цикла продукции и обоснованию инвестиционных проектов. Данные этой службы могли бы послужить исходной информационной базой для разработки соответствующих разделов сводного бизнес-плана предприятия. Необходимо использование новых подходов к организации деятельности энергетических служб промышленных предприятий. Для обоснования управленческих решений определяющее значение имеет использование соответствующего методологического инструментария оценки эффективности электросбережения⁴. Как отмечалось выше, методологические и методические аспекты оценки эффективности и прогнозирования электропотребления в промышленности разработаны недостаточно. На всех уровнях управления (предприятие — регион — промышленность в целом) в программах развития и повышения организационно-технического уровня отсутствует взаимосвязь основных направлений научно-технического прогресса: электрификации, механизации и автоматизации, химизации, электронизации, информатизации. Все это оказывает негативное влияние на проведение качественного обоснования глубины и масштабов электрификации в промышленности.

Становится очевидным, что попытки решения этой проблемы только лишь посредством внесения изменений в действующее законодательство, что, безусловно, имеет большое значение, не могут принести желаемых результатов. Выбор метода количественной оценки конкурентоспособности предприятий с точки зрения энергетической эффективности

является ключевым решением, которое, с одной стороны, должно удовлетворять функциональной полноте и достоверности оценки, с другой — уменьшить затраты времени и средств на ее реализацию. Решение вопросов, связанных с повышением эффективности использования электроэнергии, определяется не только экономическими задачами, но и экологическими причинами. Социальный аспект электросбережения имеет самостоятельное значение, но непосредственно связан с улучшением условий труда работающих, которые в последние годы заметно ухудшились. Для оценки эффективности мероприятий, направленных на энергосбережение, следует учитывать все виды эффектов: технологический, экономический и социальный. На многих промышленных предприятиях пока нет комплексной оценки потенциала экономии электроэнергии. Требуется более совершенная нормативно-методическая документация для использования ее специалистами технических служб предприятий. Поэтому объективно необходимы поиск и разработка новых научно-обоснованных методик принятия управленческих решений для обеспечения устойчивого повышения эффективности использования электроэнергии промышленных предприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Некрасов А.С., Воронина С.А., Семикашев В.В. Современное состояние электрификации России // Проблемы прогнозирования. 2008. № 2. С. 47—58.

² См.: Вагин Г.Я., Лоскутов А.Б. и др. Экономия энергоресурсов в промышленных технологиях: справ.-метод. пособие. Н. Новгород: НГТУ, НИЦЭ, 2001. 296 с.

³ См.: Павлюченко А.Д. Внедрение программной системы контроля энергозатрат: интеграционный подход // Главный энергетик. 2007. № 2. С. 63—65.

⁴ См.: Новиков С.А., Татарских Б.Я. Организационно-экономические резервы снижения электроемкости продукции машиностроения: моногр. Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2010. 216 с.

Поступила 01.04.11.

Н. А. ФИЛИППОВА,
М. С. ЛЕБИНА

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ РЕГИОНА В БОРЬБЕ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: налоговые преступления, налоговые правонарушения, правоохранительные органы, налоговые органы, совместные проверки

Key words: tax crimes, tax delinquencies, law enforcement authorities, tax authorities, joint inspections

В Российской Федерации происходят глубокие политические и экономические преобразования, затрагивающие все сферы экономической жизни общества, в том числе и систему налогообложения, которая обеспечивает поступление налоговых платежей в бюджеты всех уровней. В связи с этим охрана общественных отношений в сфере налогообложения играет существенную роль в обеспечении нормального функционирования системы жизнеобеспечения страны, экономической безопасности и суверенитета любого современного государства. Во многих странах налоговые преступления относятся к категории тяжких, и борьба с ними — задача национального масштаба.

Осуществление контрольной деятельности государства за налоговой сферой предполагает взаимодействие специальных контрольных и правоохранительных органов, в компетенцию которых входят различные контрольные полномочия. От того, насколько четко налажено взаимодействие этих органов, во многом зависит эффективность своевременной уплаты налогов и сборов, а также обеспечение обязанностей по их уплате¹.

ФИЛИППОВА Наталья Алексеевна, заведующая кафедрой налогов и налогообложения Мордовского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

ЛЕБИНА Марина Сергеевна, аспирант кафедры налогов и налогообложения Мордовского государственного университета.

Наиболее криминогенными секторами экономики и предпринимательской деятельности сегодня являются банковская деятельность, валютные операции, операции с наличными денежными средствами, страховая деятельность, экспорт нефти, операции с нефтью и нефтепродуктами, туризм, офшоры, строительный бизнес.

В условиях мирового финансового кризиса и неблагоприятных тенденций в развитии экономики обстановка в налоговой сфере осложнилась и в Республике Мордовия. Отмечен рост преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов с организаций (с 17 случаев в 2005 г. до 30 в 2009 г.). Причем в 2009 г. количество преступлений по ст. 199 УК увеличилось в 1,5 раза по сравнению с 2008 г. Это объясняется тем, что в 2009 г. экономика Мордовии функционировала в условиях мирового финансового кризиса, который внес коррективы в социально-экономическую ситуацию. Так, доля убыточных предприятий составила 33 % (23 % в 2008 г.). По сальдированному финансовому результату, на 1 занятого республика заняла последнее место среди регионов ПФО и 59-е место по России. Реальная заработная плата снизилась за этот период на 3,6 %, реальные располагаемые доходы населения — на 1,8 %. Безусловно, это не могло не сказаться на росте налоговых преступлений, так как неустойчивое финансовое положение налогоплательщиков часто является определяющим фактором уклонения от уплаты налогов.

Количество преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов с физического лица, увеличилось с 8 в 2007 г. до 31 в 2009 г. (прирост в 2009 г. по сравнению с 2008 г. составил 10 %), с неисполнением обязанностей налогового агента — с 5 до 14 (16 %). Исключение составляет ст. 199.2, предусматривающая ответственность за сокрытие денежных средств или имущества (в 2005 г. — 17, в 2008 г. — 6, в 2009 г. — 6). В данном случае причина вполне понятна: обязанность по уплате налогов уже не исполнена, и, продолжая преступное бездействие, налогоплательщик пытается создать видимость невозможности уплаты налогов.

Непоступление в бюджетную систему республики запланированных доходов препятствует полноценному решению социально-экономических задач, которыми определяется будущее региона. Однако зачастую опасен не столько сам

факт непоступления денег в казну, сколько их использование на «нужды» теневого и криминального бизнеса.

В связи с этим увеличивается потребность в повышении эффективности и качества совместной работы налоговых органов и органов внутренних дел. С 30 июня 2009 г. такое взаимодействие осуществляется в соответствии с Приказом МВД России и ФНС России «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» № 495/ММ-7-2-347. Этот приказ определяет принципы, направления, порядок и формы взаимодействия для обеспечения экономической безопасности.

Проведение документальных проверок осуществляется в рамках инструкции «О порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления», утвержденной данным приказом. Она предусматривает определенные требования, предъявляемые к оформлению материалов, которые направляются налоговыми органами в органы внутренних дел для принятия решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ².

В результате анализа материалов, поступающих из УФНС РФ по РМ, можно сделать вывод, что не всегда соблюдаются требования к оформлению материалов, направляемых налоговыми органами в органы внутренних дел для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Имеют место факты направления налоговыми органами неполного объема необходимых документов по материалам выездных налоговых проверок для принятия решения в порядке ст. 144, 145 УПК. По таким материалам принять обоснованное решение в течение ограниченного времени (10 суток) проблематично.

Налоговыми органами в состав материалов, передаваемых в Управление по налоговым преступлениям МВД РМ, обычно включаются только акт выездной налоговой проверки, копия решения о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения, копия возражений по акту выездной налоговой проверки (при их наличии). Другие документы, предусмотренные указанной инструкцией, направляются не всегда.

Раздел 3 инструкции в целях обеспечения оперативности и повышения эффективности деятельности по рассмотрению материалов о нарушениях законодательства о налогах и сборах предусматривает предварительное ознакомление с ними сотрудников органов внутренних дел. Однако за пять месяцев 2010 г. ни по одному направленному в органы внутренних дел для рассмотрения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ материалу выездной налоговой проверки не проводилось предварительное ознакомление с сотрудниками Управления по налоговым преступлениям МВД РМ.

Это обстоятельство снижает эффективность совместной работы органов внутренних дел и налоговых органов по выявлению, пресечению и предупреждению преступлений и правонарушений, связанных с нарушением налогового законодательства.

Наличие проблем налоговых правонарушений и преступлений в Мордовии столь же актуально и остро, как и на всей территории РФ. Эффективность взаимодействия налоговых и правоохранительных органов определяют результаты их совместной работы. За 2009 г. налоговыми органами в органы внутренних дел в регионе направлен всего 41 материал налоговых проверок для принятия решения в соответствии со ст. 144, 145 УПК РФ. Причем количество материалов, поступающих из налоговых органов, с каждым годом уменьшается. Для принятия решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ налоговыми органами в органы внутренних дел был направлен в 2005 г. 71 материал налоговых проверок, выявлены 6 преступлений, т. е. 8,5 % от направленных в органы внутренних дел материалов; в 2006 г. — 108 материалов, выявлены 26 преступлений (28 %); в 2007 г. — 57 материалов, выявлены 19 преступлений (33 %); в 2008 г. — 29 материалов, выявлены 8 преступлений (28 %), из них по совместным проверкам, проводимым по инициативе УНП, выявлены 3 преступления. Результаты совместной работы свидетельствуют о недостаточно эффективном использовании возможностей взаимодействия МВД РМ и ФНС РМ.

По статистическим данным, из возбужденных уголовных дел о налоговых преступлениях в суд поступает около 10 %, остальные прекращаются на стадии предварительного следствия или возвращаются судом на дополнительное расследование, в том числе из-за некачественного расследования

и недоказанности вины налогоплательщика в умышленном уклонении от уплаты налогов. Трудности доказывания по налоговым преступлениям в немалой степени обусловлены недостаточностью теоретической разработанности вопросов уголовно-правовой характеристики налоговых преступлений.

Таким образом, выявленные недостатки в первую очередь свидетельствуют о наличии значительных резервов взаимодействия. Для повышения уровня и результатов взаимодействия мы считаем необходимым рекомендовать налоговым органам и органам внутренних дел РФ осуществление ряда мероприятий.

Во-первых, принять меры по расширению практики проведения совместных мероприятий в отношении налогоплательщиков, уклоняющихся от постановки на налоговый учет, не предоставляющих отчетность в налоговые органы или предоставляющих «нулевые» балансы при наличии информации о ведении ими хозяйственной деятельности; крупнейших налогоплательщиков; организаций, предъявляющих к возмещению суммы налога на добавленную стоимость по экспорту и операциям на внутреннем рынке; организаций, получающих дополнительные льготы по налогам и сборам в зонах экономического благоприятствования; организаций, функционирующих в сфере производства и оборота алкогольной продукции; иных категорий налогоплательщиков с повышенным риском совершения налоговых правонарушений.

Во-вторых, необходимо повысить качество проводимых проверок за счет широкого внедрения предпроверочного анализа, позволяющего выявлять перспективные направления и объекты проверки; методов осуществления контроля, основанных на системе оценок косвенных индикаторов налоговой базы и анализе информации о физических объемах потребляемых ресурсов и производимой продукции.

В-третьих, следует реализовывать согласование программ выездных налоговых проверок с четким разграничением функций между проверяющими. В ходе проведения совместных проверок органам внутренних дел нужно оказывать активное содействие и принимать непосредственное участие в применении методов контроля, предусмотренных ст. 90—98 Налогового кодекса РФ (участие свидетеля, осмотр, истребование документов, выемка документов, экспертиза, участие понятых и др.).

В-четвертых, требуется обеспечить обоюдное рассмотрение жалоб и разногласий по результатам совместных проверок, оказывать взаимную правовую помощь при подготовке материалов для рассмотрения в арбитражном суде по актам проверок, совместно участвовать в судебных процессах и т. д.

Необходимо помнить, что одной из причин налоговой преступности является нравственно-психологическое состояние общества, налогоплательщиков, характеризующееся негативным отношением к существующей системе налогообложения. Такое отношение в немалой степени объясняется низким уровнем налоговой культуры. Принимая это во внимание, главным направлением деятельности по предупреждению налоговой преступности следует признать повышение уровня налоговой культуры населения, что предполагает широкое информирование населения о налоговом законодательстве и его применении. Основное внимание, на наш взгляд, следует уделить просветительской работе с налогоплательщиками, формированию налоговой культуры, дисциплины. Во многих странах мира такая работа проводится на очень высоком уровне. Причем обучение налоговому законодательству, налоговое просвещение и консультирование осуществляются за счет бюджета государства. Кроме того, создаются службы, ответственные за налоговое консультирование и его осуществление. Практика показывает, что нельзя воспитать добропорядочного налогоплательщика, если не показывать примеры правильного применения налогового законодательства³.

Также стоит отметить получившие широкое распространение во многих странах мира различные способы «легального» ухода от уплаты налогов с использованием специальных «налоговых схем» и «программ», разработка которых стала основным видом деятельности для огромного количества консультативных фирм. Такие схемы и программы позволяют использовать несовершенство налогового законодательства в преступных целях. В связи с этим весьма актуальной представляется задача разработки механизма эффективного выявления новых налоговых схем, оценки их законности, отслеживания динамики распространения и контроля за их применением. Поэтому для России необходим новый подход к выявлению и пресечению незаконных налоговых схем, заключающийся в обязательной их регистрации. Характерной особенностью этой системы является то, что она возлагает

основную обязанность по декларированию налоговых схем на их «поставщиков» (банковские и кредитные организации, юристы и налоговые консультанты) или на самих налогоплательщиков⁴.

Предлагаемая система уже опробована и успешно функционирует в Великобритании и США. Принцип учета налоговых схем довольно прост: каждый, кто создал новый способ получения налоговой выгоды, обязан его задекларировать в налоговой службе. Эта обязанность возлагается в основном на поставщиков налоговых схем. Ими признаются банковские учреждения или учреждения, специализирующиеся на операциях с ценными бумагами, или лица, оказывающие услуги и имеющие отношение к налогам⁵.

Анализ мирового опыта использования предложенного способа борьбы с налоговыми схемами дает возможность сделать вывод, что система декларирования таких схем позволяет своевременно и эффективно бороться с самыми сложными налоговыми правонарушениями и преступлениями. Таким образом, реализация рекомендаций сократит рост налоговых преступлений и решит проблему уклонения от уплаты налогов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Максимова Л. Взаимодействие органов внутренних дел и налоговых органов // Бюджетные организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2010. № 1. С. 23.

² См.: Дубонос Е.С. Комментарий к Приказу МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» // Налоговый вестник: комментарии к нормативным документам для бухгалтеров. 2009. № 11. С. 27—30.

³ См.: Верстова М.Е. Основные приоритеты, принципы и направления совершенствования взаимодействия налоговых и правоохранительных органов по обеспечению исполнения налогоплательщиками своих обязанностей // Финансовое право. 2008. № 5. С. 14—15.

⁴ См.: Шередко Е.В. Современное состояние органов налогового администрирования Великобритании // Налоги и налогообложение. 2008. № 7. С. 25.

⁵ См.: Елинский А.В. Опыт Великобритании и США по разграничению законной и незаконной минимизации налогов и его значение для совершенствования российского законодательства // Налоги. 2006. № 1. С. 17.

Т. А. КУЗНЕЦОВА, А. А. ТАШКИНОВ, В. Д. ЧЕРКАСОВ

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ КАК ЦЕНТР
ИННОВАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА¹**

Ключевые слова: образовательные и научно-технические инновации, конкурентоспособность, управление качеством подготовки, междисциплинарные проекты, информатизация, инновационная инфраструктура, трансфер технологий

Key words: educational and scientific and technical innovations, competitive ability, preparation quality management, inter-disciplinary projects, informatisation, innovative infrastructure, technologies transfer

Актуальность инновационно-ориентированного регионального развития в рамках расширения международной интеграции и глобализации обусловлена необходимостью обеспечения конкурентоспособности региона. Инновационное развитие региона возможно при наличии организованной и эффективно функционирующей инновационной инфраструктуры, создающей совокупность условий (фундаментальная наука, система образования) в рамках комплекса взаимосвязанных структур (организаций, промышленных и иных общественных объектов), обеспечивающих возможность эффективной инновационной деятельности. Важнейшими требованиями инновационного развития являются экономические (целевые программы, направленные на решение экономических, научно-технических и других задач региона), экологические (экологическое управление, основанное на принципе эколого-антропогенного равновесия) и социальные (социальные программы, основанные на принципах свободного саморазвития личности и обеспечения высокого качества жизни)².

КУЗНЕЦОВА Татьяна Александровна, декан факультета дистанционных образовательных технологий Пермского государственного технического университета, кандидат технических наук, доцент.

ТАШКИНОВ Анатолий Александрович, первый проректор Пермского государственного технического университета, доктор физико-математических наук.

ЧЕРКАСОВ Василий Дмитриевич, заведующий кафедрой прикладной механики Мордовского государственного университета, доктор технических наук, профессор.

Инновационное развитие региона основано на взаимодействии вузов, предприятий и учреждений всех форм собственности³. Эффективность инновационной деятельности определяется качеством подготовки кадров, способных производить инновации, и качеством научных исследований и разработок⁴. В связи с этим главным субъектом инновационной деятельности в регионе являются вузы, обладающие развитой ресурсной базой для подготовки инновационных кадров и производства инноваций, включающей высококвалифицированный кадровый потенциал, материально-технические ресурсы (научно-исследовательские лаборатории и институты; малые инновационные предприятия; центры трансфера технологий, коллективного пользования, технологических компетенций, сертификации и экспертизы; информационные сети и ресурсы; уникальное научно-исследовательское оборудование и др.)⁵.

Среди наиболее эффективных инструментов, форм и методов участия вузов в развитии инноваций в регионе можно выделить подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов в области инновационного менеджмента, управления инновационными проектами; проведение экспертиз инновационных проектов на предмет оценки их новизны, возможностей коммерциализации, трансфера технологий; организацию и проведение конкурсов инновационных проектов; экспертизу ведомственных, республиканских, муниципальных целевых программ развития и поддержания инновационной деятельности; создание на базе университетов малых инновационных предприятий; сотрудничество с бизнес-структурами и научными организациями в сфере разработки и апробации инноваций (на базе исследовательских лабораторий университетов); участие в создании координационных структур и механизмов в области развития инновационной деятельности в регионе.

Инновационная подготовка выпускников вузов основывается на принципах единства образовательной и исследовательской составляющей образования, применения междисциплинарного и компетентностного подходов, индивидуализации и диверсификации образовательных программ различного уровня. При этом в качестве системообразующего элемента (ядра) подготовки инновационных кадров, обеспечивающего интеграцию теоретических знаний и научно-практического

опыта, должна рассматриваться научно-исследовательская деятельность студентов и аспирантов⁶.

Управление качеством инновационной подготовки осуществляется на основе разработанной с учетом требований Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) и профессиональных стандартов компетентностной модели выпускников через эффективную организацию образовательного и научно-исследовательского процессов. Программы инновационной подготовки включают когнитивный, мотивационный, эмоционально-личностный и технологический компоненты. Когнитивный (знаниевый) компонент определяется сформированными методологическими, фундаментальными и специальными знаниями; мотивационный — готовностью к актуализации полученных знаний, мотивированностью к новаторской и исследовательской деятельности; эмоционально-личностный — способностью к объективной самооценке и оценке результатов выполненных НИР и НИОКР; технологический — практическими навыками и умениями. Придание основным и дополнительным образовательным программам инновационной направленности осуществляется через академическую, организационную, институциональную и кадровую составляющие⁷.

Интеграторами, аккумуляторами передового опыта инновационной деятельности и нового научного знания в регионах призваны стать национальные исследовательские университеты (НИУ), эффективно осуществляющие образовательную и научную деятельность.

Одним из примеров эффективно функционирующего регионального центра инновационной деятельности является НИУ — Пермский государственный технический университет (ПГТУ). Здесь осуществляется инновационная деятельность, охватывающая создание и реализацию образовательных инноваций, а также производство научно-технических инноваций.

Главным инструментом достижения основных целей инновационной подготовки выпускников является принципиально новая организация учебного процесса в вузе, позволяющая наряду с традиционными траекториями подготовки бакалавров, магистров, инженеров, кандидатов и докторов наук сделать возможной индивидуальные траектории подготовки специалистов для инновационной экономики и наукоемкого бизнеса. Базой для этого служит организация группового

проектного обучения в сочетании с индивидуализацией и созданием инфраструктуры, обеспечивающей возможность работы над инновационными проектами.

Образовательная программа подготовки к инновационной деятельности в содержательной части характеризуется расширением и углублением профессиональных знаний, развитием исследовательских компетенций, творческой направленностью обучения. Структура такой образовательной программы включает дополнительные элементы: предметные концентрации инновационной направленности, комплексные междисциплинарные инновационные проекты, научно-технические семинары и др. Связи между элементами программы строятся на основе согласованных с целями программы подготовки требований ФГОС. Практическая часть программы направлена на достижение опыта творческой научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, при этом основной акцент делается на проектную деятельность⁸.

Образовательную составляющую инновационной деятельности ПГТУ обеспечивает широкий спектр основных и дополнительных программ, реализуемых по 108 специальностям высшего профессионального образования и направлениям бакалавриата; 20 направлениям магистратуры, включающим 35 специализированных магистерских программ; 62 научным специальностям аспирантуры и 19 — докторантуры; 6 программам дополнительного образования с присвоением новой квалификации, 15 программам переподготовки и 165 программам повышения квалификации. Структура реализуемых программ обладает достаточно высокими значениями системных макропоказателей. В частности, в общем количестве реализуемых программ высшего и послевузовского профессионального образования доля программ подготовки магистров составляет около 20 %, аспирантов — 26 %⁹.

Среди перспективных инноваций в сфере образовательной деятельности ПГТУ можно выделить внедрение дистанционных образовательных технологий (ДОТ); развитие информатизации учебного процесса на основе внедрения вычислительных комплексов высоких мощностей, программных систем и продуктов; создание программ взаимодействия с работодателями, направленных на индивидуализацию обучения и обеспечение практикоориентированности реализуемых образовательных программ; развитие материально-технической базы образова-

тельного процесса, направленное на приобретение уникальных приборов, станков, установок и лабораторий, доступных студентам и аспирантам в процессе обучения.

В настоящее время на факультете реализуются основные образовательные программы по 17 направлениям и специальностям высшего профессионального образования. Ведется обучение по 4 дуальным программам, направленным на получение двойных дипломов и степеней (в мировой образовательной практике — joint/dual¹⁰ program и joint/dual degree). Применение дистанционных образовательных технологий создает условия для стимулирования творческого потенциала обучающихся и позволяет проводить эффективные трансформации структуры и содержания образовательных программ на основе применения инновационных методов обучения.

Концепция ПГТУ в области информатизации учебного процесса основывается на решении нескольких приоритетных задач: создание образовательного портала вуза и расширение возможностей научной библиотеки университета; развитие университетской компьютерной сети передачи данных и информационного обмена с выходом в Интернет; разработка электронных образовательных ресурсов (ЭОР) и учебно-технологических комплексов; создание вычислительного кластера.

В рамках внедрения информационных технологий в учебный процесс оборудованы 12 аудиторий для проведения видеоконференций; 21 лаборатория, обеспечивающая доступ к виртуальным научно-образовательным комплексам; 25 поточных аудиторий лекторского мастерства, оснащенных комплексом средств мультимедиа, и др. В Региональном центре информатизации (РЦИ) ПГТУ разработана уникальная технология производства ЭОР, представляющая виртуальный мир учебной дисциплины с помощью управляемых студентом моделей изучаемых объектов¹¹.

В электронной библиотеке ПГТУ оформлена подписка на 120 электронных периодических изданий, подключены 52 российские и зарубежные библиотеки и книжные магазины. Организован доступ читателей к мощным информационным ресурсам Elsevier (1 937 наименований), Springer (1 500 наименований), AIP Journals, Oxford Journals, CSA Illumina, ЭБД РГБ (128 000 диссертаций), НЭБ РФФИ и др.

Объем электронного каталога научной библиотеки превышает 200 тыс. записей.

Основу вычислительного кластера составляет многопроцессорный ВК с производительностью 4 Tflops, который впервые в России оснащен программируемыми ускорителями вычислений, обеспечивающими увеличение производительности в 200—300 раз. Аппаратная база вычислительного кластера включает 64 двухпроцессорных сервера с четырехъядерными процессорами AMD Opteron, 2 вычислительных двухъядерных сервера с ускорителями компании Celoxica, 2 управляющих узла, 3 файловых сервера системы хранения данных, сеть управления скоростью передачи данных КС 1Gb/s, сеть и сервер мониторинга и управления аппаратной частью системы бесперебойного питания и охлаждения. Построение вычислительного кластера обеспечивает решение новых перспективных инженерных задач ракетно-космической техники, нанотехнологий, машиностроения, строительства.

Инновационная направленность образовательной деятельности обеспечивается взаимодействием с работодателями и межвузовским кооперированием на основе соглашений о партнерстве с ведущими зарубежными корпорациями Intel, ТНК-ВР, ВНР-Billiton, крупными российскими компаниями «Пермские моторы», «IBS» и соглашений о сотрудничестве с 20 зарубежными образовательными и научно-исследовательскими учреждениями, в том числе авторитетными европейскими университетами Бирмингема, Граца, Глазго, Болоньи и др.

Крупнейшая в мире горнодобывающая компания ВНР Billiton (120 тыс. чел. работающих) включила ПГТУ в число шести вузов России, обеспечивающих наиболее высокое качество подготовки специалистов по направлениям и специальностям горного дела, и предложила проект долгосрочного сотрудничества. В результате сотрудничества с компанией National Instruments введена в учебный процесс учебно-исследовательская лаборатория «Энергооптимизирующие и энергоресурсосберегающие технологии». Совместно с ОАО «Авиадвигатель» ведутся перспективные работы по полунатурному моделированию авиационных изделий. Выполняются работы по договорам с государственной корпорацией «Роснотех» на разработку и апробацию программ

опережающей профессиональной подготовки. В рамках выполнения договоров ведется создание учебно-методических комплексов к разрабатываемым программам, ориентированным на инвестиционные проекты «РоснаноТех» в области приоритетных направлений науки, техники и технологий.

Успешными проектами сотрудничества с работодателями являются учебный центр «ДаймлерКрайслер — ПГТУ», инновационный центр Microsoft в Пермском крае на базе ПГТУ, центр технической компетенции «AMD — ПГТУ» корпорации Advanced Micro Devices, учебный центр Академии Cisco и другие подразделения университета, созданные совместно с крупнейшими зарубежными компаниями и корпорациями.

Эффективным механизмом повышения качества фундаментальных НИР является интеграция образования и науки на основе сотрудничества с учреждениями РАН. В настоящее время в университете созданы 3 вузовско-академические кафедры, 5 кафедр имеют филиалы в Институте механики сплошных сред и Горном институте УрО РАН. Для реализации междисциплинарных научно-исследовательских образовательных программ в рамках межвузовской кооперации совместно с Пермской государственной медицинской академией создан Межвузовский инновационный научно-образовательный центр «Информационные технологии в медицине». Более 40 докторов и кандидатов наук из академических институтов участвует в проведении фундаментальных научных исследований в рамках совместных научно-исследовательских проектов. В рамках созданного Международного института стратегических материалов и технологий проводятся совместные исследования с ДжорджияТех (США) и университетами Израиля (Тель-Авивский университет, университет Технион, университетский центр «Ариэль»).

Эффективное использование интегративных процессов создает условия для поиска «прорывных» решений по приоритетным направлениям науки, техники и технологий, а также обеспечивает повышение качества реализуемых образовательных программ.

Научную составляющую инновационной деятельности ПГТУ обеспечивает инфраструктура, включающая научно-образовательные комплексы, научные лаборатории, научно-исследовательские и научно-производственные центры, опытно-конструкторские бюро и др. В 2010 г. проводилась

работа по 840 договорам на создание/передачу научно-технической продукции и оказание научных и технических услуг, включая государственные и муниципальные контракты. В 2010 г. общий объем научно-исследовательских работ и технологических разработок, выполняемых университетом, превысил 1 млрд руб., при этом доля договорных работ составила 80 %¹².

Активно проводятся исследования в сфере нефтяной, химической и горнодобывающей промышленности. Весьма важными являются и исследования, выполняемые в интересах ведущих предприятий машиностроительного комплекса Пермского края. В качестве наиболее перспективных можно выделить разработку технологий новых порошковых композиционных материалов, легированных сталей сверхвысокой прочности, диффузионных и плазменных покрытий; создание математических моделей, вычислительных алгоритмов и программных комплексов для расчета и проектирования конструкций. Чрезвычайно актуальными и востребованными являются исследования и технологические разработки в области экологии, охраны окружающей среды, промышленной безопасности.

Результаты прикладных исследований и разработок используются при создании опытных образцов техники и разработке новых технологий с технико-эксплуатационными параметрами, соответствующими мировому уровню, а в отдельных случаях и превышающими его. Например, разработаны конструкторско-технологические схемы материал-деталей из полимерных композиционных материалов систем шумозащиты эксплуатируемых и перспективных авиационных газотурбинных двигателей, превышающих по акустическим, массовым и технологическим параметрам существующие аналоги. Выполнены прогнозы нефтегазности по 300 локальным структурам на территории Волго-Уральской, Тимано-Печорской, Западно-Сибирской и Прикамской нефтегазоносных регионов с эффективностью прогноза 70—80 %, подтвержденной реальной эксплуатацией разбуренных месторождений более 200 структур. Впервые в отечественной и мировой практике для низкоуглеродистых мартенситных сталей разработаны и внедрены в металлургические производства технологические процессы термического упрочнения, максимально исключаящие все факторы загрязнения окружающей среды.

В вузе работает более 30 авторитетных и известных в России и мире научных коллективов, выполняющих исследования и разработки на уровне, соответствующем мировым достижениям. Поддержка ведущих научных школ и научных коллективов университета дает положительные результаты в создании «технологических коридоров» по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, а также ведет к расширенному воспроизводству научных знаний и устойчивому росту бюджетных и внебюджетных средств, привлекаемых для развития исследований и разработок университета.

Университетом получены 8 лицензий на право ведения профессиональной деятельности по ряду направлений, являющихся приоритетными для выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, и 16 свидетельств и сертификатов об аккредитации центров и лабораторий для предоставления научно-технических услуг по приоритетным направлениям научной деятельности. Среди наиболее значимых работ следует отметить серию НИР в области создания наноматериалов и нанотехнологий, выполненных в Научном центре порошкового материаловедения университета. В частности, в рамках федеральной целевой программы (ФЦП) «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007—2012 годы» для исследований и разработок, связанных с решением проблем создания продукции порошковой металлургии, выполнен комплекс работ по приоритетному направлению «Наноиндустрия».

В рамках инновационной инфраструктуры ПГТУ были разработаны и реализованы многие корпоративные научные проекты. В частности, в 2011 г. в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009—2013 гг.» продолжают работы по 10 проектам. В 2010 г. ПГТУ проводил научно-исследовательские работы по заданию Федерального агентства по образованию (Министерства образования и науки РФ) в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». По мероприятию 1 «Проведение фундаментальных исследований в рамках тематических планов» выполнены 27 фундаментальных научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научных исследований

университета, а по мероприятию 2 «Проведение фундаментальных исследований в области естественных, технических и гуманитарных наук. Научно-методическое обеспечение развития инфраструктуры вузовской науки» — 8 работ.

Стратегическими партнерами при реализации прикладных НИР являются ведущие предприятия региона горнодобывающей («Уралкалий» и «Сильвинит») и нефтегазовой («ЛУКОЙЛ-Пермь», «ЛУКОЙЛ-Пермь-нефтеоргсинтез», «Сибур-Химпром», ПермНИПИнефть») отраслей, химической промышленности («Метафракс», «Азот», «Березниковский содовый завод», «Минеральные удобрения»), металлургии и машиностроения («Мотовилихинские заводы», «Привод», «Пермская научно-производственная приборостроительная компания», «Лысьвенский металлургический завод»), аэрокосмической и оборонной отраслей («Авиадвигатель», «Пермский моторный завод», «Протон-ПМ», НПО «Искра», «Пермский пороховой завод», «Пермский завод „Машиностроитель“»), энергетики и жилищно-коммунального хозяйства («Камкабель», «Перм-энерго», «Российские коммунальные системы», «Новогор-Прикамье»), информатики, связи и транспорта («Уралсвязьинформ», «Морион», «Пермавтордор»), строительной отрасли и др. Университет установил постоянные партнерские отношения с крупнейшими холдинговыми компаниями «ЛУКОЙЛ», «Газпром», «ИНТЕРРОС»¹³.

Для повышения эффективности и координации научных исследований университетом совместно со стратегическими партнерами созданы 5 новых научно-производственных подразделений: Институт нефти и газа (НК «ЛУКОЙЛ»), Институт калия (ОАО «Уралкалий» и «Сильвинит»), Институт фундаментальных исследований (РАН), Институт авиадвигателестроения и газотурбинных технологий (ОАО «Авиадвигатель», ОАО «Пермские моторы»), Институт фотоники и оптоэлектронного приборостроения (ОАО «Пермская научно-производственная приборостроительная компания»). В 2010 г. созданы новые структурные подразделения для реализации партнерского взаимовыгодного сотрудничества. Появился научно-образовательный центр «Проблемы автоматизированных технологий и системной поддержки жизненного цикла наукоемкой продукции». Организован Консорциум ПГТУ — ООО «Уралстройпроект». В целом научно-исследовательская деятельность НИУ-ПГТУ вносит существенный вклад в инновационное развитие региона.

Институциональную составляющую инновационной деятельности ПГТУ обеспечивает система профильных научно-образовательных центров, опирающихся на техническую базу промышленных предприятий — участников инновационного комплекса.

Инфраструктура инновационной деятельности ПГТУ включает в себя ряд структурных подразделений: региональный инновационный научно-образовательный центр, технопарк, студенческий бизнес-инкубатор, центр трансфера технологий, инновационный образовательный центр, 20 инновационно-внедренческих и инновационно-производственных центров, 18 инженерных проблемно-ориентированных центров¹⁴.

Деятельность Регионального инновационного научно-образовательного центра связана с содействием формированию эффективной инновационной инфраструктуры региона, информационно-аналитической и экспертной поддержкой проектов и программ инновационного развития Пермского края, координацией и интеграцией инновационной деятельности вузов и научных учреждений, а также других субъектов инновационной деятельности Перми и Пермского края.

Вокруг ПГТУ сложился «инновационный пояс» малых и средних внедренческих и производственных предприятий (более 100), созданных выпускниками университета и (или) с участием сотрудников ПГТУ. Значительная часть этих предприятий входит в структуру технопарка, который располагается в нескольких территориально объединенных зданиях общей площадью офисных и производственных помещений более 14 тыс. м² (офисных и лабораторных помещений — 5 600 м², производственных — 8 500 м²). Творческие коллективы ученых университета реализуют в технопарке проекты по широкому спектру направлений.

Студенческий бизнес-инкубатор создан для отработки механизмов генерации новой волны предпринимателей в области высоких технологий, устранения разрывов между академическим образованием и реальным миром предпринимательской деятельности, развития научных школ и научно-технического творчества молодежи, повышения качества подготовки молодых специалистов за счет внедрения новых форм обучения, создания с участием студентов малых предприятий — производителей наукоемкой продукции, способствующих постановке экономики Пермского края и России на путь устойчивого инновационного развития.

Координатором системы производства инноваций в ПГТУ является Центр трансфера технологий, успешно функционирующий с 2005 г. Деятельность Центра призвана обеспечивать решение задачи коммерциализации интеллектуальной собственности при ее продвижении на рынок. Центр формирует и сопровождает все инновационные проекты, реализуемые в ПГТУ, а также выполняет заказы других организаций по обеспечению коммерциализации интеллектуальной собственности.

Особое место в инновационной образовательной инфраструктуре ПГТУ занимает Инновационный образовательный центр, созданный на базе ПГТУ, Пермского научного центра Уральского отделения РАН, Пермского научно-образовательного центра Уральского отделения РАО. В рамках образовательной деятельности успешно реализуются программы дополнительного профессионального образования: «Менеджмент инновационной деятельности», «Управление инновационными проектами», «CALS-технологии бизнес-процессов», «Инновации в управлении». Главная особенность этих программ заключается в ориентации на практическую подготовку специалистов и менеджеров по управлению инновациями.

В целом в ПГТУ созданы эффективно функционирующие научные и инновационно-производственные подразделения, способствующие формированию ПГТУ как центра инновационного развития региона. Осуществляемая вузом инновационная деятельность диктуется интересами экономики страны и обеспечивает эффективное сотрудничество в сфере «реальный сектор экономики — университеты».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010—2013 годы. Государственный контракт № 14.740.11.0225.

² См.: Проект Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016 (дата обращения: 17.01.2011).

³ См.: Харгадон Э. Управление инновациями. Опыт ведущих компаний = How Breakthroughs Happen. The Surprising Truth About How Companies Innovate. М.: Вильямс, 2007. 304 с.

⁴ См.: Гершман М.А. Инновационный менеджмент. М.: Маркет ДС, 2008. 200 с.

⁵ См.: Лобанова Е.В. Становление вузов как центров инноваций требует разработки современных критериев оценки инновационной деятельности // Высшее образование сегодня. 2010. № 5. С. 15—20.

⁶ См.: Столбов В.Ю. Принципы и механизмы повышения качества подготовки научных кадров к инновационной деятельности // Педагогическое образование и наука. 2010. № 2. С. 91—94.

⁷ См.: Столбов В.Ю., Гитман М.Б., Гитман Е.К. Некоторые механизмы управления формированием готовности аспирантов к инновационной деятельности // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 102—111.

⁸ См.: Матушкин Н.Н. Совершенствование образовательной среды университета // Там же. С. 81—85.

⁹ См.: Шевелев Н.А. Информационные ресурсы университета // Там же. С. 91—95.

¹⁰ Joint в переводе с английского означает «совместный, одновременный во времени», dual — «двойной».

¹¹ См.: Галкин В.И., Аношкин А.Н. Технический университет как центр научных исследований и разработок // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 86—90.

¹² См.: Ташкинов А.А. Инновационная структура университета // Там же. С. 76—80.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Поступила 16.03.11.

М. Б. ГИТМАН, Н. Н. МАТУШКИН, И. Д. СТОЛБОВА, С. И. ПАХОМОВ
ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ АСПИРАНТУРЫ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: выпускник, аспирантура, инновационная деятельность, критерии, модели, принцип системности, компетентностная модель

Key words: graduate, post-graduate school, innovative activity, criteria, models, consistency principle, competency model

Приоритетом в деятельности аспирантуры является кадровое обеспечение науки, высшей школы и высокотехнологичных отраслей экономики конкурентоспособными специалистами высшей квалификации¹. В настоящее время одним из важнейших условий конкурентоспособности выпускника аспирантуры, особенно в сфере техники и технологии, стала его готовность к инновационной деятельности².

Оценка качества подготовки выпускников системы послевузовского профессионального образования (ППО) основывается на применении общей критериальной модели, представляющей собой совокупность критериев и их показателей, характеризующих качество состояния и функционирования составляющих образовательной системы³. Основными проблемами при построении общей критериальной модели являются выбор множества частных критериев, обоснование его полноты и построение комплексного критерия оценки качества подготовки выпускников системы ППО. Комплексный критерий формируется из частных критериев,

ГИТМАН Михаил Борисович, профессор кафедры математического моделирования систем и процессов Пермского государственного технического университета, доктор физико-математических наук.

МАТУШКИН Николай Николаевич, проректор по учебной работе Пермского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор.

СТОЛБОВА Ирина Дмитриевна, профессор кафедры дизайна, графики и начертательной геометрии Пермского государственного технического университета, кандидат технических наук.

ПАХОМОВ Сергей Иванович, заместитель начальника Управления аттестации научных и научно-педагогических работников Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, доктор химических наук, профессор.

характеризующих возможности образовательной системы и результаты ее функционирования⁴.

В случае оценивания качества подготовки выпускников к инновационной деятельности множество критериальных показателей должно иметь более узкую, специализированную направленность. Использование общей критериальной модели при оценке качества подготовки научных кадров к инновационной деятельности может быть основано на двух подходах.

Первый — *системно-центрированный*. Он базируется на общем принципе системности и применяется для комплексного оценивания больших систем, к которым, несомненно, может быть отнесена система послевузовского профессионального образования. Такой подход нашел широкое применение при оценивании качества образовательных систем высшего профессионального образования (ВПО) и ППО. Вместе с тем в основу системно-центрированного подхода закладывается доминанта свойств и качеств системы подготовки, т. е. ее возможностей. При формировании критериальной модели результаты подготовки выпускников оцениваются одним из частных критериев. Все другие содержат, как правило, показатели ресурсной обеспеченности.

В настоящее время с введением в систему ППО современных образовательных технологий становится реальным оценивать качество подготовки выпускников по их промежуточным и итоговым результатам с учетом качества инновационной образовательной среды вуза. При этом может быть достигнуто главенство результатов подготовки над потенциальными возможностями их достижения. В связи с этим актуальным при оценке качества подготовки выпускников становится второй подход — *процессно-ориентированный*. Он базируется на принципе индивидуализации образования⁵. При этом реализуются возможности индивидуальных образовательных технологий (ИОТ), позволяющих повысить специализированную подготовку в сфере инноваций.

Следует отметить, что, согласно общей теории качества (TQM), качество подготовки выпускников программ ППО обеспечивается не только контролем и оценкой подготовки выпускников «на выходе» аспирантуры, но и контролем и оценкой качества основных процессов, нацеленных на реализацию программ ППО с инновационной направлен-

ностью. Организация процессно-ориентированного подхода основывается на использовании процессной модели подготовки выпускников ППО к инновационной деятельности. Для контроля и оценки качества подготовки используется компетентностная модель (КМ) выпускника ППО. Оценивание уровня сформированности компетенций проводится с применением КМ на выходе каждого процесса. Отметим, что КМ представляется в форме перечней общекультурных (ОК) и профессиональных компетенций (ПК) выпускника. При этом одной из составляющих ПК выпускника является способность к инновационной деятельности. Процедурой контроля устанавливается оценка уровня освоения компетенций: пороговый, средний, продвинутый, принимаемый как результат подготовки.

Процессная модель подготовки научных кадров к инновационной деятельности включает три основных процесса: отбор на обучение по программам ППО с инновационной направленностью; реализацию программы ППО с использованием инновационных образовательных технологий, включая реализацию ИОТ; контроль и оценку качества подготовки выпускника аспирантуры путем оценки уровня сформированности заявленных компетенций.

Рассмотрим составляющие процессной модели более подробно. Прием на обучение по программе ППО с инновационной направленностью ведется на основе механизма профессионального отбора. При этом для реализации концепции TQM необходимо в процессе отбора вовлечь всех заинтересованных участников процесса, включая не только будущих аспирантов, но и преподавателей, осуществляющих вузовскую подготовку, и работодателей. Процедурой отбора определяется начальная сформированность компетенций, характеризующая имеющийся уровень качества образования выпускника вуза. Наряду с оценкой уровня начальной сформированности показателями качества образования выпускника вуза могут быть количество научных публикаций на одного выпускника ВПО, поступившего на программу ППО с инновационной направленностью; доля выпускников ВПО, участвовавших в выполнении инновационных проектов и поступивших на программу ППО с инновационной направленностью, и т. д. При отборе устанавливается минимальный уровень возможностей и способностей выпускника вуза к

обучению в аспирантуре, обеспечивающий гарантированное качество его подготовки к инновационной деятельности.

Процесс и методика отбора в аспирантуру на подготовку к инновационной деятельности уже получили достаточное рассмотрение⁶. На выходе процесса отбора формируется база данных об индивидуальных возможностях и способностях каждого аспиранта, позволяющая оценить качество поступающих в аспирантуру. Эти данные учитываются при реализации программ ППО, являясь основой для проектирования индивидуальных образовательных траекторий, позволяют проводить сравнительный анализ качества поступающих в аспирантуру.

Реализация программ ППО осуществляется с использованием инновационных образовательных технологий. Условия принципа индивидуализации выполняются за счет формирования ИОТ в инновационной образовательной среде вуза. Следует отметить, что ООП ППО с инновационной направленностью должна иметь в своем дисциплинарном поле как дисциплины, формирующие базовые знания по инноватике, так и междисциплинарные компоненты (МДК) — семинары, НИР и т. д. МДК позволяют формировать личностные качества аспиранта, расширяющие его способности к инновационной деятельности (овладение методами генерации новых научных знаний, развитие умений работы в команде, оформление интеллектуальной собственности и т. п.).

Инфраструктура инновационной среды вуза должна обеспечивать гарантированное качество подготовки выпускников к инновационной деятельности. Например, каждый аспирант должен иметь возможность реализации индивидуального или коллективного инновационного проекта в рамках подразделений инфраструктуры вуза (бизнес-инкубаторов, технопарков, малых предприятий и т. п.).

Процесс реализации ООП сопровождается оценками уровней текущей сформированности составляющих каждой из заявленных компетенций. Эти оценки определяются по итогам освоения дисциплин и МДК с учетом особенностей образовательной траектории аспиранта.

Завершающими процессами реализации послевузовской образовательной программы являются итоговый контроль качества подготовки каждого выпускника программы ППО с инновационной направленностью и оценка уровня сформированности заявленных компетенций на основе компе-

тентностной модели. Процедура контроля осуществляется в процессе итоговой государственной аттестации выпускников. Оценками уровня итоговой сформулированности компетенций выпускника являются результаты сдачи кандидатских экзаменов и защиты диссертации на соискание степени кандидата наук. В качестве показателей итогового контроля сформированности компетенций выпускников программ ППО с инновационной направленностью могут быть также приняты количество научных статей в изданиях, входящих в перечень ВАК, на одного выпускника программ ППО с инновационной направленностью; количество инновационных продуктов на одного выпускника ППО с инновационной направленностью и т. д.

Таким образом, процессно-ориентированный подход обеспечивает гарантированное качество подготовки каждого выпускника к инновационной деятельности, стимулирует стремление аспиранта к повышению качества его индивидуальной подготовки и тем самым повышает качество всей системы послевузовской подготовки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бедный Б.И., Миронос А.А. Подготовка научных кадров в высшей школе. Состояние и перспективы развития аспирантуры. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. 219 с.

² См.: Матушкин Н.Н., Столбова И.Д. Модель системы управления подготовки научных кадров в области техники и технологии к инновационной деятельности // Инновации в образовании. 2009. № 5. С. 4—13.

³ См.: Петров В.Ю., Столбов В.Ю., Гитман М.Б. Критерии оценки качества подготовки кадров высшей квалификации // Высшее образование в России. 2008. № 8. С. 13—19; Бедный Б.И., Гурбатов С.Н., Миронос А.А. Индикаторы эффективности аспирантских программ в области точных и естественных наук // Там же. 2010. № 7. С. 11—23.

⁴ См.: Степанов С.А. Управление качеством в технических вузах. СПб.: Изд-во «Технолит», 2008. 256 с.

⁵ См.: Гитман М.Б., Гитман Е.К., Черкасов В.Д. Готовность к инновационной деятельности как фактор профессионального отбора в аспирантуру // Региология. 2009. № 2. С. 194—202; Гитман М.Б., Гитман Е.К., Столбов В.Ю. Подготовка аспирантов к инновационной деятельности // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 102—111.

⁶ См.: Петров В.Ю., Столбов В.Ю., Гитман М.Б. Критерии оценки качества ...

О. Ю. ОСИПОВА

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ
КОМПЕТЕНЦИИ, ЦЕННОСТИ
И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ РЕГИОНА¹**

Ключевые слова: молодые ученые, ценностные ориентации, профессиональные компетенции, социальный статус, маргинализация статуса

Key words: young scientists, axiological orientations, professional competences, social status, status marginalisation

В условиях развития постиндустриального общества показателем конкурентоспособности современного государства становится уровень состояния его научно-технического потенциала. В настоящее время все сферы современного общества напрямую зависят от развития науки, поэтому научно-технические инновации являются не только необходимым, но и главным условием прогресса любого вида человеческой деятельности. Однако в результате социально-экономических преобразований большинство общественных институтов, в том числе институт высшего профессионального образования и науки, оказалось в состоянии глубокого системного кризиса. В результате сокращения государственного финансирования этих сфер произошло существенное снижение всех составляющих научно-технологического потенциала (финансовое, материально-техническое), в связи с этим проблема воспроизводства кадрового потенциала науки и образования приобрела острый характер.

Кризисное состояние научной сферы страны обусловило ее отставание от ведущих стран в разработке и внедрении наукоемких технологий, негативно отразилось на экспорте наукоемкой продукции на мировой рынок, доля России в котором в настоящее время составляет лишь 0,3 %, высокотехнологичной продукции — 2 %. В этом отношении

ОСИПОВА Ольга Юрьевна, аспирант кафедры социологии Мордовского государственного университета.

Россия уступает не только развитым европейским странам и США, но и быстро развивающимся (Китай и Южная Корея). Кроме того, вследствие сокращения затрат на исследования и разработки число занятых в российской науке сократилось на 28 % и составило 761,3 тыс. чел. Примерно в той же пропорции уменьшилось число исследователей — до 375,8 тыс. чел., тогда как число персонала, выполняющего научные исследования в Германии, увеличилось на 8 %, в Великобритании — на 21 %, в Корее — на 77 %, в США — на 38 %².

Низкая степень участия России в международном научно-технологическом обмене обусловлена не только кризисной социально-экономической ситуацией, которую обостряет отсутствие адекватной научно-технической политики и эффективных механизмов государственного регулирования сферы науки и инноваций, но и нехваткой высококвалифицированных кадров нового поколения, самостоятельных в мышлении, обладающих высоким лидерским потенциалом, высокомотивированных на творчество и инновации.

Молодежь представляет собой значимый ресурс развития общества, поскольку она быстрее адаптируется к изменениям внешней среды и осваивает высокотехнологические области экономики и производства, а также более мобильна и социально активна, чем старшие поколения. Это обусловлено тем, что в силу объективных причин молодежь представляет собой не жестко структурированную группу с устоявшейся нормативно-ценностной структурой, а «мягкую» структуру, характеризующуюся неполнотой социального статуса входящих в нее индивидов и переходным состоянием возрастной фазы молодости. Эта структура более динамична и восприимчива к внешним социальным влияниям и может гибко изменяться под влиянием условий внешней среды. Однако в условиях перманентных социально-экономических преобразований, которыми характеризуется современный этап развития российского общества, эволюция этой социально-демографической группы носит нелинейный и крайне противоречивый характер. Усиливаются сегрегационные процессы, происходит социальное расслоение внутри группы, в связи с чем появляются подгруппы молодежи с разными социальными установками и жизненными стратегиями³. В связи с этим особенно актуальными становятся изучение

особенностей, роли и места различных слоев молодежи в модернизации российской экономики, а также разработка научного подхода к решению молодежных проблем, формирование и реализация государственной социальной и молодежной политики. Одной из таких специфических социально-профессиональных групп является молодежь, занятая в сфере образования и науки. С одной стороны, свойства и признаки этой группы отражают тенденции развития молодежи в целом, с другой — профессионального сообщества, занимающегося интеллектуальной деятельностью (научной и научно-педагогической).

Как правило, для изучения какого-либо профессионального слоя или группы социологи традиционно опираются на деятельностный, личностно-квалификационный и стратификационный подходы. На наш взгляд, одним из важнейших направлений изучения профессиональных групп является социально-структурный подход, согласно которому социально-профессиональная структура представляет собой часть социальной структуры общества. Этот подход предполагает анализ не только профессиональных, но и социально-профессиональных характеристик научных сообществ, включающих изучение механизмов их мобильности, статусных характеристик и такого важного фактора в воспроизводстве интеллектуальных слоев общества, как современные знания. Он был выбран нами в качестве теоретико-методологической основы изучения социального положения молодых ученых.

В 2010 г. нами было проведено социологическое исследование «Социальный статус молодого ученого в регионе». Сбор первичной информации осуществлялся методом анкетного опроса среди молодых ученых Республики Мордовия (аспирантов, молодых преподавателей с ученой степенью кандидата наук и без нее). Выборочная совокупность составила 392 чел. с погрешностью измерения или доверительным интервалом +5 % и доверительной вероятностью 0,95. Использовалась количественная методика комплексного квотного отбора. В качестве котируемых признаков генеральной совокупности принимались возраст, специальность, место обучения, преподавательская деятельность и научный статус.

В связи с этим следует интерпретировать рассматриваемую группу молодых ученых как социальную группу, выделяемую на основе возрастных признаков (от 22 до 35 лет),

характера профессиональной деятельности (научно-исследовательская или научно-педагогическая), типичного социального поведения, социальных практик в профессиональной деятельности и т. д. В структуре исследуемой группы можно выделить несколько подгрупп: молодые ученые, получающие послевузовское образование (аспиранты дневного и заочного отделений, соискатели); молодые преподаватели с ученой степенью кандидата наук и без таковой.

В целом результаты исследования показывают, что группа молодых ученых достаточно однородна по образу жизни, досуговой практике, ценностным ориентациям и т. д. В области социальных установок у молодых ученых наблюдаются стремление к творчеству и карьерному росту, высокое чувство ответственности, желание совершенствовать свои знания и навыки, достигательная мотивация.

Безусловно, социальный статус молодого ученого как представителя профессии, связанной с интеллектуальным трудом, во многом определяется объемом и качеством специальных знаний, уровнем социальной компетентности. Согласно полученным данным, молодые ученые высоко оценивают субъективный личностный и творческий потенциал. Однако недостаточная профессиональная подготовка и квалификация (13,7 %), отсутствие необходимого опыта участия в научных и инновационных проектах (54,9 %), знаний в области научного менеджмента, коммерциализации результатов научного труда (47,1 %), а также отсутствие опыта руководства и организации научных групп для проведения исследований (84,1 %) негативно влияют на развитие личностного и интеллектуального потенциала, навыков лидерства. Невысокий уровень развития лидерских и предпринимательских навыков замедляет процесс внедрения имеющихся изобретений, новшеств, ноу-хау и, как следствие, может привести к потере не только отдельных научно-технических разработок, но и создать невозможность активного участия молодежи в реструктуризации общественного производства⁴. Воспитание у молодежи лидерских качеств — длительный социально-психологический процесс, требующий создания социальной среды и формирования активной позиции на ранних курсах обучения в вузе, включения молодежи в различные формы научно-исследовательской деятельности, в том числе в групповые проектные разработки и научные программы.

Изучая ценностные ориентации молодых ученых, можно сделать вывод об устойчивости структуры духовных ценностей в сознании молодежи. В этой структуре достаточно важное место занимают ценности материального благополучия, причем индивидуальные ценности нередко преобладают над социально значимыми. Четыре ключевые позиции сохраняют приоритет в оценках молодыми учеными показателей жизненного успеха: материальное благополучие, интересная работа, удачный брак, карьерный рост. Среди важнейших ценностей, которые молодые ученые выделили наиболее значимыми в настоящее время, следует назвать хорошее здоровье (87,9 %) и гармонию в семье (83,4 %). Кроме того, высокие позиции в иерархии ценностей молодых ученых занимают достижение высоких результатов через труд и самоотдачу (38,6 %), творческая деятельность (31,9 %) и активная жизненная позиция (27,6 %). Таким образом, можно отметить высокую степень ориентации молодых ученых на достижение материального благополучия, карьерный рост через свой интеллектуальный потенциал, труд и самоотдачу.

Однако главные мотивационные факторы научно-исследовательской деятельности — интерес к научной деятельности, творческий характер труда, возможность реализации своего интеллектуального потенциала, т. е. мотивы, привлекающие молодежь в науку, по-прежнему вовсе не связаны с получением дохода. Исследовательская и научно-педагогическая деятельность воспринимается молодыми учеными как ресурс саморазвития и для большей части опрошенных представляет собой единственную возможность профессиональной самореализации. С другой стороны, достижение высоких результатов в процессе упорного труда, который предполагает научная деятельность, для молодежи утрачивает свою ценность, поскольку не позволяет инвестировать культурный капитал в материальный. В связи с этим треть молодых ученых (33,6 %) планирует сменить профессиональную сферу деятельности и, следовательно, покинуть высшую школу в будущем. К ним, как правило, относятся аспиранты и молодые преподаватели (60,7 и 10,7 % соответственно).

Молодые ученые находятся в таком возрастном диапазоне, когда большинство их представителей создает семьи, занимается воспитанием детей. Однако, как показывают результаты исследования, состоят в браке менее половины опрошенных

(45,4 %), среди них 47,7 % — кандидаты наук, 22,7 % — аспиранты, 6,4 % — молодые преподаватели. Значительно отложено не только создание семьи, но и рождение детей: лишь у 37,2 % респондентов есть дети. На низкую репродуктивную активность молодежи, занятой в сфере науки, могут влиять нежелание иметь детей в связи с обучением в аспирантуре (докторантуре) и отсутствием перспективной работы по специальности, низкий материальный доход, отсутствие собственного жилья, т. е. невысокий экономический капитал.

Результаты исследования подтверждают, что социальное положение молодых ученых по сравнению с другими группами населения в регионе находится на сравнительно невысоком уровне. Это связано со спецификой профессиональной деятельности молодежи в сфере образования и науки, которая в последнее время стала малооплачиваемой, а также обострением ряда социальных проблем, таких как отсутствие нормальных жилищных условий (лишь у 35,7 % респондентов есть собственное жилье), возможности творческой самореализации, закрепления молодого ученого в вузе и его карьерного роста, а также ограниченный доступ к управлению человеческими ресурсами. Низкий социальный статус молодых ученых негативно отражается на их социальном самочувствии, профессиональных возможностях и планах, отдаляет защиту диссертации и создание семьи, «упрощает» досуговые практики. Самой социально уязвимой частью молодых ученых являются молодые преподаватели без ученой степени и аспиранты. Среди них значительная часть аспирантов (43,5 %) и молодых преподавателей (63,4 %) имеет доход ниже прожиточного минимума, который составил в 2010 г. 5 625 руб.

Таким образом, ценностно-нормативная структура этой группы молодежи достаточно устойчива и однородна. Однако внутри группы заметны дифференциации по социально-экономическим параметрам, противоречия в отношении профессиональных планов и жизненных стратегий и т. д. Молодые преподаватели с ученой степенью кандидата наук представляют собой ядро рассматриваемой группы, поскольку занимают устойчивые социально-профессиональные позиции в структурах вузов, имеют социально значимые признаки (семья, дети, собственное жилье), и их мотивационные установки направлены на дальнейшее продолжение профессиональной деятельности.

Противоположная тенденция наблюдается среди молодых преподавателей без ученой степени и аспирантов. Невостребованность их научного потенциала, отсутствие возможности закрепления в вузе и перспектив карьерного роста негативно влияют на идентификацию молодежи с научным сообществом и ее неопределенную социальную принадлежность. Следствиями такого неопределенного положения молодых ученых в социуме становятся маргинализация их социального статуса, размывание структуры социально-профессиональной группы молодых ученых, рост социальной апатии.

Маргинальность статуса молодежи, с одной стороны может быть катализатором реализации ее потенциала и активизации ее ресурсов, с другой — понижения социального статуса, если нет соответствующих условий³. Достижительная мотивация, присущая большинству молодых ученых, может влиять на выход из сложившейся маргинальной ситуации и стать стимулом перехода в более высокую статусную группу. Однако отсутствие в настоящее время институциональных условий для реализации интеллектуального потенциала молодежи в сфере науки и образования, четкой научно-технической политики в стране и регионах негативно отражается не только на жизнедеятельности молодежи, успешности ее научной, научно-педагогической и профессиональной карьеры, но и на проблеме воспроизводства кадрового потенциала высшей школы, что замедляет процесс научно-технологического развития региона и страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010—2013 годы. Государственный контракт № 14.740.11.0225.

² См.: Гохберг Л.М., Китова Г.А., Кузнецова Т.Е., Шувалова О.Р. Российские ученые: штрихи к социологическому портрету. М.: Гос. ун-т — Высшая школа экономики, 2010. С. 5—6.

³ См.: Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социол. исслед. 1998. № 5. С. 90—98.

⁴ См.: Белых И. Формирование профессиональных компетенций: проблема управления // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 47—52.

⁵ См.: Балабанова Е.С., Бурлуцкая М.Г., Демин А.Н. Маргинальность в современной России. Сер. «Научные доклады». Вып. 121. М.: МОНФ, 2000. 208 с.

Поступила 10.03.11.

Л. А. ДАВЛЕТШИНА

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РЕГИОНА

Ключевые слова: профессиональная ориентация, профессионально значимые качества, профилизация обучения, ресурсный центр, предпрофильная подготовка, методы профориентационной работы

Key words: professional orientation, professionally significant qualities, profilisation of education, resource centre, under-profile preparation, professional orientation work methods

Перемены, произошедшие в последние десятилетия во всех сферах общества, изменили требования к профессиональной ориентации будущих специалистов. Профессиональная ориентация населения в условиях планового ведения хозяйства и гарантированной занятости была направлена на выбор из широкого спектра профессий, которые, с одной стороны, совпадали с интересами людей, с другой — удовлетворяли потребности плановой экономики. Существовавшая десятилетиями система, эффективная в тот период, в дальнейшем не смогла способствовать готовности людей к жизнедеятельности в условиях рынка труда и адаптации к его требованиям. Назрела потребность в перестройке этой системы с учетом требований рынка труда.

Современные экономические отношения в обществе привели к переходу системы школьного образования к принципиально новым парадигмам организации учебно-воспитательного процесса. Закон РФ «Об образовании» создал необходимую нормативную базу, определил стратегию государственной политики в системе образования и обозначил общие ориентиры

ДАВЛЕТШИНА Лилия Авальевна, заместитель директора по учебно-методической работе Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

ее развития. Согласно закону, образовательные учреждения имеют возможность разрабатывать и реализовывать программы развития образования, устанавливать перечень профессий и специальностей и, ориентируясь на них, должны организовывать общеобразовательное обучение. В результате многие обычные общеобразовательные школы стали преобразовываться в лицеи, гимназии или создавать специальные классы определенной направленности, что означает переход от унифицированного образования к многовариантному.

Многовариантность общеобразовательных заведений обеспечила учащимся и их родителям возможность выбирать тип учебного заведения, формы и методы обучения. Среди инновационных общеобразовательных учебных заведений можно выделить несколько типов: школы с углубленным изучением отдельных предметов, гимназии, лицеи, школы-гимназии и школы-лицеи.

Характерной чертой практически всех инновационных школ является специализация и профилизация общего образования. Как показывает практика, основой профилизации и специализации общеобразовательных учебных заведений могут служить либо учебный предмет или их группа, либо профессиональные намерения учащихся. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно ввести деление специализированных школ или классов на две группы: школы (классы) с предметной направленностью (гуманитарные, математические, лингвистические, физические и т. д.); школы (классы) с профессиональной направленностью (педагогические, медицинские, юридические и т. д.). Главным отличием этих групп является то, что первая ограничивает область знаний или направление, в которой учащийся планирует выбрать будущую профессиональную деятельность, вторая ведет подготовку по конкретной профессии. Иными словами, профессиональная ориентация в школах (классах) второй группы более конкретна и целенаправленна. Процесс обучения в школах (классах) с предметной направленностью проводится согласно профилизации. Один или несколько учебных предметов, зависящих от профиля, изучаются по углубленным программам. Здесь можно говорить о профессиональной ориентации, основанной на связи профессионального интереса учащихся и познавательного интереса к той области знаний, в которой находится выбираемая профессия.

Отличительными чертами профессионально-ориентационной работы в школах (классах) с профессиональной направленностью является непосредственное знакомство с профессией через введение специальных профессиональных учебных предметов, проведение профессионально направленных практических занятий, использование профессиональной атрибутики (например, ношение морской формы для учащихся речного лицея или белых халатов для будущих врачей), получение документа о владении определенной специальностью. Перечисленные условия создают в общеобразовательном учебном заведении атмосферу профессии, которая оказывает влияние на формирование профессионального самосознания учащихся, необходимого для более сознательного и обдуманного выбора будущей профессии.

В процессе формирования профессионально значимых качеств можно выделить несколько этапов. Первый — это получение учащимися информации о специфических требованиях, предъявляемых данным типом профессии к человеку. Основной целью на этом этапе является доведение содержания профессионально значимых личностных качеств до сознания учащихся. Второй этап заключается в сознательном самонаблюдении учащимися за формированием профессионально значимых качеств при непосредственном участии в профессиональной деятельности, т. е. неоднократное их проявление в учебно-трудовой деятельности учащихся. С момента понимания субъектами содержания будущей специальности начинается сущностная внутренняя профессиональная ориентация юноши и девушки на данный тип профессии. Обучаемый определяет, соответствуют ли его внутренние личностные качества требованиям профессии. Если нет, то целесообразно поменять профессиональную направленность, если да, то необходимо продолжать развитие профессионально значимых качеств. На третьем этапе можно прогнозировать с большой вероятностью степень сформированности профессионально значимых качеств личности и определить перспективу их дальнейшего развития уже в профессиональной деятельности¹.

Реализация процесса формирования профессионально значимых качеств эффективнее происходит в условиях включения учащихся в профессиональную деятельность или в условиях, приближенных к ней. Такие условия соз-

даются в школах, где есть классы с профессиональной направленностью.

Специфика профессиональной ориентации в обычных общеобразовательных школах заключается в посещении учащимися учебно-производственного комплекса (УПК). Результаты проведенных исследований показали, что с УПК сотрудничают только обычные общеобразовательные школы. Учащиеся школ с углубленным изучением отдельных предметов, гимназий и лицеев не проходят обучения в УПК. Этот факт можно объяснить тем, что, во-первых, в этих типах школ обучение ведется с определенной профильной направленностью, что считается достаточным для профессиональной ориентации учащихся и подготовки их к выбору будущей профессии. Во-вторых, большинство учащихся этих школ ориентируются на продолжение образования в вузах, поэтому у них нет необходимости в получении специальности более низкой квалификации. В-третьих, углубленная программа обучения, большая учебная нагрузка школьников не оставляют времени на посещение УПК.

Говоря о профессиональной ориентации учащихся и профилизации обучения, нельзя не затронуть вопрос о введении обязательного профильного обучения в старших классах общеобразовательных школ. В соответствии с Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования» от 18 июля 2002 г. № 2783 ставится задача создания «системы специализированной подготовки (профильного обучения) в старших классах общеобразовательной школы, ориентированной на индивидуализацию обучения и социализацию обучающихся, в том числе с учетом реальных потребностей рынка труда, отработки гибкой системы профилей и кооперации старшей ступени школы с учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования».

Целями профильного обучения являются обеспечение углубленного изучения отдельных предметов программы полного общего образования; создание условий для дифференциации содержания обучения старшеклассников с широкими и гибкими возможностями построения школьниками индивидуальных образовательных программ; обеспечение равного доступа к полноценному образованию разным ка-

тегориям обучающихся в соответствии с их способностями, индивидуальными склонностями и потребностями; расширение возможностей социализации учащихся; обеспечение преемственности между общим и профессиональным образованием; подготовка выпускников школы к освоению программ высшего профессионального образования.

В отличие от привычных моделей школ с углубленным изучением отдельных предметов, когда несколько предметов изучаются по углубленным программам, а остальные — на базовом уровне, реализация профильного обучения возможна только при условии относительного сокращения учебного материала непрофильных предметов, изучаемых с целью завершения базовой общеобразовательной подготовки учащихся. Модель общеобразовательного учреждения с профильным обучением на старшей ступени предусматривает возможность разнообразных комбинаций учебных предметов, что и будет обеспечивать гибкую систему профильного обучения. Эта система должна включать в себя несколько типов учебных предметов: базовые общеобразовательные, профильные и элективные².

Таким образом, утверждение Концепции профильного обучения выводит профессиональную ориентацию на правовую основу. Это будет способствовать разработке научно обоснованной системы профессиональной ориентации и до-профессиональной подготовки, а также обеспечит возможность для молодежи вступать в трудовую деятельность более сознательно, что значительно повысит уровень их адаптации в трудовой организации и жизни. Однако профильное обучение в общеобразовательной школе не предполагает практической профессиональной подготовки учащихся. Эффективность профильного обучения станет более значимой, если будет осуществляться за счет целенаправленного и организованного привлечения образовательных ресурсов учреждения высшего профессионального образования, играющего роль своеобразного «ресурсного центра». Примером такой кооперации может служить Ресурсный центр непрерывного профессионального образования, созданный на базе Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института (РЦ НКФ МГЭИ). Эта структура реализует модель сетевого взаимодействия с муниципальными общеобразовательными учреждениями г. Нижнекамска и

Нижнекамского муниципального района на основе договора о сотрудничестве с Управлением образования Исполнительного комитета Нижнекамского муниципального района.

В рамках этой модели определены базовые школы, обеспечивающие преподавание в полном объеме базовых общеобразовательных предметов и ту часть профильного обучения (профильные предметы и элективные курсы), которую они способны реализовать в рамках своих возможностей. Остальную профильную подготовку организует и проводит Ресурсный центр, обладающий достаточными кадровыми, учебно-методическими, научными, информационными и техническими ресурсами для обеспечения качественного, максимально индивидуализированного и доступного образования для учащихся школ города и района по двум профилям: социально-экономическому и социально-гуманитарному.

В задачи Ресурсного центра НКФ МГЭИ входят участие в разработке, реализации и сопровождении проектов, формирующих единую муниципальную сеть профильного обучения; организация профессиональной ориентации, а также различных форм предпрофильной подготовки и профильного обучения; разработка и апробация интегрированных программ профильного обучения; организация профориентационной работы с учащимися; оказание профориентационных, информационных, аналитических, методических услуг по вопросам профильного обучения; повышение квалификации педагогов профильного обучения; координация научно-исследовательской работы учащихся профильных классов; проведение мониторинга по оценке динамики и качества профильного обучения.

Для привлечения педагогической общественности к реализации проектов по введению профильной подготовки РЦ НКФ МГЭИ принимает участие в работе научно-методического совета по проблемам профильного обучения, созданного на базе Управления образования Исполнительного комитета Нижнекамского муниципального района.

Таким образом, сотрудничество вуза со школой имеет ряд положительных черт: создается отлаженная система профессиональной ориентации и подготовки к поступлению в вуз; частично решаются проблемы доступности высшего образования для малоимущих слоев населения; мотивация обучения в школе и вузе становится более устойчивой,

так как в рамках сотрудничества студенты отбираются не только по общим интеллектуальным показателям, но и на основе сформированности интереса к профессии, наличия профессионально значимых качеств, что, безусловно, положительно сказывается на профессиональной подготовке будущих специалистов.

Согласно Концепции профильного обучения, «реализация идеи профильности старшей ступени ставит выпускника основной ступени перед необходимостью совершения ответственного выбора — предварительного самоопределения в отношении профилирующего направления собственной деятельности. Необходимым условием создания образовательного пространства, способствующего самоопределению учащегося основной ступени, является введение предпрофильной подготовки через организацию курсов по выбору. В этих целях необходимо: увеличить часы вариативного (школьного) компонента Базисного учебного плана в выпускном классе основной ступени общего образования; образовательным учреждениям использовать часы вариативного компонента, прежде всего на организацию предпрофильной подготовки. Основная функция курсов по выбору — профориентационная. В этой связи число таких курсов должно быть по возможности значительным. Они должны носить краткосрочный и чередующийся характер, являться своего рода учебными модулями... Необходима целенаправленная, опережающая работа по освоению учеником самого механизма принятия решения, освоения „поля возможностей и ответственности”»³.

Как показывают исследования, наряду со специфическими формами профессиональной ориентации практически во всех типах школ используются традиционные дополнительные методы профориентационной работы: знакомство со справочной литературой, профессиональная реклама и агитация, экскурсии школьников на предприятия и в учебные заведения, встречи учащихся со специалистами, познавательные и просветительские лекции о путях решения проблем самоопределения, посещение УПК и т. д.

Согласно данным проведенных нами исследований, различные формы и методы профориентационной работы в школах используются в разной степени. В обычных общеобразовательных школах более распространенным является знакомство со справочной литературой (в Набережных Чел-

нах — 38,3 %, Нижнекамске — 25,0 %). В набережночелнинских школах с углубленным изучением отдельных предметов часто используются знакомство со справочной литературой (32,5 %), экскурсии школьников на предприятия и в учебные заведения (25,8 %), познавательные и просветительские лекции (23,3 %), реже — встречи учащихся со специалистами (15,0 %), дни открытых дверей (12,5 %). В нижекамских школах с углубленным изучением отдельных предметов распространены знакомство со справочной литературой (23,0 %) и дни открытых дверей (19,0 %), в гимназиях — знакомство со справочной литературой (18,0 %) и экскурсии школьников на предприятия и в учебные заведения (16,0 %). Характерной особенностью профориентационной работы в лицеях является психологическая диагностика учащихся (в Набережных Челнах — 50,0 %, Нижнекамске — 90,0 %). Чаще всего она заключается в тестировании учащихся. Несмотря на то что психологические службы существуют практически во всех школах, такая работа проводится лишь в лицеях, что обуславливает необходимость развития школьной профориентационной психологической работы, поиск путей повышения ее эффективности⁴.

Отсутствие использования наиболее доступных и эффективных, рациональных форм и методов профориентации можно объяснить, во-первых, отсутствием единого руководящего центра в городе по линии отдела образования по проблемам профориентации учащихся, во-вторых, отсутствием планомерности в организации и проведении мероприятий по профориентации учащихся как отдельных показательных, так и наиболее приемлемых форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Каташев В.Г., Нугуманова Л.Н. Профессиональное самосознание личности и профилизация обучения. Казань, 1998. С. 113—115.

² Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования // Вестн. образования. Тематический выпуск. 2002. Дек. С. 6—24.

³ Там же. С. 18.

⁴ См.: Макарова Т.Б. Профессиональная ориентация учащихся городских общеобразовательных школ в условиях трансформации общества (на примере городов Набережные Челны и Нижнекамск): дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2005. 173 с.

Поступила 08.02.11.

В. В. АВДЕЕВ

СФЕРА ПОТРЕБЛЕНИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ТРУДОВОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: потребление, качество жизни, индекс развития человеческого потенциала, потребительная стоимость, сбережения, деньги

Key words: consumption, quality of life, human potential development index, consumption cost, savings, money

Специалисты ООН проводят ежегодную оценку качества жизни населения 174 стран мирового сообщества и определяют место каждой по этому показателю. По этим данным наша страна занимает 62-е место. По данным докладов о качестве жизни населения России и ее регионов, Республика Мордовия (РМ) в 2003 г. из 76 субъектов РФ занимала 68-е место, а в 2006 и 2008 гг. — 37-е и 38-е места соответственно¹.

На основе методики, предложенной специалистами ООН, была сделана попытка оценить уровень развития человеческого потенциала в РМ. В Мордовии ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2008 г. составляла 68,3 лет, в 2009 г. — 69,06 лет, а по предварительным итогам 2010 г. — 69,3 лет². Рассчитаем индекс долголетия для Мордовии по данным 2010 г.:

$$I_{\text{долголетия}} = \frac{69,3 - 25}{85 - 25} = 0,738 .$$

Для расчета индекса образованности необходимо получить два дополнительных индекса: грамотности и совокупной доли учащихся. Для определения степени охвата обучением рассчитывается отношение числа всех учащихся начальных, средних и высших учебных заведений к общему числу детей и молодежи в возрасте от 6 до 24 лет (141,9 тыс. чел.):

АВДЕЕВ Виталий Владимирович, аспирант кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

$$I_{зр} = \frac{134114}{141919} = 0,945 ,$$

где $I_{зр}$ — индекс совокупной доли учащихся; 134114 — учащиеся общеобразовательных школ РМ и ПТУ, студенты средних специальных и высших учебных заведений РМ в 2009/2010 учебном году.

Для нахождения индекса грамотности (15 лет и старше) необходимы данные об общей численности населения, за исключением детей до 15 лет³. Произведем необходимые расчеты по РМ за 2010 г. Индекс грамотности составил в 2010 г. 0,909. Индекс достигнутого уровня образования в РМ в 2010 г.:

$$I_о = \frac{2}{3} * 0,909 + \frac{1}{3} * 0,945 = 0,921 .$$

Для расчета индекса ВРП необходимо рассчитать реальный ВРП (т. е. с учетом индекса потребительских цен, который составил в 2010 г. 109,5 % к 2009 г.⁴) и привести его в сопоставимый вид по паритету покупательной способности (ППС) в доллары США. По предварительным данным, ВРП республики в 2010 г. был равен 100,6 млрд руб., доллар по ППС — 19 руб.⁵ ВРП на душу населения составляет 7014,8 долл. США по ППС. Вычислим индекс ВРП по формуле:

$$I_{ВРП} = \frac{\log(7014,8) - \log(100)}{\log(40000) - \log(100)} = 0,709 .$$

Далее необходимо суммировать индексы образования, дохода и долголетия. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) для РМ вычисляется как среднее арифметическое трех частных индексов:

$$I_{ИРЧП} = \frac{0,738 + 0,921 + 0,709}{3} = 0,789 .$$

Таким образом, ИРЧП региона находится в пределах от 0,5 до 0,8, что, согласно методике, принятой ПРООН, считается средним уровнем развития субъекта РФ. Следует отметить положительную динамику индекса. Это означает, что происходит развитие социально значимых ориентиров республики, повышается уровень человеческого потенциала

в регионе, постепенно улучшается качество жизни. Компоненты сводного индекса относятся к наиболее значимым характеристикам уровня и качества жизни населения, отражающим основные процессы, происходящие в экономической и социальной жизни региона. Однако ситуация во многих областях, характеризующих уровень и качество жизни населения, остается сложной.

Уровень жизни в итоге определяется степенью экономического развития региона. При этом в качестве главного условия социального развития выступает экономический рост. Поэтому, как представляется, анализу социальной динамики и уровня жизни населения должно предшествовать исследование экономической ситуации в республике для выявления предпосылок экономического роста и, следовательно, перспектив социального развития региона.

Индекс промышленного производства в январе — декабре 2010 г. по сравнению с январем — декабрем 2009 г. составил 121,3 %. Наибольший рост наблюдался в химическом производстве — в 3,5 раза, металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий — на 73,9 %, производстве транспортных средств и оборудования — на 67,7 %. Объем работ по виду деятельности «строительство» в январе — декабре 2010 г. составил 122,1 % к уровню соответствующего периода 2009 г. С января по декабрь 2010 г. в республике предприятиями и организациями всех форм собственности, а также индивидуальными застройщиками построены 3 930 квартир общей площадью 289,2 тыс. м², что на 4,5 % больше, чем в 2009 г. Населением за счет собственных и заемных средств построены 1 033 дома общей площадью 115,3 тыс. м² (это на 17,9 % больше, чем в 2009 г.).

В хозяйствах всех категорий, по расчетным данным, за 2010 г. произведены 121,8 тыс. т мяса, 458,0 тыс. т молока, 1 077,5 млн шт. яиц. По сравнению с аналогичным периодом 2009 г. производство мяса, молока и яиц увеличилось на 8,1, 4,0 и 14,4 % соответственно. За январь — декабрь 2010 г. населению республики продано потребительских товаров на сумму 48 414,7 млн руб., что на 1,1 % больше, чем за соответствующий период 2009 г. Объем платных услуг, оказанных населению в январе — декабре 2010 г., составил 14 836,2 млн руб., что на 4,9 % больше, чем в январе —

декабре 2009 г. В структуре платных услуг населению преобладают жилищно-коммунальные услуги (38,5 % от общего объема), услуги связи (21,0 %), транспортные (15,7 %) и бытовые (9,0 %) услуги. Услуг бытового характера населению республики было предоставлено на сумму 1 335,6 млн руб. В сопоставимых ценах объем бытовых услуг увеличился по сравнению с 2009 г. на 2,5 %.

Индекс потребительских цен и тарифов на товары и услуги населению в декабре 2010 г. к предыдущему месяцу составил 101,3 %, к декабрю 2009 г. — 109,5 %. Наиболее значительное повышение цен в декабре было отмечено на плодоовощную продукцию: капуста подорожала на 20,6 %, картофель — на 15,7 %, лук репчатый — на 14,8 %, свекла — на 12,2 %, морковь — на 7,8 %. Цены на крупу гречневую ядрицу увеличились на 17,5 %, пшено — на 10,6 %, крупы овсяную и перловую — на 5,3 %, на масло сливочное — на 8,0 % и масло подсолнечное — на 6,9 %. Тарифы на услуги, оказываемые населению, за декабрь 2010 г. (к предыдущему месяцу) в целом по Мордовии повысились на 0,1 %: бытовые услуги — на 0,4 %, услуги пассажирского транспорта — на 1,7 %, услуги банков — на 4,6 %⁶.

Сравнительный анализ основных показателей уровня жизни населения по регионам ПФО позволяет дать более полную и объективную характеристику уровня жизни населения республики. В качестве одного из основных индикаторов региональных различий уровня жизни выступает величина среднедушевых денежных доходов населения, которая составила по Мордовии на январь 2011 г. 8 766,4 руб. и увеличилась по сравнению с соответствующим периодом 2010 г. на 12,1 %⁷. Во всех регионах ПФО наблюдается положительная тенденция роста денежных доходов населения. Но, несмотря на это, среднедушевые денежные доходы населения в большинстве регионов значительно отстают от среднего российского уровня.

Основной составляющей денежных доходов является оплата труда. Среднемесячная заработная плата занятых в промышленности (и в целом в экономике) с 1999 г. увеличивается в среднем на 40 %. Однако среднемесячная заработная плата занятых в экономике РМ по сравнению с другими регионами ПФО остается низкой. Средняя начисленная заработная плата работников организаций, включая

субъекты малого предпринимательства, составила в Мордовии за январь 2011 г. 12 345,1 руб. В рейтинговой оценке субъектов ПФО по уровню заработной платы за январь 2011 г. Мордовия занимает 13-е место. К тройке регионов, отстающих по уровню заработной платы, наряду с Мордовией относятся Республика Марий Эл (12 246,2 руб.) — 14-е место, Республика Чувашия (12 536,1 руб.) — 12-е место. Лидерами по уровню заработной платы за январь являются Пермский край (17 258,7 руб.) — 1-е место, Самарская область (16 685,0 руб.) — 2-е, Республика Татарстан (16 601,9 руб.) — 3-е место⁸. Материалы исследования также показали неоправданно высокую дифференциацию населения по уровню дохода. В Мордовии средние доходы наиболее обеспеченных в 11,5 раза больше средних доходов наименее обеспеченных, а в Республике Марий Эл — в 13,0 раза.

В республике, как и в ПФО в целом, отмечается положительная динамика роста начисленных трудовых пенсий. По данным Федеральной службы государственной статистики, средняя пенсия в республике за 2010 г. увеличилась по сравнению с 2009 г. на 2 209 руб. и составила 7 476 руб. Эта тенденция уменьшает величину удельного веса населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения республики (в 2009 г. этот показатель был равен 19,2 %), так как большую часть из этой величины составляют пенсионеры.

Крайней формой проявления дифференциации населения является бедность. К тройке регионов ПФО, у которых установлено наименьшее значение величины прожиточного минимума (в среднем для детей, трудоспособного населения и пенсионеров) в IV квартале 2010 г., наряду с Мордовией (5 007 руб.) относятся Республика Татарстан (4 733 руб.) и Чувашская Республика (5 007 руб.). Среди регионов ПФО максимальное значение величины прожиточного минимума установлено в Самарской области (6 191 руб.)⁹. Значительный рост величины прожиточного минимума к предыдущему году отмечен в Нижегородской области (на 24,6 %) и в Пермском крае (22,6 %).

На уровень жизни населения оказывают влияние цены на потребительские товары и услуги. Характерной особенностью современной экономической ситуации является нарастание инфляционных процессов. В течение 2010 г. рост

цен на потребительском рынке наблюдался во всех регионах ПФО. Сводный индекс потребительских цен на все товары и услуги по РМ составил 109,5 % к уровню 2009 г. Основной составляющей инфляции стал рост цен на продовольственные товары и жилищно-коммунальные услуги. Самый высокий уровень инфляции из регионов ПФО в 2010 г. отмечен в Марий Эл, самый низкий — в Самарской области.

При анализе уровня жизни населения также используется показатель структуры потребительских расходов населения. По данным бюджетного обследования домохозяйств, структура потребительских расходов населения Мордовии близка к структуре потребительских расходов других регионов ПФО. Проблема питания является первоочередной при характеристике жизненного уровня населения. В 2010 г. по республике в структуре расходов семьи наблюдалось снижение доли расходов на покупку продуктов питания и увеличение доли расходов на приобретение непродовольственных товаров. Однако расходы на питание по-прежнему остаются одной из наиболее затратных статей семейного бюджета. Расходы на потребительскую корзину в декабре 2010 г. составили в Мордовии в среднем 2 423,36 руб. на человека, что на 5,6 % больше по сравнению с предыдущим месяцем. В среднем по ПФО стоимость потребительской корзины на начало 2011 г. составляет 2 613 руб. Среди регионов ПФО были отмечены высокие расходы на питание в Самарской, Саратовской, Пензенской областях и Пермском крае¹⁰.

Анализируя потребление продуктов питания в 2010 г. в ПФО, можно утверждать, что сохранилась высокая межрегиональная дифференциация семей по качеству и калорийности питания. Рацион питания семьи зависит во многом от места проживания, образа жизни и источников дохода. Потребление мяса и мясных продуктов является одним из основных показателей, отражающих тенденции материального благосостояния населения. Потребление этих продуктов в 2010 г. по сравнению с 2009 г. в рационе горожан Мордовии увеличилось на 9,4 %, у сельских жителей — на 4,1 %. В Мордовии отмечена тенденция снижения среднедушевого потребления хлебной продукции. Несмотря на это, среди регионов ПФО республика по уровню потребления хлеба и хлебных продуктов по-прежнему занимала 1-е место. Меньше всех среди регионов ПФО потребляют

хлеб и хлебные продукты население Самарской и Нижегородской областей (соответственно, 7,2 и 7,6 кг на члена домохозяйства за месяц). Наблюдается снижение потребления молочных продуктов в городе и селе РМ. За последние пять лет их потребление в республике снизилось на 14 кг на человека. По уровню потребления молока и молочных продуктов Мордовия занимала 4-е место среди регионов ПФО (1-е место было у Пензенской области — 22,1 кг). По калорийности питания Мордовия занимает 1-е место среди регионов ПФО. Достаточно калорийную пищу потребляет также население Башкортостана (2 817 гр.) и Пензенской области (2 778 гр.), наиболее низкокалорийную — Самарской области (2 284 гр. в сутки).

Таким образом, анализ уровня жизни населения регионов ПФО показал, что неодинаковая степень экономической устойчивости регионов проявляется в значительном разрыве уровня жизни населения. В выигрыше оказались регионы с природными ресурсами и отраслевой специализацией, имеющей экспортную направленность, — Пермский край и Республика Татарстан.

Среди факторов, обуславливающих неравенство регионов по уровню жизни, географическое положение, ресурсный потенциал региона являются основополагающими. Однако одной из причин падения уровня и качества жизни населения остается капитализация сферы потребления. Ее функцией становится не увеличение потребительской способности населения, а накопление капитала. В связи с этим людей стимулируют приобретать не то, что необходимо для жизни, а что выгодно для извлечения прибыли. Поэтому необходимо, чтобы производство ориентировалось не только на получение прибыли, но и на удовлетворение разумных потребностей людей. Президент РФ Д. А. Медведев в Послании Федеральному собранию РФ отметил, что «мы так и не избавились от примитивной структуры экономики, от унизительной сырьевой зависимости, не переориентировали производство на реальные потребности людей»¹¹. Однако капитал удовлетворение насущных потребностей людей опосредует извлечением максимальной прибыли не только из производства и продажи сырья, но из самых необходимых жизненных средств, особенно продуктов питания.

Сложившемуся положению можно противопоставить подчинение денежной стоимости жизненных средств их потребительной стоимости (ориентация на реальную потребительскую корзину). Теоретическое обоснование такого подхода дано уже в классической политической экономике, например, у Д. Рикардо, не говоря уже о К. Марксе. Дело в том, что стоимость жизненных средств, производимых для обеспечения существования человека, определяется их потребительной стоимостью. Способность рабочего, по мнению Д. Рикардо, «есть способность содержать самого себя и семью так, чтобы число рабочих не уменьшилось, зависит не от количества денег, которые он получает в виде заработной платы, а от количества пищи, предметов жизненной необходимости и комфорта, ставшего для него насущным в силу привычки, которые можно купить за эти деньги»¹². Согласно К. Марксу, доля рабочего в стоимости потребляемого продукта определяется потребительной стоимостью продукта, т. е. не затраченным на него рабочим временем, а его свойством сохранять живую рабочую силу. Соответственно, «сумма жизненных средств, требующихся для нормального воспроизводства рабочей силы, определяется не их стоимостью, а их потребительной стоимостью — их качеством и количеством, следовательно, не рабочим временем, которое требуется для их производства, которое в них овеществлено, а результатом этого рабочего времени»¹³.

Если теория доказывает значимость потребительной стоимости жизненных средств для воспроизводства человеческой жизни, то практическое решение этой проблемы сводится к содержанию потребительской корзины, ее обогащению. Необходимо, чтобы прожиточный минимум, минимальный размер заработной платы в их стоимостном выражении определялись повышением суммы жизненных средств, включаемых в потребительскую корзину, а не деньгами, посредством которых их можно купить. Эта корзина должна быть в центре всей государственной экономической политики, деятельности его законодательных и исполнительных органов не только потому, что служит базой всех расчетов по измерению благосостояния населения, но и потому, что от этого зависит решение проблемы вывода части населения из-за черты бедности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации в 2008: Россия перед лицом демографических вызовов / рук. авт. колл.: А.Г. Вишневский, С.Н. Бобылев. М., 2009. С. 201.

² См.: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия 2000—2010. URL: <http://mrd.gks.ru/digital/region1/DocLib/ОЖИДАЕМАЯ%20ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ%20ЖИЗНИ%20ПРИ%20РОЖДЕНИИ.htm> (дата обращения: 01.03.2011).

³ Там же. URL: <http://mrd.gks.ru/digital/region1/default.aspx> (дата обращения: 01.03.2011).

⁴ Там же. URL: <http://mrd.gks.ru/digital/region10/default.aspx> (дата обращения: 01.03.2011).

⁵ См.: Федеральная служба государственной статистики 1999—2009. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/html6/26-24.htm (дата обращения: 20.02.2010).

⁶ См.: Торгово-промышленная палата Республики Мордовия. URL: <http://trprpm.moris.ru/?cat=mord&sub=2> (дата обращения: 01.03.2011).

⁷ См.: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия 2000—2010. URL: <http://mrd.gks.ru/digital/region12/2007/%D0%B4%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B.htm> (дата обращения: 01.03.2011).

⁸ Там же. URL: <http://mrd.gks.ru/digital/region9/2007/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%20709.htm> (дата обращения: 01.03.2011).

⁹ Там же. URL: <http://mrd.gks.ru/digital/region12/2007/764-410.htm> (дата обращения: 01.03.2011).

¹⁰ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2010. С. 120.

¹¹ Российская газета. 2009. 13 нояб. С. 3.

¹² Рикардо Д. Начало политической экономики и налогового обложения: соч. в 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 85.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Экономическая рукопись 1861—1863 годов: соч. Т. 47. М., 1955. С. 261.

Поступила 10.03.11.

С. Э. МАЙКОВА

АДАПТАЦИЯ ПЕРСОНАЛА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Ключевые слова: управление персоналом, адаптация, внутриорганизационные изменения, инструменты и приемы адаптации, конкурентоспособность, социальные детерминанты

Key words: personnel management, inter-organisational changes, instruments and methods of adaptation, competitive ability, social determinants

Ключевым фактором успеха и конкурентоспособности современных организаций становятся человеческие ресурсы. В условиях перехода общества, основанного на господстве индустриальных технологий, к новому качеству общественного производства и социально-трудовой жизни не материальные ресурсы, а накопленные знания, информация, компетенции и опыт персонала образуют фундамент позитивного организационного развития. Это обуславливает необходимость решения задач, связанных с обеспечением постоянного развития человеческого потенциала и социально-трудовых отношений, урегулированием социальных противоречий и конфликтов в трудовых коллективах, формированием и развитием организационной культуры¹. В современных условиях актуализируются исследования места и значения социальных составляющих организационного развития, разработка теоретических и прикладных аспектов социально-детерминированного управления организацией для создания эффективных моделей устойчивого организационного развития на основе ключевых социальных детерминант внутриорганизационных изменений.

МАЙКОВА Светлана Эдуардовна, доцент кафедры маркетинга Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

Одной из таких составляющих организационного развития является система адаптации впервые принимаемых на работу сотрудников. Такая система особенно важна для работающих в условиях внутриорганизационных изменений². Система адаптации предполагает комплекс мероприятий по постепенному привыканию работника к новым профессиональным и социально-экономическим условиям трудовой деятельности, предполагающим, возможно, более быстрое достижение рабочих показателей, приемлемых для организации, а также вхождение работника в рабочий коллектив, интеграцию в неформальную структуру организации.

Главными целями системы адаптации новых работников являются уменьшение первоначальных издержек работодателя; снижение чувства неопределенности относительно выполняемых функциональных задач и своих перспектив новым работником; сокращение текучести кадров в организации; экономия времени руководителя и рядовых работников; развитие у нового работника удовлетворенности работой, позитивного отношения к ней и реализма в ожиданиях; снижение уровня конфликтности в трудовых отношениях в микроколлективе и масштабах всей организации.

Выделяют несколько видов адаптации, требующих особого внимания со стороны работников службы управления персоналом и менеджеров всех уровней управления: организационную (понимание, усвоение и принятие новым сотрудником организационных норм и правил, принятых в организации); профессиональную (активное освоение профессии, ее тонкостей, специфики, необходимых навыков и приемов работы); психофизиологическую (адаптация к трудовой деятельности на уровне организма работника, результатом чего становятся меньшее утомление, приспособление к высоким физическим нагрузкам и т. п.); социально-психологическую (приспособление работника к ближайшему социальному окружению в коллективе, традициям и неформальным нормам коллектива, стилю работы руководителей, особенностям межличностных отношений, сложившихся в коллективе)³.

С позиции обеспечения устойчивого социального развития организации адаптация играет очень важную роль⁴. В процессе адаптационных процедур закладывается фундамент самоидентификации нового сотрудника в качестве полноправного субъекта и особого объекта социально-детерми-

нированного управления, определяется его отношение не только к устоявшимся правилам и нормам организационной культуры, но и базовым ценностям в качестве приемлемого стереотипа трудового поведения.

Исследование процессов адаптации новых работников на промышленных предприятиях Республики Мордовия позволило выявить ряд проблемных областей в рассматриваемой сфере. Комплексная система адаптации, сопровождаемая и контролируемая службой управления персоналом, на большинстве промышленных предприятиях отсутствует. Однако существуют отдельные адаптационные процедуры, проводимые сотрудниками службы, занимающимися вопросами управления персоналом, а также линейными менеджерами. Круг подобных процедур крайне узок. Как правило, это ознакомление с правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором, должностной инструкцией; проведение инструктажа (например, в отделах охраны труда и промышленной безопасности) по пропускному и внутриобъектовому режиму на территории предприятия.

На многих промышленных предприятиях республики работа по введению в должность проводится непосредственно на рабочем месте. Основную роль в этом процессе играют не столько руководители структурных подразделений, сколько более опытные сотрудники. При этом адаптация как процесс является нерегламентированной. Не выделены блоки трудовой и социально-психологической адаптации. Совмещение интересов сотрудника и предприятия на системной основе не проводится. Процесс вхождения в должность, рост качества и объемов выполняемой работы контролируется несистемно и без учета факторов влияния на данный процесс. В основном контрольные показатели «привязаны» к показателям работы подразделений. Руководитель определяет степень адаптации сотрудника интуитивно. Регламента прохождения этапов адаптации не существует.

Сложившаяся ситуация в сфере адаптации сотрудников промышленных предприятий Мордовии является типичной. При этом современные методы управления персоналом используются несистемно и, как правило, вовсе не связаны с быстро меняющейся ситуацией в рыночном окружении.

Особое значение эффективная адаптация имеет в случае привлечения сотрудников из-за рубежа. В настоящее время

трудовая миграция все заметнее оказывает влияние на структуру трудовых коллективов республиканских предприятий. В случае привлечения иностранных сотрудников возникает проблема не только трудовой адаптации, но и культурных различий, привнесения в традиционные процедуры выполнения работ новых элементов. В этом случае особую важность приобретает управление процессами адаптации, направленное на достижение эффекта комплиментарности в работе смешанных групп сотрудников.

Изучение применяемых инструментов и приемов адаптации персонала на промышленных предприятиях Мордовии проводилось нами посредством анкетирования. В ходе исследования было отмечено, что основным результатом адаптации является закрепление сотрудника в должности. Однако руководством большинства промышленных предприятий не отслеживается то, как происходит это закрепление (например, перевод из учеников в рабочие), какие последствия при этом возникают. Принятие решений по дополнительному обучению, инструктированию сотрудников по результатам адаптации не проводится.

В качестве основных инструментов анализа процессов адаптации и их влияния на организационное развитие, кроме анкетирования, были выбраны глубинные интервью с руководителями подразделений промышленных предприятий. Исследование проводилось на четырех крупных предприятиях республики (численность более 1 тыс. чел.): ОАО «Мордовцемент», ОАО «Рузхиммаш», ОАО «Орбита», ОАО «Висмут». По мнению руководителей, процесс адаптации именно как системный процесс зачастую отсутствует. Большинство руководителей (77,8 %) отметило высокую значимость построения системы адаптации сотрудников на предприятии. При этом 61,1 % ответивших обозначили высокий приоритет этого процесса в управлении персоналом в целом. Было отмечено, что на предприятиях присутствуют отдельные элементы профессиональной адаптации (75,8 % опрошенных). В основном процесс введения в должность частично применяется в практике работы отделов и функциональных служб предприятий. В производственных подразделениях развито курирование работы вновь принимаемых сотрудников (наставничество). Однако процесс протекает скорее спонтанно, нежели организовано. Проведение опроса

руководителей и сотрудников промышленных предприятий также выявило, что большинство руководителей уделяет внимание не столько профессиональной, сколько социально-психологической адаптации сотрудников (52,5 %). Как отмечалось в интервью, сложно проходит процесс социально-психологической адаптации сотрудников, не только вновь поступивших на предприятие, но и тех, кто ранее работал, но был перемещен в другое подразделение.

Для устранения выявленных проблем необходимо создание эффективной системы адаптации. С этих позиций процедуру адаптации можно разделить на четыре этапа: оформление сотрудника, первичное знакомство, стажировка и анализ результативности процедур адаптации.

Оформление сотрудника включает заполнение личной карты, внутренней анкеты, написание заявления о приеме на работу, подписание трудового договора и должностной инструкции, копирование необходимой документации и оформление трудовой книжки. Итогом этого этапа является официальное трудоустройство сотрудника.

Анализ практики адаптационных процедур позволил отметить, что наиболее важен первый этап работы нового сотрудника (как правило, первые несколько дней). Этот период максимально информационно и эмоционально насыщен. Новый сотрудник знакомится с правилами внутреннего трудового распорядка, основными документами, рабочим местом, коллегами. Задачи службы управления персоналом или отдела кадров — сформировать у сотрудника положительное впечатление об организации, вызвать интерес к работе в ней. Начало работы сотрудника должно быть подготовлено заранее. Важно не только представить новому сотруднику его будущих коллег, но и рассказать работникам организации о новом человеке в коллективе.

Помимо передачи знаний об организации и существующих в ней порядках, целесообразно проведение тренинга «Знакомство с предприятием». Это вводный курс, который должны разработать сотрудники службы управления персоналом (отдела кадров или учебного центра предприятия). Этот тренинг проводится ответственными сотрудниками предприятия для новых работников. Он отличается от привычных обучающих программ по задачам и методам и направлен на формирование и повышение лояльности новых

сотрудников к компании. Подобное мероприятие должно проходить в форме аудиторного тренинга, который является классическим вариантом вводного обучения. Подобный тренинг может содержать ряд информационных блоков: сведения о предприятии; производимые продукты (оказываемые услуги); корпоративная культура; корпоративная политика в области управления персоналом: информация о возможностях, которые организация предоставляет сотрудникам в профессиональном росте (виды и направления обучения); развитие карьеры (порядок проведения оценочных процедур, примеры карьерного роста работающих сотрудников); система вознаграждений; условия работы; бытовые вопросы (где и когда можно пообедать, получить медицинскую помощь и т. д.); экскурсия по предприятию (посещение музея предприятия).

Также целесообразно разработать «Книгу сотрудника». Этот документ должен содержать информацию об организации, ее миссии и целях, приемах ведения бизнеса, корпоративной культуре и т. п. Целью этого является ориентация работника в большом объеме информации, которую ему необходимо узнать об организации. Для рядовых сотрудников рабочих специальностей необходимо предусмотреть «Памятку нового сотрудника», содержащую сведения, связанные с условиями труда и быта.

Для надлежащего прохождения процесса адаптации вновь принятого сотрудника возможно назначение наставника из числа работников подразделения (цеха, службы, отдела). В задачи наставника входит профессиональное обучение, содействующее социальной адаптации вновь принятого работника. Наставник должен быть не только хорошим специалистом, но и человеком, желающим поделиться своим опытом. Обычно период наставничества длится три месяца. В течение этого времени наставник должен обучать нового сотрудника, наблюдать за ним, за его профессиональными и личными качествами, делать определенные выводы, насколько сотрудник обучаем, стрессоустойчив, лоялен и т. д. Наставник должен оценить деятельность стажера по итогам обучения или окончания испытательного срока. Результатами стажировки должны стать готовность сотрудника к исполнению функциональных обязанностей и его интеграция не только в рабочий процесс подразделения, но и в систему социально-трудовых отношений.

Завершающим мероприятием процесса адаптации должно стать проведение круглого стола с руководителями предприятия для всех вновь принятых сотрудников, который является одним из эффективных способов обратной связи. Круглые столы могут проводиться начальником службы управления персоналом (отдела кадров), например, один раз в два месяца. После завершения адаптационного периода целесообразно рассчитать экономическую эффективность внедряемой системы адаптации. Для расчета мы предлагаем использовать коэффициенты текучести (K_m) и постоянства кадров (K_n). Коэффициент постоянства кадров за определенный период является обратным коэффициенту текучести и используется в некоторых организациях как показатель работы специалистов по адаптации. Снижение первого коэффициента и повышение второго, рассчитанного по группе вновь принятых работников, может свидетельствовать об эффективной системе адаптации в организации. В противном случае необходимо пересматривать и корректировать адаптационные процедуры.

Большую роль во внедрении системы адаптации играют профессионализм и личные качества сотрудников службы управления персоналом, так как именно они являются «проводниками» корпоративной политики и представляют собой образец поведения в компании. Они совместно с наставниками должны сопровождать новичков на всех этапах адаптации, вплоть до их эффективного включения в производственные, технологические, функциональные процессы, а также в систему организационного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Окунев Д.В., Майкова С.Э. Организационные конфликты на промышленных предприятиях // ЭКО. 2010. № 5. С. 144—150.

² См.: Spell C.S. Organizational Technologies and Human Resource Management // Human Relations. 2001. № 54. P. 197.

³ См.: Веснин В.Р. Управление персоналом. Теория и практика: учебник. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. С. 239—240.

⁴ См.: Robbins S.P. Organizational Behavior. 9-th Edition. Prentice Hall, 2000. P. 454.

Поступила 16.03.11.

Т. В. ФОГЕЛЬ

СОЦИАЛЬНО-ПОМОГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ В КООРДИНАТАХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: социально-помогающие практики, социальное взаимодействие, социально-помогающая деятельность, социальная активность

Key words: socially-assistant practices, social interaction, socially-assistant activity, social activity

В постиндустриальном обществе или в период вхождения в него появляются новые формы социальных отношений и институты, способствующие развитию качества жизни человека. Социально-помогающие практики — повсеместно развивающийся тип деятельности человека, в глобальном контексте способствующий регулированию социальных отношений для сохранения целостности общества как системы.

В современной России продолжается процесс расслоения общества, увеличивается разрыв между высшим показателем уровня жизни и низшим. Некоторому повышению показателя качества жизни человека способствуют социально-помогающие практики, базирующиеся на принципе заботы «ты мне нужен настолько, насколько я нужен тебе». Проявление человеческой поддержки и заботы как основа социально-помогающих практик базируется на духовно-нравственных ценностях и гуманном отношении к окружающему миру. Обозначение концептуальной схемы, объясняющей феномены социально-помогающей деятельности и социальные механизмы их моделирования, становится актуальным и на фоне глобальных экономических кризисов. Мотивы социальной активности человека в социально-помогающей деятельности разнообразны: от различных убеждений до личного опыта. На наш взгляд, существуют определенные детерминации

ФОГЕЛЬ Татьяна Викторовна, социальный педагог Краснодарского государственного университета культуры и искусств, кандидат социологических наук.

участия человека в социально-помогающей деятельности.

Целью нашего исследования «Выявление корреляции социально-помогающей деятельности и социально-демографических показателей», проведенного в мае — октябре 2010 г. среди жителей г. Йошкар-Олы Республики Марий Эл, была выявлена зависимость между социально-демографическими показателями и характером практики социально-помогающей деятельности. Объектом исследования было взрослое население города. Объем выборки составил 640 чел., относящихся к возрастным группам до 30 лет, до 40 лет, до 50 лет и старше. Двухмерное распределение было направлено на выявление гендерных различий (выборка состояла из равного числа мужчин и женщин — 1 000 чел.) и возрастных особенностей. Выборка составлена из равного числа людей в определенной возрастной группе — по 160 чел. (табл. 1).

Таблица 1

Распределение числа участников социально-помогающих практик по группам возрастов

Возраст	СПП+		СПП̃		Всего	
	Число	%	Число	%	Число	%
20—29 лет	38	5,94	122	19,06	160	25,00
30—39 лет	64	10,00	96	15,00	160	25,00
40—49 лет	69	10,78	91	14,22	160	25,00
50—59 лет	81	12,65	79	12,34	160	24,99
Всего	252	39,38	388	60,62	640	100,00

СПП+ — участие в социально-помогающих практиках

СПП̃ — неучастие в социально-помогающих практиках

Можно сделать вывод, что 60 % жителей города не проявляют социальную активность социально-помогающей деятельности. Следовательно, существует тенденция превалирования социально-непомогающего поведения. Наиболее часто социально-помогающее поведение встречается в возрастной группе 50—59 лет, наиболее редко — в группе 20—29 лет.

При проверке уровня связи между возрастом и уровнем социально-помогающей активности выявлено наличие связи между возрастом и уровнем активности в социально-помогающей деятельности. Отмечено увеличение частоты социально-помогающей активности с увеличением возраста, а также уменьшение разрыва показателя частоты социально-помогающей активности (СПП+) и неактивности (СПП-) с

увеличением показателя возраста. Иными словами, в возрастной группе 20—29 лет чаще наблюдается непомогающее поведение, а в группе 50—59 лет на долю лиц, практикующих социальную помощь, приходится примерно столько же лиц, ее вовсе не практикующих.

Показателен анализ взаимосвязи этих переменных путем определения наличия связи между возрастом (группа 50—59 лет и 20—29 лет) и активности в социально-помогающих практиках. Создадим модель перекрестной группировки двух дихотомических признаков П и Р для расчета коэффициента ассоциации Юла (табл. 2).

Таблица 2

Перекрестная группировка двух дихотомических признаков

Возраст	СПП+	СПП̃	Всего
20—29 лет	a 38	b 122	160
50—59 лет	c 1	d 79	160
Итого	119	201	320

a = 20—29 лет / участвуют СПП

b = 20—29 лет / не участвуют СПП

c = 50—59 лет / участвуют СПП

d = 50—59 лет / не участвуют СПП

Коэффициент ассоциации Юла ($Q = 0,53$) подтверждает среднюю корреляционную связь.

Проверим, насколько независимый признак (возраст) является детерминирующим типом поведения (СПП+, СПП-). Представим данные в виде таблицы, где признак X принимает значения a и b (группа возраста 50—59 и 20—29 лет), а признак Y — значения c и d (тип поведения респондента) (табл. 3).

Таблица 3

Распределение по крайним грациям возраста в зависимости от практики социально-помогающего поведения

Y	X	
	50—59 (a)	20—29 (b)
СПП+ (c)	81	38
СПП- (d)	79	122

Рассчитаем детерминацию значением a типа поведения c. Назовем интенсивностью детерминации $a \rightarrow c$ величину I ($a \rightarrow c$), равную доле респондентов, для которых $y=c$ в группе

респондентов, удовлетворяющих условию $x=a$. Интенсивность детерминации, означающая точность высказывания «если a , то c », равна 0,50, т. е. 50 % в группе 50—59 лет практикуют оказание социальной помощи. Емкость детерминации, измеряющая долю случаев реализации поведения c , которое соответствует высказыванию «из a следует c », равна 0,68, т. е. 68 % означают, что « a влечет c ». На этом основании можно сделать вывод, что возраст 50—59 лет является определяющим фактором социально-помогающего поведения. Так как 49 % представителей возрастной группы 50—59 лет практикуют социально-помогающее поведение и это происходит в 68 % возможных случаев, то можно говорить, что возраст детерминирует активность в социально-помогающем поведении.

Наглядна взаимосвязь активности респондентов в социально-помогающей деятельности и принадлежности к полу (табл. 4).

Таблица 4

Распределение пол / социально-помогающее поведение

Y	X	
	Женщины (a)	Мужчины (b)
СПП+(c)	238	123
СПП-(d)	262	377
Всего	500	500
Итого	100	

Интенсивность детерминации (I) равна 0,47, т. е. 47 %; емкость детерминации (C) равна 0,65, т. е. 65 %. На основании того, что 47 % женщин практикуют социально-помогающее поведение и это происходит в 65 % возможных случаев, то можно говорить, что пол также детерминирует активность в социально-помогающем поведении. Следует констатировать большую активность женщин в практике социально-помогающего поведения и меньший результат такого поведения у мужчин. Возраст наибольшей социально-помогающей активности для женщин составляет 50—59 лет, для мужчин — 40—49 лет. Возраст наибольшей неактивности в этом плане у женщин — 20—29 лет и 30—39 лет, у мужчин — 20—29 лет и 40—49 лет.

Из опрошенной 1 тыс. жителей г. Йошкар-Олы 639 отрицали свое участие в социально-помогающих практиках. Это позволяет сделать вывод, что 63,9 % жителей города

не проявляют социальную активность в этом отношении. В связи с этим имеет место тенденция превалирования социально-непомогающего поведения. Наиболее часто социально-помогающее поведение встречается в группе 50—59 лет, наиболее редко — в группе 20—29 лет. Отмечены существенная динамика увеличения частоты социально-помогающей активности с увеличением возраста, уменьшение разрыва показателя частоты социально-помогающей активности (СПП+) и неактивности (СПП-) с увеличением показателя возраста.

Женщины проявляют большую активность в практике социально-помогающего поведения, самый высокий потенциал их социально-помогающей деятельности наблюдается в возрастной группе 50—59 лет. Таким образом, можно говорить, что возраст (более старший) и пол (женский) влияют на активность социально-помогающего поведения.

Поступила 16.12.10.

Н. А. ФИЛИПЕНКО

СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО ПОДРОСТКОВ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: социальное одиночество подростка, социализация, суицидология, социальная дезадаптация, социальные риски, профилактика социализации

Key words: the teen-ager social loneliness, socialisation, suicidology, social dis-adaptation, social risks, socialisation prophylactics

Социальное одиночество подростков становится одной из серьезнейших проблем современного российского общества. Учитывая то, что подростковый возраст имеет важное значение для развития личности в целом и является базовым в процессе социализации, проблема социального одиночества подростка в современных условиях требует от науки и практики особого внимания.

Динамика современного мира отражается в сфере личностного восприятия мира и построения субъективной линии поведения в нем каждым человеком. Для формирования социально устойчивой, социально самостоятельной, ответственной, мобильной личности современный подросток должен пройти процесс социализации полностью, не останавливаясь на определенном этапе и не замыкаясь в себе. С этим связаны основные характеристики личности, обеспечивающие успешное вхождение подростка в широкий контекст социальных отношений и лежащие в основе саморазвития личности. К сожалению, компьютеризация и интенсификация жизни затрудняют формирование этих навыков, способствуют возникновению проблемы социального одиночества среди подростков.

ФИЛИПЕНКО Надежда Анатольевна, преподаватель кафедры социальных наук и технологий Марийского государственного технического университета.

Актуальность изучения проблем влияния социализации подростков на их взаимосвязь с социальной средой продиктована их особым статусом в обществе. Безусловно, социальный статус и социально-психологические особенности подростка имеют социально-историческую природу и во многом зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу способов социализации. Любой человек, живущий в обществе, с момента своего рождения подвергается процессу социализации, так как социализация — это процесс становления личности, обучения и усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной общности, группе¹.

Социализация личности, усвоение социального опыта проходят по мере включения человека в разносторонние общественные отношения. Однако вследствие ряда обстоятельств могут возникнуть нарушения процесса социализации, выражающиеся в социальной дезадаптации индивида, неадекватности его поведения по отношению к нормам той системы общественных отношений, в которую он был включен по мере своего социального развития. Нарушения социализации могут обуславливаться различными причинами, принимать разные формы, одной из которых становится социальное одиночество. Десоциализация возникает, как правило, при отчуждении индивида от институтов социализации, которые выступают носителями норм общепринятой морали и права.

Мы понимаем под *социальным одиночеством* особое социально-психологическое состояние, характеризующееся *узостью или отсутствием социальных контактов, поведенческой отчужденностью и эмоциональной невовлеченностью индивида и других социальных субъектов в социальный процесс, а также связанное с нарушением процесса их социализации и самореализации в социуме*. Таким образом, на наш взгляд, в данном случае определяющим будет выявление взаимосвязи феномена социального одиночества с процессом социализации личности. Актуальность вопроса представляется нам очевидной в связи с тем, что, имея возможность определить характер социального одиночества в рамках процесса социализации, мы можем так или иначе предупредить его в случае деструктивного воздействия на личность.

В современном обществе увеличивается число подростков, испытывающих чувство одиночества, что нередко приводит к личностным девиациям с такими социально опасными последствиями, как депрессия, алкоголизм, наркомания, игромания и попытки суицида. По данным официальной статистики, в современном мире 1 млн чел. каждый год кончает жизнь самоубийством, в том числе 60 тыс. чел., живущих в России. Выявлено, что за последние 10 лет количество попыток самоубийства среди молодежи увеличилось почти в 3 раза. Основными причинами являются безответная любовь, конфликты в семье и учебном процессе, безотчетный страх перед будущим и тотальное одиночество. Каждый год один из 12 подростков пытается свести счеты с жизнью. По количеству самоубийств среди молодежи Россия занимает первое место в мире². Именно в этом контексте Э. Дюркгейм использовал понятие «аномическое самоубийство» — вид самоубийства, в основе которого лежит социальная дезорганизация личности: разрыв социальных связей, чувство одиночества, подавленности³.

Социальное одиночество подростков в г. Йошкар-Оле, небольшом, по современным меркам, городе, имеет существенное отличие от проявлений этого феномена в крупных городах. Официальная статистика отражает проблему подросткового одиночества через данные, связанные с серьезнейшей проблемой современного мира — подростковым суицидом. На одном из официальных сайтов Республики Марий Эл представлена статистика самоубийств в регионе: «до революции Россия прочно держалась на одном из последних мест в мире по количеству суицидов. А три года назад — возглавила мировой список стран-смертников. Одно из первых мест в этом списке занимает Марий Эл». По сравнению с другими регионами России количество суицидов в республике в два раза выше. Из программы анализа самоубийств, разработанной главным судебно-медицинским экспертом Марий Эл, содержащей сведения за последние 22 года, явствует то, что за это время в Марий Эл свели счеты с жизнью почти 10 тыс. чел. Неразделенная любовь, семейные кризисы, страх одиночества являются основными причинами этого. Около 25 % от общего количества самоубийств приходится на долю подростков. В Интернете функционируют подростковые клубы самоубийц, где быва-

лые «суицидники» дают советы новичкам о наиболее эффективных способах самоубийства. Групповые самоубийства происходят в республике один-два раза в год⁴. По словам специалистов республиканского Центра социально-психологической помощи населению, чаще всего толкают граждан на такой шаг сложные отношения с близкими и одиночество⁵.

Творческая группа поликлиники № 4 йошкар-олинской городской детской больницы представила проект «Спасите обиженных сердца» («СОС»), направленный на выявление и предупреждение социальной дезадаптации и риска суицида среди социально неблагополучных подростков при столкновении с проблемами, которые кажутся им крайне серьезными. Они не имеют жизненного опыта, чтобы рассмотреть все варианты выхода из кризиса, поэтому делают ошибочный вывод о том, что ситуация безвыходна. Одну из основных проблем авторы проекта видят в нарушении взаимоотношений в семьях. Подростку иногда достаточно одного разговора с родителями, чтобы увидеть свою проблему другими глазами, но родителям некогда поговорить! Авторы проанализировали статистику случаев суицида в подростковом возрасте в школах и профессиональных училищах г. Йошкар-Олы с помощью коррекционно-диагностической методики суицидального риска «Сигнал». Из трехсот протестированных детей 175 нуждаются в повышенном внимании. Что касается риска суицида, то у 32 чел. он средний, а у 12 чел. — высокий⁶.

Для решения этой проблемы исследователи советуют помогать улучшению взаимопонимания в семье и среде сверстников, формировать позитивное мышление и способность к адекватной самооценке и критической оценке действий. Авторы проекта предполагают, что суицидальный настрой у подростков в основном объясняется отсутствием матери, злоупотреблением алкоголем отца, безденежьем в семье. Однако есть и такие, чьи родители — состоятельные люди, но родителям нет дела до ребенка. Такие подростки попадают в группу риска от невнимания и одиночества. Для решения проблемы марийские медики предлагают ряд простых и общедоступных методов: любить, вникать в дела подростков, помогать решать проблемы своих детей.

Интересны результаты сделанного нами анализа обываний всевозможных гадалок, медиумов, экстрасенсов,

предлагающих свои услуги по решению различных проблем, в марийской прессе и Интернете. Около 80 % объявлений — это информация о возможности избавления от одиночества. Из этого можно сделать вывод, что большое число жителей республики, обращающихся за подобными услугами, страдают от этой проблемы. Эта тема стала одной из наиболее прибыльных в социальном бизнесе.

Опираясь на исследования, проведенные нами в 2007—2010 гг. среди студентов колледжей Республики Марий Эл, можно говорить о серьезных проблемах, вызывающих состояние социального одиночества и связанных в основном с отсутствием должного внимания и соответствующей поддержки со стороны родителей, что в современном информационном мире объясняется элементарной нехваткой свободного времени из-за чрезмерной занятости родителей. В таких семьях очень слабы или деформированы положительные обратные связи.

Социальное одиночество каждый переживает по-своему, оно абсолютно субъективно, в связи с этим невозможно изобрести универсальный способ его решения. Однако есть возможность определить основные направления деятельности работы с подростками, испытывающими состояние социального одиночества. Это использование элементов социального обучения (обеспечение подростка необходимыми знаниями, умениями и навыками для работы по самостоятельному преодолению состояния социального одиночества); формирование навыков общения; гармонизация отношений подростка в семье (месте постоянного проживания) и со сверстниками; усиление роли семьи в процессе социализации подростка; формирование адекватной самооценки подростка и снижение тревожности; помощь в приобретении навыков самоорганизации; включение государственных структур в работу в рамках профилактики возникновения социального одиночества в подростковой среде и активная помощь в решении этой проблемы.

Проблема профилактики социального одиночества имеет огромное значение для успешной социализации личности подростка, социально-экономического и культурного развития общества. Важны также работа по развитию в подростке чувства социальной ответственности за свои действия, воспитание стремления иметь хорошую семью, укрепление чувства уважения к представителям противоположного пола,

умение учитывать интересы окружающих и способность к самоорганизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Платонова Н.М. Основы социальной педагогики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 23.

² См.: Самоубийцы среди нас — официальная статистика // Статистика.RU портал статистических данных. URL: http://statistika.ru/naselen/2007/11/15/naselen_9298.html (дата обращения: 11.02.2010).

³ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. С. 3.

⁴ См.: В Марий Эл впервые будет создана суицидологическая служба // Марий Эл «Новости». URL: <http://www.newsmari.info/4477> (дата обращения: 12.10.2010).

⁵ См.: В Марий Эл отмечен рост числа самоубийств. Сайт ИА REGNUM «Новости». URL: <http://www.regnum.ru/news/639114.html> (дата обращения: 10.10.2010).

⁶ См.: Бирючева О. Жизнью детей расплачиваются родители за невнимание и нелюбовь к своим чадам. Сайт газеты «Марийская правда». URL: <http://www.businessstest.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=513204> (дата обращения: 10.10.2010).

Поступила 28.02.11.

И. В. ИВАНОВ

**СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ПРОГРАММЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПЕНСИОННЫХ НАКОПЛЕНИЙ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Ключевые слова: регионы, программа, инвестиции, потенциал, пенсионные накопления

Key words: regions, programme, investments, potential, pension savings

Сущность пенсионного обеспечения как экономической категории проявляется в выполняемых им функциях: экономической и социальной. Действие экономической функции заключается в воспроизводстве трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики посредством обеспечения связи между размером пенсии и трудовым вкладом работника. Социальная функция способствует реализации принципа социальной справедливости и выражается в обеспечении минимального жизненного уровня членам общества при наступлении старости, инвалидности и реализации других социальных рисков¹.

В бюджетном послании Президента РФ о бюджетной политике в 2008—2010 гг. выделена ключевая задача стабилизации пенсионной системы как главного рискованного фактора развития отечественной экономики в долгосрочной перспективе. Эта задача была конкретизирована в следующем бюджетном послании в части необходимости формирования устойчивого экономического механизма пенсионного обеспечения на долгосрочную перспективу, создания условий получения достойной пенсии как вышедшим на пенсию, так и тем, кому это предстоит. Эти меры должны предусматривать и упорядочение источников финансирования пенсий, более эффективное управление пенсионными накоплениями².

ИВАНОВ Игорь Викторович, аспирант Института региональных экономических исследований (г. Сергиев Посад).

Введение механизма социальной защиты накопительного элемента расширяет возможности использования пенсионной системы как элемента инвестиционной среды, в том числе и на региональном уровне. Вместе с тем в последнее время стала отчетливой тенденция к увеличению критических оценок накопительной пенсионной системы. В частности, в докладе Минздравсоцразвития РФ отмечается, что в случае негативных тенденций в экономике возможна разбалансировка накопительной пенсионной системы двух видов: 1) если пенсионеры для получения права на будущую продукцию накапливают денежные активы, например, в форме государственных облигаций, то желаемое потребление пенсионеров будет превышать возможные накопления работников. Превышение спроса на товарном рынке приведет к росту цен и снижению покупательной способности аннуитета пенсионера; 2) если пенсионеры для получения права на будущую продукцию накапливают денежные активы, например, в форме акций, то желаемые продажи активов пенсионеров будут превышать желаемые покупки этих активов работниками. Превышение предложения на рынке ценных бумаг приведет к снижению цены пенсионных активов, пенсионных накоплений и, соответственно, повлияет на размер аннуитета³.

Кроме того, накопительные пенсионные системы сталкиваются с дополнительными рисками, не присущими распределительным системам. К ним относятся риски, связанные с неумелым управлением пенсионными накоплениями, цикличностью инвестиционных процессов, изменением актуарной стоимости пенсионных аннуитетов. Помимо этого, администрирование накопительной пенсионной системы значительно выше, чем затраты по управлению распределительной системой⁴. Соответственно, алгоритм использования инвестиционных возможностей пенсионной системы должен быть устойчив к изменениям параметров этой системы.

Реализация мер, адаптированных к динамично меняющейся ситуации и имеющих среднесрочный и долгосрочный характер, наиболее рациональна в рамках программно-целевого подхода. В связи с этим закономерной представляется структуризация проводимых мероприятий в рамках целевой региональной программы, обеспечивающей объединение средств и возможностей всех институтов власти и управ-

ления, бизнес-структур, физических лиц, заинтересованных в развитии системы пенсионного обеспечения, в качестве фактора воздействия на социально-экономическую среду.

Оценка структуры и объема регионального рынка пенсионного обеспечения, а также набора факторов и последствий реализуемых мероприятий должна выступать в качестве обязательного этапа, предшествующего разработке программы. В связи с этим интересна система анализа рынка, разработанная О. Н. Козловой и А. Э. Сахабутдиновой⁵ для негосударственных пенсионных фондов (НПФ). Они представили субъектно-объектный подход, предполагающий выделение и рассмотрение составляющих этого рынка: НПФ и участники фонда как непосредственные субъекты рынка, а также НПО как специфическая финансовая услуга, оказываемая фондами и являющаяся объектом купли-продажи. С учетом некоторых корректировок этот подход может быть применен для анализа инвестиционного потенциала всего регионального рынка пенсионного обеспечения с учетом результатов предлагаемых программных мероприятий.

Особое значение имеют разработка и предварительная детализация основных направлений и целей комплексной программы. На рисунке представлена возможная структура программы развития инвестиционного потенциала пенсионных накоплений.

Основной целью мероприятий в сфере законодательства и нормативной базы является совершенствование правового обеспечения реализации программы. Начальными этапами должны стать анализ соответствия региональной правовой базы требованиям федерального законодательства и устранение выявленных несоответствий, если они имеют место. Могут также быть предусмотрены разработка регионального закона (постановления органа исполнительной власти) о порядке финансирования пенсионного обеспечения граждан на территории региона и положения о порядке оценки организаций, осуществляющих функции управления пенсионными накоплениями. В части методического обеспечения контроля за эффективностью использования пенсионных накоплений разрабатывается методика оценки экономической обоснованности всей системы пенсионного обеспечения в регионе.

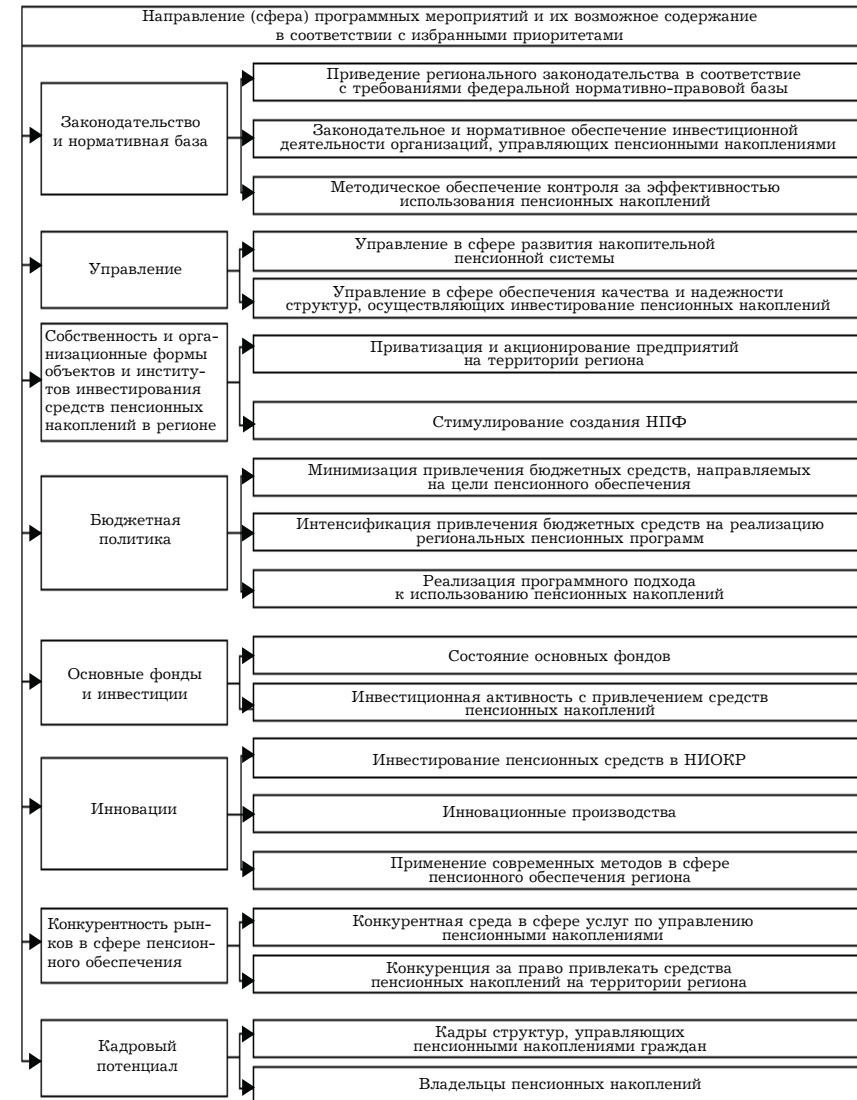

Рисунок. Примерная структура региональной программы развития инвестиционного потенциала пенсионных накоплений

Совершенствование механизмов управления системой пенсионного обеспечения региона охватывает сферы развития накопительной пенсионной системы, а также обеспечение качества и надежности структур, осуществляющих инвестирование пенсионных накоплений. Характер мероприятий в области развития институтов накопительной пенсионной системы зависит от выбранных приоритетов. Для решения задачи ускоренного вовлечения в сферу управления пенсионными накоплениями негосударственных управляющих структур, в том числе и недислоцированных на территории региона, может быть установлен ежегодный норматив удельного веса негосударственных структур, управляющих пенсионными накоплениями. В случае принятия решения о приоритетности интенсификации процесса вовлечения пенсионных накоплений в экономику региона возможно установление ежегодного норматива удельного веса пенсионных накоплений граждан, проживающих на территории региона, инвестированных в экономику региона в общем объеме пенсионных накоплений. Мероприятия в сфере обеспечения качества и надежности структур, осуществляющих инвестирование пенсионных накоплений, могут включать установление значений интегральных показателей эффективности деятельности (рейтингов) управляющих структур.

В ходе реализации программы должна быть проведена оптимизация структуры собственности и организационных форм субъектов в сфере пенсионного обеспечения региона. Например, акционирование предприятий и организаций, находящихся в государственной и муниципальной собственности региона, расширит возможности инвестирования средств пенсионных накоплений. Приватизация этих объектов приведет к повышению доли частной собственности в сфере инвестирования пенсионных накоплений. Для расширения институциональной базы негосударственного пенсионного обеспечения (если такая задача поставлена) в разрабатываемую программу может быть интегрирован комплекс мер, стимулирующих создание новых негосударственных структур, управляющих пенсионными накоплениями.

Программные мероприятия в области бюджетной политики дифференцируются в зависимости от приоритетов региональной государственной социальной политики сокращения расходов бюджета и сглаживания социального

неравенства. В первом случае в рамках программы может быть установлен норматив ежегодного сокращения бюджетных ресурсов, направляемых на реализацию региональных пенсионных программ, во втором — установление минимального размера пенсионного обеспечения на территории региона. Сбалансированность источников финансирования программ пенсионного обеспечения должна быть обеспечена расчетом и установлением рационального соотношения между источниками финансирования в зависимости от характера программных мероприятий (индикаторов).

Мероприятия в сфере основных фондов и инвестиций направлены на улучшение их состояния и повышение инвестиционной активности на территории региона. Они могут включать установление норматива ежегодного снижения доли основных фондов, находящихся в ветхом и аварийном состоянии, за счет привлечения средств пенсионных накоплений; темп прироста инвестиций в экономику региона с использованием средств пенсионных накоплений; долю средств инвестиций негосударственных пенсионных фондов в общем объеме инвестиций в экономику региона.

Действия в области развития инноваций предусматривают внедрение современных технических средств и технологических решений в экономику региона и их применение в системе социальной защиты. В связи с этим могут быть предложены установление индикаторов, характеризующих использование средств пенсионных накоплений для финансирования НИОКР; индикативный показатель доли средств пенсионных накоплений, вложенных в инновационные производства. Для повышения использования инновационных технологий в региональных структурах ПФР и НПФ, оперирующих на территории региона, может быть предусмотрен целевой показатель доли соответствующих современным требованиям технических средств и процедур в деятельности региональной системы пенсионного обеспечения.

В ходе реализации программных мероприятий должны быть оптимизированы условия функционирования рынков в сфере пенсионного обеспечения, в том числе путем установления благоприятной конкурентной среды. Для обеспечения выбора управляющей организации должно быть увеличено предложение на рынке услуг управления пенсионными накоплениями. На основе результатов маркетинговых исследо-

ваний рынка могут быть приняты целевые значения числа организаций, оказывающих услуги по управлению пенсионными накоплениями. Конкуренция за право привлекать средства пенсионных накоплений на территории региона может быть обеспечена за счет программных мероприятий по совершенствованию конкурсных процедур.

Важное значение имеет обеспечение необходимой квалификации кадров в сфере управления пенсионными накоплениями. В связи с этим предусматривается подготовка нормативов квалификации кадров в соответствии с характером деятельности, должностными инструкциями и т. д. Весьма значима и реализация мероприятий по совершенствованию знаний граждан, осуществляющих пенсионные накопления об экономической сущности данного процесса, процедурах выбора управляющих структур, инвестиционных процессах, возможных рисках. Тесно связанной с вышеупомянутым направлением является информационная политика, которая может быть обозначена в качестве отдельного блока программных мероприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Борисенко Н.Ю. Пенсионное обеспечение. М.: Дашков и Ко, 2009. 576 с.

² См.: Соловьев А. Долгосрочная стратегия развития пенсионной системы. URL: <http://institutiones.com/strategies/893-dolgosrochnaja-strategija-razvitija-pensionnoj-sistemy.html> (дата обращения: 17.01.2011).

³ См.: Доклад Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации «Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации с учетом влияния мирового финансового кризиса». 2010.

⁴ Там же.

⁵ См.: Козлова О.Н., Сахабутдинова А.Э. Методический подход к оценке состояния регионального рынка негосударственного пенсионного обеспечения // Финансы. 2008. № 4. С. 87—91; Их же. Оценка состояния регионального рынка негосударственного пенсионного обеспечения на примере Сибирского федерального округа // Там же. 2009. № 3. С. 82—87.

Поступила 15.03.10.

Р. Р. УРАЕВ

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: эффективность, оценка эффективности, негосударственное пенсионное обеспечение, управление, показатели, негосударственный пенсионный фонд, коэффициент замещения, пенсионные накопления

Key words: efficiency, efficiency evaluation, non-government pension provision, management, indices, non-government pension fund, replacement coefficient, pension savings

Эффективность государственного управления является одной из актуальных проблем современного менеджмента. Эффективность управления определяется как относительная характеристика результативности деятельности конкретной управляющей системы, отражающейся в различных показателях как объекта и субъекта управления, причем эти показатели имеют количественные и качественные характеристики¹.

Существуют различные подходы к оценке эффективности управления. Например, Г. В. Атаманчук предложил комплекс показателей, характеризующих эффективность организации и функционирование субъектов государственного управления. К таковым он относит цели и ориентированность; затраты времени на осуществление определенного объема управленческих операций; стиль функционирования государственно-управленческой системы, оцениваемой по реальной практике; организационную сложность субъекта государственного управления; экономические, социальные, кадровые, технические издержки на содержание и обеспечение функционирования государственной управленческой

УРАЕВ Раиль Рауфович, доцент кафедры государственного и муниципального управления Башкирского государственного аграрного университета, кандидат социологических наук.

системы, рассматриваемой в соотношении с социальными результатами деятельности управляемых объектов². С точки зрения В. Д. Граждана, эффективность управления зависит от успешного взаимодействия профессионализма специалистов-управленцев и высокого уровня общественно-управленческой самодеятельности населения. Критерием оптимальности в этом случае служит решение управленческих задач с наименьшими затратами общественного труда, времени и наибольшими результатами³.

Основываясь на теоретических разработках этой проблемы, мы предлагаем комплексную оценку эффективности негосударственного пенсионного обеспечения Российской Федерации, включающую в себя социальный и экономический критерии эффективности. Эмпирической базой нашего исследования стали результаты экспертного опроса работников пенсионной системы в Республике Башкортостан и данные официальной статистики.

Итоги опроса показывают, что в стране негосударственные пенсионные фонды (НПФ) пока слабо участвуют в пенсионном обеспечении граждан по сравнению с Пенсионным фондом РФ (ПФР).

Почти одна треть специалистов пенсионной сферы (31,2 %) считает, что НПФ практически не участвуют в пенсионном обеспечении страны. Большинство респондентов (57,3 %) полагает, что НПФ участвуют в пенсионном обеспечении, но их доля весьма незначительна по сравнению с ПФР. Только 8,8 % экспертов считают, что НПФ — полноценные участники пенсионных отношений наряду с ПФР. При этом только 23,8 % респондентов передали бы свои денежные средства, имеющиеся в ПФР, в какой-либо негосударственный пенсионный фонд, а 73,1 % относятся к этой возможности негативно⁴.

Основным показателем экономической эффективности, характеризующим состояние пенсионного обеспечения, выступает коэффициент замещения, выражающийся как отношение среднего размера пенсии к среднему размеру зарплаты в стране:

$$(k_{зам} = \frac{P_{cp}}{ЗП_{cp}} * 100) ,$$

где P_{cp} — средний размер пенсии, $ЗП_{cp}$ — средний размер зарплаты.

В России за последние годы этот показатель держится на уровне 25—30 %, тогда как, согласно Европейской социальной хартии, подписанной РФ в 2000 г., он должен быть не ниже 50 %, при этом в современных развитых государствах данный показатель составляет 60—80 %⁵.

Для рассмотрения коэффициента замещения в динамике за 2005—2009 гг. государственной и негосударственной пенсии нам необходимы показатели, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Социально-экономические показатели, характеризующие систему пенсионного обеспечения РФ, руб.⁶

Показатель	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Среднемесячная зарплата	8554,9	10633,9	13593,4	17290,0	18795,0
Государственная среднемесячная пенсия	2364,0	2726,1	3115,5	4198,6	5191,1
Негосударственная среднемесячная пенсия	893,8	993,4	1124,1	1290,1	1493,2

Можно рассчитать коэффициент замещения государственной пенсии по годам:

$$k_{зам}(2005) = \frac{2364}{8554,9} * 100 = 27,6;$$

$$k_{зам}(2006) = \frac{2726,1}{10633,9} * 100 = 25,6;$$

$$k_{зам}(2007) = \frac{3115,5}{13593,4} * 100 = 22,9;$$

$$k_{зам}(2008) = \frac{4198,6}{17290} * 100 = 24,3;$$

$$k_{зам}(2009) = \frac{5191,1}{18795} * 100 = 27,6.$$

Кроме того, можно рассчитать коэффициент замещения негосударственной пенсии по годам:

$$k_{зам}(2005) = \frac{893,8}{8554,9} * 100 = 10,5;$$

$$k_{зам}(2006) = \frac{993,4}{10633,9} * 100 = 9,3;$$

$$k_{зам}(2007) = \frac{1124,1}{13593,4} * 100 = 8,3;$$

$$k_{зам}(2008) = \frac{1290,1}{17290} * 100 = 7,5;$$

$$k_{зам}(2009) = \frac{1493,2}{18795} * 100 = 7,9.$$

Как видно из расчетов, коэффициент замещения государственной пенсии в стране пока далек от уровня ведущих зарубежных государств. Он не достигает 30 %. Еще хуже ситуация обстоит с коэффициентом замещения негосударственной пенсии, который «не дотягивает» даже до 10 %. Очевидно, что развитие негосударственного пенсионного обеспечения в России, даже на фоне не слишком оптимального государственного, отличается противоречивостью и малой эффективностью.

Среди экономических критериев эффективности НПФ особое место занимает доходность от инвестирования пенсионных накоплений.

Таблица 2

Доходность от инвестирования пенсионных накоплений в 2005—2009 гг.⁷

Фонд	Доходность, % годовых					Сайт негосударственного пенсионного фонда
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	
НПФ «Промагрофонд»	11,14	18,7	7,88	5,26	14,07	http://www.promagrofond.ru
НПФ «Норильский никель»	8,8	18,00	7,4	0,0	нет данных	http://www.npf.nornik.ru
НПФ Электроэнергетики	13,77	16,64	11,43	0,0	нет данных	http://www.npfe.ru
НПФ «Благосостояние»	18,7	16,00	нет данных	нет данных	23,0	http://www.npfgt.ru
НПФ «Газфонд»	16,35	15,48	3,7	0,0	22,6	http://www.gazfond.ru
НПФ «Лукойл-Гарант»	12,07	15,18	9,53	0,0	21,0	http://www.npflg.ru
НПФ Сберегательного банка	—	—	3,08	нет данных	30,02	http://www.npfsberbanka.ru
Ханты-Мансийский НПФ	16,4	15,10	13,14	0,0	12,5	http://www.hmnpf.ru
НПФ «Ренессанс Жизнь и Пенсии»	—	—	—	—	нет данных	http://www.npf-renlife.ru

Фонд	Доходность, % годовых					Сайт негосударственного пенсионного фонда
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	
НПФ «Дженерали ППФ»	—	—	—	12,0	13,0	http://www.npf.generalippf.ru
НПФ «Большой ПФ»	19,53	20,33	6,4	нет данных	28,3	http://www.bigpension.ru
НПФ «Социальное развитие»	22,6	22,6	9,8	0,0	нет данных	http://www.npfsr.ru
НПФ «РЕГИОН-ФОНД»	—	—	—	нет данных	15,50	http://www.regionfund.ru
НПФ «УГМК-Перспектива»	—	18,5	5,42	-32	47,4	http://www.npfond.ru
НПФ «Промрегион»	—	—	—	нет данных	нет данных	
НПФ «КИТ Финанс»	—	—	—	10,35	17,26	http://www.kitnpf.ru
НПФ «Доверие» (Оренбург)	—	—	—	5,7	27,93	http://www.doverie56.ru
Пенсионный фонд России (УК «Внешэкономбанк»)	8,71	4,7	4,9	-0,46	9,52	http://www.pfrf.ru
Инфляция	10,9	9,0	11,9	13,4	8,8	

По данным таблицы можно рассчитать среднюю доходность основных НПФ за 2009 г., которая будет составлять 22,7 % годовых. При этом доходность ПФР составила только 9,5 % годовых. Доходность НПФ выше на 13,2 %, тогда как инфляция в 2009 г. составила 8,8 %. Таким образом, по этому критерию НПФ свидетельствуют о более эффективной деятельности, нежели ПФР.

Другим важным показателем экономической эффективности является доля негосударственной пенсии в доходах пенсионеров. Доля негосударственной пенсии в последнее время снижается, тогда как размер средней трудовой пенсии постепенно увеличивается. Эта тенденция указывает на снижение роли негосударственных пенсионных фондов в пенсионном обеспечении и повышает роль государственного регулирования данного процесса, что не может не настораживать, так как НПФ должны быть полноценными участниками пенсионного обеспечения наряду с Пенсионным фондом РФ. На самом деле ПФР продолжает удерживать

приоритет в регулировании пенсионного обеспечения, выступая монополистом в этой сфере, а НПФ продолжают играть второстепенную роль, конкурируя в основном между собой.

Снижение масштабов деятельности НПФ приведет к снижению интереса населения к этому институту. Это может привести к прекращению перетока пенсионных накоплений из ПФР в НПФ. Косвенным эффектом такой ситуации станет обострение конкуренции среди фондов, которые будут пытаться удержать клиентскую базу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективность негосударственного пенсионного обеспечения пока оставляет желать лучшего, но потенциал негосударственных пенсионных фондов позволяет говорить о том, что в ближайшем будущем в России сформируется полноценная и эффективная система пенсионного обеспечения, которая будет реализовывать все поставленные перед ней задачи, притом что государство должно обеспечивать стабильность этой сферы путем соответствующего регулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Теория управления / под ред. Ю.В. Васильева, В.Н. Парахиной, Л.И. Ушвицкого. М.: Финансы и статистика, 2007. С. 591.

² См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М.: Омега-Л, 2006. С. 361.

³ См.: Граждан В.Д. Теория управления. М.: Гардарики, 2007. С. 412.

⁴ См.: Ураев Р.Р. Управление пенсионным обеспечением в Российской Федерации. Уфа: Изд-во БашГАУ, 2009. С. 83—84.

⁵ См.: Его же. Проблемы формирования будущей пенсии на современном этапе // Вестн. Башкир. ун-та. 2010. № 1. С. 143.

⁶ Составлено автором по данным Госкомстата РФ. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.12.2010).

⁷ Составлено автором по данным сайта Investfunds. URL: <http://www.investfunds.ru> (дата обращения: 13.01.2011).

Поступила 15.02.11.

Д. А. ЕГОРОВ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В ДЕТСКОМ ДОМЕ

Ключевые слова: факторы социализации, успешность, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, детский дом, институт внешкольного образования и досуга, физическая культура

Key words: socialisation factors, success, children-orphan and children without parental care, orphan asylum, out-of-school and leisure institution, physical culture

В любой стране независимо от уровня ее экономического развития есть социально уязвимые слои населения, имеющие ограниченные социальные, духовные и материальные ресурсы. Дети социально уязвимых групп всегда являлись социальным явлением, неотъемлемым элементом цивилизации, при этом менялись лишь его формы и характер.

По мнению Т. В. Безруковой, в условиях радикальных преобразований российского общества, смены приоритетов нормоценностного регулирования дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, оказались наиболее слабым звеном в социальной структуре общества. Ситуация сегодня такова, что сам факт пребывания такого «особенного» ребенка в детском доме не способствует его успешной социализации. Другими словами, социальная среда сиротского учреждения не обеспечивает необходимые условия для достижения совместимости с ней адаптанта¹.

В связи с этим актуализируются исследования особенностей процесса социализации детей в условиях детского дома, особенно социальной и пространственной изоляции и родительской депривации. Жизнь воспитанников этой

ЕГОРОВ Дмитрий Алексеевич, аспирант кафедры социальной работы и теологии Мурманского государственного технического университета.

категории социально уязвимых детей делится на жизнь в сиротском учреждении и жизнь после его окончания.

Момент прибытия в детский дом является для ребенка стрессогенным фактором, а пребывание там чаще всего воспринимается как социальная и пространственная изоляция. Для поступающих в детский дом детей и подростков характерна нарушенная социализация, имеющая большой набор проявлений: от неумения вести себя за столом и неспособности адаптироваться к незнакомой среде до различных проявлений девиантного поведения. К. Вайт писал: «Они (сироты) отличаются от других детей вследствие большого количества различных стигматизирующих процессов, которые ощущаются им в школе, в отношениях с соседями, с „публичным миром“ социальных служб, очевидно, потому, что они исключены физически и психологически из своих семей»².

Исследования И. В. Дубровиной и А. Г. Рузской показывают, что по окончании государственного учреждения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ожидают еще больше трудностей³. Вместо постоянного контроля и заботы со стороны сотрудников детского дома (воспитателей, учителей, социального педагога и т. д.) выпускник внезапно для себя остается один на один со своими проблемами в самостоятельной жизни. Покидая стены детского дома, он входит в самостоятельную жизнь дезадаптированным. Для российских детей это является важнейшей жизненной проблемой. Неуверенность в себе, низкая самоорганизованность, отсутствие целеустремленности, недостаточное развитие самостоятельности, неадекватная самооценка, неспособность выстроить нормальные взаимоотношения с окружающими, вплоть до полного отсутствия способности к сотрудничеству, — это особенности, которые не позволяют молодому человеку полноценно социализироваться в обществе и жить самостоятельно.

Для минимизации последствий социальной и пространственной изоляции и родительской депривации в детском доме школьного типа используют институт образования (школа) и воспитания (интернат, общежитие). Образование и воспитание также являются факторами, определяющими содержание социализации детей в условиях детского дома. Дети, лишенные родительской опеки, проживают в разновозрастных группах, которые выступают аналогом семьи.

Поскольку среднее образование в большинстве случаев является обязательным, школа при сиротском учреждении представляет собой непререкаемую ступень и элемент социализирующего процесса, которая не только предоставляет детям определенный набор знаний, но и прививает соответствующие возрасту социальные навыки и поведенческие нормы. Дети, отстраненные от школьного образования, в современных условиях не могут сформироваться в полноценных взрослых индивидов. Поскольку социальная роль взрослого предусматривает некоторый стандарт школьного образования, то тот, кто его не имеет, не может претендовать на социальный престиж и достойную карьеру.

Приспособление воспитанника к школьным нормам и требованиям школьного коллектива — процесс противоречивый, так как в известной степени ограничивает и нивелирует личность, подгоняя разнообразие детских личностей под стандарт среднего ученика. Педагогическое воздействие на детей с использованием прямых методов обучения и побуждения в данном случае малоэффективно. Ограниченное преимущественно групповое общение со взрослыми во время учебной деятельности не дает ребенку самостоятельности: строгий режим дня, постоянные указания взрослого, что следует делать в тот или иной момент времени, контроль со стороны воспитателей лишают детей необходимости самостоятельно планировать и контролировать свое поведение. Включение подростка в систему социальных отношений должно послужить отправной точкой повышения мотивации детей на успешность, участие в общественно-полезной и социально значимой деятельности. Поскольку речь идет о ребенке-сироте, воспитываемом в детском сиротском учреждении, то именно здесь должна быть создана развивающая среда, максимально содействующая расширению и углублению его социализации. Образование и воспитание как факторы, определяющие содержание социализации детей в условиях детского дома, нуждаются в разнообразии, новой обстановке и формах социальной жизни.

Согласно наблюдениям И. И. Шевченко, важным дополнительным фактором в социализации и социальной адаптации воспитанников детского дома, мягкого вхождения ребенка в социум выступают институты внешкольного образования и досуга⁴. Внешкольная деятельность подростка 11—15 лет

под руководством квалифицированного специалиста не позволяет все сводить к сугубо воспитательной функции и успешно дополняет традиционные факторы социализации. Дети этого возрастного периода достигли такой стадии психофизиологического развития, при которой на первый план выходит стремление расширить свой социальный опыт, наступает период формирования самооценки, конкретизации требований к самому себе, поиска выхода из конфликтных ситуаций и т. п. Иными словами, наступает время становления системы социальных отношений с окружающими людьми, среди которых наибольшую ценность представляет не слово воспитателя или руководителя, а мнение ровесников, общества и возможность самоутверждения.

В связи с отсутствием некоторых социальных институтов (например, семьи) функция социализации актуализируется в сфере досуга. Об этом позволяют говорить возрастающая роль досуга для молодежи и, как следствие, увеличение влияния его составляющих (видов досуговой деятельности, значимых для молодежи, распространяемых и пропагандируемых через них ценностей, образцов поведения) в процессе социализации молодого поколения.

Музыка, танцы, игры, боевые искусства и др. привлекают воспитанников детского дома своей нерегламентированностью и добровольностью выбора различных форм досуга, демократичностью, эмоциональной окрашенностью, возможностью сочетать внешкольную физическую и интеллектуальную, творческую и созерцательную, производственную и игровую деятельность. Для значительной части детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, социальные институты досуга являются ведущими сферами социальной интеграции и личностной самореализации.

Досуговая деятельность осуществляется на основе системы внешкольного образования с ее разнообразной деятельностью в кружках и объединениях по интересам. Кроме того, в последнее время эффективно реализуются специальные программы по взаимодействию общественных организаций и реабилитационных центров с детскими домами. Сотрудничая с сиротскими учреждениями, общественные организации и реабилитационные центры активизируют разнообразные поиски теоретического и практического характера по внедрению инновационных реабилитационных технологий, использующих

различные виды досуга (например, физкультурной реабилитации, интерактивных технологий и т. д.).

Отметим, что среди наиболее популярных у молодежи видов досуга доминирует физическая культура, которая в силу своей полифункциональности является неотъемлемым компонентом свободного времени и пронизывает все уровни досуга. Этот аспект учитывается во многих общественных организациях при составлении соответствующих реабилитационных программ. Физическая культура как фактор социализации в большей мере, чем другие элементы реабилитационных процессов, — носитель специфических общественных отношений, так как в этой системе, как и в обществе в целом, можно различить агентов социализации, специфические модели поведения и социальные взаимодействия.

Ребенок, находящийся в условиях детского дома, занимаясь физкультурно-реабилитационной деятельностью, общаясь с людьми, имеющими с ним общие интересы, и являясь членом определенной группы и носителем определенной субкультуры, не может избежать влияния принятых в этой группе норм поведения. В этом общении он социализируется и принимает определенные роли через процесс имитации и идентификации. Примером активных и пассивных средств физкультурной реабилитации выступают иппотерапия, танцетерапия, цигун-терапия, реабилитационное ушу, различные виды аутогенной психомышечной тренировки и др.

Большинство общественных организаций и реабилитационных центров рассматривают используемую в различных реабилитационных технологиях физическую культуру как один из наиболее эффективных дополнительных факторов, способствующих успешной социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Примером, подтверждающим эффективность физкультурной реабилитации, может служить деятельность Мурманской областной общественной организации «Перспектива», которая осуществляется посредством различных социальных программ или проектов. Так, был реализован проект «ПРОДВИЖЕНИЕ 2», являющийся комплексом неразрывно связанных между собой серий мероприятий, в ходе которых были созданы группы по реабилитационным видам ушу (тайцзи-цюань) и различным видам танцев (брейк-данс

и т. п.). В середине 2009 г. был дан отчетный концерт в ДК «Кирова» г. Мурманска.

Занятия по подготовке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к выступлению проводились волонтерами, или так называемыми «инструкторами-добровольцами» (лицами, профессионально занимающимися каким-либо видом физической культуры).

Освоение ребенком средств физкультурной реабилитации предполагало его морально-этическое развитие (информационные, мотивационные и деятельностные компоненты процесса социализации), на основе которого осуществлялась соответствующая физкультурная деятельность. В рамках проекта «ПРОДВИЖЕНИЕ 2» также проводилась первичная профилактика наркоманизации, алкализации и девиантного поведения, пропаганда здорового образа жизни через включение воспитанников детских домов в творческий процесс, направленный на развитие детской инициативы, социального творчества и т. п.

Однако приходится констатировать, что все преимущества подобных видов досуга пока не стали достоянием и привычным атрибутом образа жизни воспитанников детских домов.

Поэтому, учитывая кризис и трансформацию ряда выше-названных социальных институтов, мы приходим к выводу, что детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, необходимы дополнительные факторы социализации (например, институты внешкольного образования и досуга), которые в силу своей специфичности обладали бы всеми функциями, присущими отсутствующим в детских домах социальным институтам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Безрукова Т.В. Причины социальной уязвимости детей в регионе // Регионология. 2008. № 3. С. 164—165.

² White K. Children and foster care: inclusion, exclusion and life chances. Children and Social Exclusion. L.: NCVCCO, 1999. P. 73.

³ См.: Малукас Н.В. Проводник в мире взрослых // Социальная работа. 2008. № 3. С. 10.

⁴ Шевченко И.И. Осилит путь идущий // АНО «Детский дом». 2004. № 10. С. 6.

Поступила 10.03.11.

Е. Н. МЕЛЕШИНА

СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЕЩАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ТЕЛЕЭФИРЕ

Ключевые слова: информационный выпуск, новость, телекоммуникация, региональная телекомпания

Key words: news broadcast, news, telecommunication, regional TV-company

Региональные телекомпании Волго-Вятского региона создавались практически в одно время. Так, официально казанская студия телевидения открылась в ноябре 1959 г., однако пробные телепередачи в Казани можно было видеть за несколько месяцев до этого. Их вели из «малой студии» строящегося телецентра. А тремя годами ранее регулярные передачи велись из радиоклуба при городском комитете ДОСААФ. 27 февраля 1955 г. прошла первая трансляция — фильм «Большой вальс», а 8 марта в эфир с объявлением передач вышла Валентина Козина. «Малый телецентр» работал в ежедневном режиме по 30 минут, его программы представляли практически все жанры, до сих пор существующие на ТВ.

В 1956 г. Министерство связи РСФСР издает приказ о проектировании и строительстве в Пензе телецентра. Годом позже в г. Каменка был открыт малый телевизионный центр с собственной студией. Радиус действия составлял всего 10 км. Первоначальный штат сотрудников состоял из 26 чел. Им выделили под студию помещение, расположенное в подсобке под временной телевизионной башней. Историческое событие произошло 14 октября 1958 г.: государственная комиссия приняла пензенский телецентр в эксплуатацию, а на следующий день в эфир вышла первая 30-минутная оригинальная программа пензенской студии телевидения.

МЕЛЕШИНА Елена Николаевна, соискатель кафедры современной журналистики и общественного мнения Мордовского государственного университета.

16 октября 1961 г. государственная комиссия приняла в эксплуатацию первую очередь аппаратно-студийного комплекса телецентра в Чувашии. В этот же день там состоялся первый выход в прямой эфир. Показали выпуск новостей на чувашском и русском языках. Потом прозвучал фельетон: диктор читал текст, ассистент менял перед камерой рисунки художника-карикатуриста. Телевизионный вечер завершился показом документального фильма «Кочубей». В 1967 г. появилась возможность прямой трансляции. Первая передача была из зала Чувашского академического драматического театра им. К. В. Иванова.

В Саранске любительский телевизионный центр был введен в эксплуатацию в 1956 г. Он обслуживал около двухсот телевизоров и проработал более пяти лет. В 1961 г. было завершено строительство типового ретранслятора с регулярными телевизионными передачами. Первые выпуски новостей на телевидении Мордовии были отражением современной реальности и исторической реконструкцией, воссозданием материальной и духовной культуры региона, наглядной демонстрацией особенностей процесса мышления прошлых лет.

Пропаганда решений партии и правительства, коммунистическое воспитание трудящихся, всестороннее освещение вопросов всенародного социалистического соревнования были главными темами регионального телевидения. Так, в Мордовии регулярно выходили в эфир цикловые телепрограммы «Коммунист и время», «Рабочий человек», «Наша марка», «Земля родная». Наряду с передачами с ярко выраженным политическим контекстом выходили в эфир молодежные программы «Ритм», «У нас, молодых...», «Встречи для вас», «Искорка», «Внимание, на старт!», «Ровесники, ровесницы...» и др. Значительный объем местного телевизионного вещания составляли литературно-драматические и музыкальные передачи «Литература и жизнь», «Искусство», «Народное творчество», а также спектакли и концерты в исполнении профессиональных и самодеятельных творческих коллективов республики. В. В. Егоров подчеркивает, что развитие телевидения происходило в тесной связи с общественной жизнью: закономерности, последовательность решаемых в стране социальных, культурных и иных задач во многом определяли тематику, характер, стилистику телевизионных передач¹.

Телевидение Чувашии, Пензенской области, Татарстана, Мордовии к концу XX в. представляло собой мощный информационный комплекс со своими студиями, монтажными цехами, редакциями. В свет выходили десятки информационных, общественно-политических, художественных, образовательных, культурных программ. Миллионы людей ежедневно ждали от региональных телекомпаний новостей о жизни своего региона.

31 июля 2000 г. на канале «Россия» была введена новая сетка совместного вещания. По будням в эфир стали выходить 7 выпусков региональных новостей. 5 февраля 2001 г. для всех информационных выпусков местного государственного телевидения было введено общее название в зависимости от названия региона: «Вести-Пенза», «Вести-Чувашия» или «Вести-Мордовия». 11 августа 2003 г. произошел переход телевидения на информационное вещание. По будням стали выходить в эфир до 12 выпусков программы «Вести-регион». Следует отметить, что местные телекомпании русскоязычных редакций стали похожи на клоны. Национальные редакции получили некоторую автономию по формату вещания в виде часовых отрезков эфира по будням для тематических программ, подверженных менее жесткому контролю.

Телевидение является одним из наиболее привычных для большинства людей видом телекоммуникации. С введением цифрового формата вещания телевидение получило улучшенное качество передаваемого сигнала и более широкий спектр доступных даже для сельских жителей каналов и программ. Создалось большое конкурентное поле, на котором главным аргументом в борьбе за внимание зрителя стали качественные характеристики работы творческих коллективов телекомпаний.

С 2002 г. в Мордовии работает два телевизионных канала (ГТРК «Мордовия» и ТК «ТелеСеть Мордовии» (10 канал)), а с 2007 г. — три («5 канал»). Однако еще в 2005 г. жители районов Мордовии в отличие от жителей Саранска получали новости о жизни региона только из программы «Вести-Мордовия» или новостных выпусков национальной редакции ГТРК «Мордовия». Горожане же могли выбирать между информационным продуктом государственной телекомпании и коммерческой ТК «ТелеСеть Мордовии» (10 канал). Ее

формат — общественно-экономические, политические, социальные, культурные и спортивные новости в оригинальной, часто авторской, подаче репортера. На начальном этапе вещание этой телекомпании было доступно только в черте города, в муниципальных районах же принимался сигнал практически только двух федеральных программ. В 2008 г. охват цифровизации в регионе стал всеобщим, монополизм ГТРК в информационном вещании прекратился.

Региональное телевидение занимает достойное место в системе телевидения страны. В информационных программах федеральных телеканалов недостаточно широко освещаются проблемы регионов. Информация, отражающая региональную проблематику, является недостаточно полной в рамках федеральных новостей. Новости, посвященные регионам, обычно выходят в информационном выпуске третьим-девятым сюжетом, кроме случаев чрезвычайных происшествий, катастроф общероссийского (общемирового) масштаба.

Региональные программы восполняют недостаток информации на федеральных телеканалах о событиях, происходящих в регионах России. Как правило, только из региональных выпусков жители страны могут узнать информацию, наиболее интересующую их. Это оценка работы местной власти, уровень жизни населения региона и перспективы его развития. «Особенность функционирования социальной информации такова, что общегосударственное человек воспринимает через призму местного, через факты повседневности. И в этом смысле местное телевидение обладает уникальной возможностью вести информационно-пропагандистскую работу в условиях максимальной приближенности к потребностям и ориентациям человека, в контексте его производственных и межличностных отношений»². Региональное телевидение является активным участником всех событий местного масштаба, оно информирует своего зрителя о том, что выходит за рамки возможностей и интересов центральных каналов. Однако это не подразумевает безграничное доверие этим СМИ со стороны аудитории. Наоборот, вместе с популярностью растут и требования зрителей к качеству работы местного телевидения. Это обуславливает необходимость самосовершенствования самих журналистов, поиск наиболее актуальных тем и способов их подачи зрителю.

Понятием «документальные программы», принятым на телевидении как синоним журналистики, нередко объединяют информационные и художественно-публицистические передачи. Но все же более оправдано разделение журналистики на информацию (ее объект — единичный факт, конкретное событие, а метод — констатация свершившегося) и публицистику (ее объектами являются группа причинно-связанных фактов и тенденции в жизни общества, а методом — исследование, анализ и авторская оценка). Информация призвана отвечать на вопросы «Что?», «Когда?», «Где?». Сегодня информационный формат выявляет причинно-следственные связи между фактами и дает им социально-политическую оценку, отвечая на вопросы «Как?», «Почему?», «С какой целью?». Именно таково направление информационной деятельности государственного ТВ Мордовии.

При постоянном стремлении журналистов информационных программ вместить в полтора-двуминутный сюжет аналитику все же основной задачей материала такого формата является констатация факта, сообщение новости. «Новость — оперативное информационное сообщение, которое представляет политический, социальный или экономический интерес у аудитории своей свежестью, то есть сообщением о событиях произошедших недавно или происходящих в данный момент»³. Информационные новостные программы — «регулярное сообщение текущих событий, состоящее из 8—14, иногда до 20 эпизодов („сюжетов“). Набор новостей универсален — от политики до погоды, включает все имеющее прикладное, ориентирующее значение для любого зрителя-слушателя»⁴.

Когда информационные редакции формируют основу деятельности региональных телеканалов, они, как правило, стремятся использовать максимальное число сотрудников телекомпании. Это связано со спецификой их работы, заключающейся в сборе и обработке материала, максимальном охвате событий и происшествий в регионе. Жесткое распределение обязанностей, планирование эфира, быстрое реагирование на события и способность репортеров и операторов быстро сориентироваться в любой ситуации являются слагаемыми успеха деятельности информационных служб.

В 1990-е гг. построение новостных программ существенно изменилось. Если ранее сценарий выпуска был ограничен

схемой «политика — экономика — культура — спорт», то современное информационное телевидение делает упор на сенсационность информации, часто нарушает последовательность событий. Современное развитие информационных программ на региональном телевидении — процесс, «открытый в будущее, незавершенный»⁵, хотя и планируемый, но чаще он стихийный.

Следует констатировать, что за последние годы усовершенствовались структура и содержание новостей, изменился характер подачи материалов и расположения сюжетов в зависимости от актуальности темы и значимости какого-либо события для местного зрителя. От принципа сообщать обо всем постепенно тележурналисты перешли к отбору информации для конкретных зрителей региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Егоров В.В. Телевидение: страницы истории. М.: Аспект-Пресс, 2004. 102 с.

² Дугин Е.Я. Местное телевидение: типология, факторы и условия формирования программ. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 83.

³ Пояснения к заполнению бланка «Программная концепция вещания». URL: <http://www.medialaw.ru/publications/books/wb-lic/2/6.html> (дата обращения: 04.10.2010).

⁴ Там же.

⁵ См.: Вильчек В.М. Под знаком ТВ. М.: Искусство, 1987. С. 5.

Поступила 12.11.10.

О. Р. МУХАЕВ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: социальная реклама, социальные ценности, средства массовой информации, социум, регион, фестиваль, региональное телевидение

Key words: social advertisement, social valuables, mass media, socium, region, festival, regional television

Современное российское общество находится в процессе активной трансформации и поэтому особенно нуждается в социальном оздоровлении. «Социальное нездоровье» определяется многими признаками: ростом преступности, экономическим неблагополучием многих регионов, социальной апатией, потерей веры в будущее, неблагополучием семьи, увеличением количества разводов и числа детей-сирот, ростом наркомании и др.

Существенным потенциалом устранения причин социального нездоровья страны обладает социальная реклама, в значительной степени формирующая ценностные ориентации общества и транслирующая идеи, социальные настроения, стереотипы поведения. Сверхзадачей этой коммуникации является вовлечение членов общества в решение социальных проблем. Как вид рекламной деятельности социальная реклама в России существует всего около двадцати лет, в то время как в США — приблизительно сто лет.

В советскую эпоху существовал и оказывал огромное влияние на население некий «гибрид» социальной рекламы и пропаганды. Но, несмотря на всю неоднозначность оценок существовавшей в стране идеологии, нельзя не признать, что Советский Союз весьма успешно справлялся с задачей идейной консолидации населения и формирования желаемого общественного мышления. С распадом СССР единое информационное пространство страны прекратило свое существование.

МУХАЕВ Олег Ринатович, аспирант кафедры дизайна и рекламы Мордовского государственного университета.

Старые ценности довольно быстро утратились, а новые не были еще приобретены. Именно в тот момент, когда социально-экономические преобразования в стране привели к радикальным переменам в жизнедеятельности общества и кардинальной трансформации системы социальных связей, когда разрушение традиций повлекло за собой разрушение моральных норм и национальной культуры, именно в тот момент и стали появляться многочисленные социальные проблемы. Наиболее очевидными оказались распространенные среди населения состояние повышенной тревожности, страха и неуверенности в завтрашнем дне, беспокойство за свою судьбу и судьбу своих близких, социальная незащищенность граждан и др. Одним из инструментов решения ряда социальных проблем и снижения социальной напряженности выступила именно социальная реклама.

Понятие «социальная реклама» не имеет однозначного толкования в научной и публицистической литературе, а также в нормативных документах. Отметим также, что термин «социальная реклама» используется только в России. Во всем мире ему соответствуют понятия «некоммерческая реклама» и «общественная реклама». Кроме того, в последнее время среди российских практиков и теоретиков в области социальной рекламы продолжают дебатов по поводу разграничения понятий «государственная» и «социальная реклама».

Анализируя процесс разработки и реализации социально значимых рекламных кампаний в России, можно сделать вывод, что у разработчиков нет четкого представления о механизмах работы этого вида рекламы, не прогнозируются результаты влияния на общество тех или иных сообщений. При всем том социальная реклама до сих пор не стала объектом заинтересованного и обеспеченного в социальном, организационном и правовом отношении внимания со стороны государственных структур. Следует отметить также отсутствие научных исследований, направленных на формулировку предложений по возможному выходу из кризиса.

Следует выделить несколько основных проблем отечественной социальной рекламы: отсутствие должной законодательной базы; неточность в базовых терминах и критериях оценки; отсутствие органа, занимающегося контролем и организацией социальных рекламных кампаний;

неупорядоченность системы производства, распределения и распространения; отсутствие санкций за отказ от размещения социальной рекламы и поощрения за активное распространение эффективной социальной рекламы; хаотичность и низкобюджетность проводимых кампаний; использование социальной рекламы в коммерческих и политических целях.

На наш взгляд, существуют некоторые объективные причины того, почему социальная реклама в России развивается медленно и малоэффективна. Кроме упомянутого выше временного аспекта функционирования социальной рекламы в стране, следует отметить и другой негативный факт: ст. 18 Федерального закона «О рекламе» обязала СМИ и других рекламодателей осуществлять размещение социальной рекламы «в пределах пяти процентов эфирного времени (основной печатной площади) в год»¹, а рекламопроизводители обязаны производить ее в таких же объемах. Иными словами, социальная реклама является не чем иным, как «обязаловкой». В результате количество социальной рекламы в России ниже установленной законом нормы. Как следствие, рекламопроизводители хотят увеличить лишь количественные показатели, не стремясь увеличить при этом объемы собственных финансовых средств, затрачиваемых на производство социальной рекламы. В итоге неизбежно страдает качество рекламной продукции, что и обуславливает ее невысокую эффективность.

Становление рекламы в Республике Мордовия началось с «завоевания» позиций в медиaprостранстве. Еще пять лет назад в регионе почти не было рекламистов-профессионалов, а индивидуальные предприниматели, у которых даже не было производственной базы, стремились занять пока еще свободную нишу в рекламной индустрии. Никого не интересовало, как делать рекламу. В Саранске, небольшом по российским меркам городе, появилось большое количество рекламных агентств (в 2008 г. в местном справочном издании «Фолиант» их было более двух десятков). Почти во всех учреждениях, газетах есть отделы, занимающиеся рекламой. Однако качество рекламы оставляет желать лучшего, не считая того, что дефицит квалифицированных кадров уже позади. Только кафедра дизайна и рекламы Мордовского государственного университета подготовила более 200 выпускников, «влившихся» в рекламный рынок республики.

Теоретически крепко «подкованные», воспитанные креативно мыслящими рекламисты, будучи студентами, вынашивали свои идеи, обсуждали их с однокурсниками и преподавателями перед тем, как представить в виде собственного рекламного продукта. Получив диплом и став профессиональными рекламистами, на практике они столкнулись с полным равнодушием рекламодателей и рекламопроизводителей. Главным теперь в их работе является стремление как можно больше сделать рекламы, заполнить до максимума отведенную площадь (или время). Рекламным агентствам региона нужен объем, а не результат.

Рекламная информация, с одной стороны, зеркально отражает бытие конкретного (в нашем случае — регионального) социума, с другой — направляет и подталкивает его развитие. Поскольку в условиях рынка газета становится предприятием, то и реклама в печатных изданиях Мордовии получила весьма широкое распространение, уступая по объему затрат лишь рекламе на телевидении. Качество воспроизведения рекламных оригиналов в газете невысокое, следовательно, размещенные на полосах рекламные объявления также мало привлекательны. Что касается социальной рекламы, то она отсутствует в печатных изданиях Мордовии. Этот вид рекламы никого не интересует, так как в ней нет моментальной прибыли.

На качественную рекламу не хватает (возможно, не считается нужным) достаточной суммы денег, чтобы оплатить хорошую идею, качественную работу дизайнера, рекламиста. Поэтому жители республики часто довольствуются большими красными буквами на черном фоне. Главное, читабельно и видно издали!

Иногда встречаются бизнесмены, готовые вложить деньги в рекламу, но заказчик не воспринимает работника рекламного агентства (отдела) как специалиста. Он платит и, следовательно, лучше знает, какой должна быть его реклама.

Не менее тревожной тенденцией является вытеснение с рекламного рынка местных производителей: качественную рекламу делают в других регионах, а в Мордовии (например, на местном ТВ) ее лишь адаптируют. Из года в год система регионального размещения рекламы претерпевает изменения в сторону упрощения, прозрачности, и для многих рекламодателей центральных регионов эти факторы стали

весьма привлекательными. Другими преимуществами размещения рекламы в регионах являются ее низкая стоимость, ценовая гибкость, географическая точность, возможность выбора интенсивности и стратегии рекламной кампании в каждом отдельном городе, оперативность и гибкость в управлении кампанией. При этом некоторые рекламные каналы обладают набором собственных преимуществ. Так, местные телеканалы затрагивают актуальные проблемы родного города, жители относятся к ним с большим доверием, так как им необходима оперативная информация о том, что происходит на их улице, в их районе. Такое точечное взаимодействие с целевой аудиторией позволяет расположить ее к себе, регулировать позиции отдельных брендов в каждом отдельном городе, оптимизируя затраты на рекламу. Поэтому наиболее распространенными видами телерекламы на местных каналах сегодня являются небольшие по объему (времени) видеобъявления, видеотропки, видеозаставки, видеоролики. Так, социальную рекламу в Мордовии распространяют лишь аудиовизуальные СМИ, которые в значительной степени зависят от государственных республиканских структур. Социальные программы (проекты) существуют, но о них жителей республики не информируют. Социальные кампании выражаются лишь в проведении «разовых» акций, не подкрепленных серьезной государственной поддержкой. Медиапланирования в сфере социальной рекламы не существует: на телевидении ее размещают, как правило, в так называемые «эфирные дыры», в прайм-тайм идет только коммерческая реклама.

Специалисты по рекламе местных СМИ совместно с Управлением Госавтоинспекции МВД по Республике Мордовия, Управлением Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Республике Мордовия и Министерством РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по РМ предпринимают первые попытки обращения к этому виду рекламы, но они пока носят временный и хаотичный характер.

Важнейший элемент рекламного рынка — маркетинговые исследования. Поэтому для выявления особенностей регионального восприятия социальной рекламы нами в 2010 г. был проведен анкетный опрос среди 500 чел. в возрасте

от 16 до 65 лет, проживающих в г. Саранске и районных центрах РМ. Результаты опроса показали, что большинство опрошенных (77 %) знает, что такое социальная реклама (в 2007 г. — 58 %), а 75 % относятся к ней положительно.

Социальную рекламу на улицах г. Саранска и в районах Мордовии видели 74 % (на телевидении, баннерах, в общественном транспорте или в виде листовок на столбах в районных центрах), остальные просто на нее «не обращали внимание» (26 %). Большинство респондентов (85 %) убеждено, что социальной рекламы на телевидении должно быть как можно больше и для нее следует увеличить эфирное время.

Наиболее подходящее время для показа социальной рекламы на телевидении 70 % опрошиваемых указали «вечер» (в это время у телевизоров располагается самая большая аудитория). Социальная реклама обращает на себя внимание зрителей, но ее качество оценивается ими как «среднее» (72 %) и «низкое» (15 %). Причем зритель оценивает в социальной рекламе и сюжет, и художественное наполнение, и актуальность.

На вопрос «Может ли социальная реклама изменить отношение к жизни?» положительно ответили 42 %, отрицательно — 23 %, затруднился ответить 31 %. По мнению 52 % опрошенных, средствами социальной рекламы можно воспитывать и обучать.

Выделяя наиболее важные темы социальной рекламы, респонденты основной проблемой в современном обществе назвали наркотики, алкоголь и курение. На втором месте стоит пропаганда здорового образа жизни, на третьем — семейные ценности. Остальные темы одинаково важны для всех, но менее актуальны.

Таким образом, значимость и необходимость социальной рекламы никем не ставится под сомнение. Наоборот, они уверены в ее полезности. Однако дальнейшая ее трансформация в эффективный механизм регуляции общества требует значительных усилий по выведению этого вида рекламы в регионе на качественно новый уровень. Это преодоление общего, безадресного характера многих рекламных обращений, ориентация на позитивное гуманистическое понимание человека, поиски пути выхода из порочного круга проблем, а также четкая дифференциация социальной, коммерческой,

политической рекламы и использование интерактивных коммуникационных технологий.

Для измерения эффективности социальной рекламы требуется время, иногда длиной в целое поколение. Получается, что масштабные социальные программы следует внедрять как можно раньше, уделяя при этом больше внимания рекламе традиционных социальных ценностей. Социальная реклама в Мордовии может выйти на первый план рекламного пространства и стать самостоятельным видом коммуникации. Примером тому может служить фестивальное движение в республике как одна из наиболее активно развивающихся областей обучения социальной рекламе.

Идея создания молодежного фестиваля социальной рекламы «Гвоздь» принадлежит преподавателям и студентам кафедры дизайна и рекламы Мордовского государственного университета. Фестиваль был задуман как практический проект для студентов университета. В 2006 г. прошел I Внутривузовский фестиваль социальной рекламы, а в 2007 г. благодаря поддержке администрации Главы Республики Мордовия, МЧС России по РМ, Мордовского республиканского отделения добровольного пожарного общества (ВДПО), Управления Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков по РМ, Управления Госавтоинспекции МВД по РМ, а также рекламных агентств г. Саранска «РеклаМир», «Ростр» конкурс вышел на межрегиональный уровень и принял у себя участников из Нижнего Новгорода, Пензы, Ульяновска и Казани. Более 200 работ, поступивших на фестиваль, а также интерес, проявленный к проекту со стороны студенческой молодежи ближайших регионов, общественных организаций и правительственных структур, убедили организаторов в необходимости и дальше развивать проект. Так, «Гвоздь» стал ежегодным и ожидаемым событием в молодежной среде не только республики, но и Приволжского федерального округа. В 2010 г. он стал всероссийским.

Его символ «Завязанный в узел гвоздь» означает возможность выйти за рамки привычного и увидеть необычное в обычном. Его причудливая форма представляет узел творчества. В то же время «Гвоздь» — это своего рода оружие, призванное «пригвоздить» пороки современного общества. Поэтому основными задачами фестиваля являются привле-

чение внимания общественности и органов государственной власти к решению злободневных проблем средствами социальной рекламы; развитие и укрепление сотрудничества между органами государственного самоуправления и некоммерческими организациями, бизнес-сектором и СМИ в решении социальных проблем; повышение интереса творческой молодежи к деятельности в сфере государственной и социальной рекламы; создание творческой атмосферы, способствующей рождению оригинальных проектов.

Фестиваль проходит под лозунгом «Все под силу!». В его программе предусмотрены мастер-классы профессионалов рекламной деятельности, демонстрация роликов мировых фестивалей социальной рекламы, работа альтернативного студенческого жюри, а также тематические выставки, где происходит непосредственное общение начинающих рекламистов и «мэтров» от рекламы, и просмотр конкурсных работ. Номинациями фестиваля являются видеореклама, аудиореклама, наружная реклама, печатная реклама. Тематика конкурсных работ самая разнообразная: проблемы молодежи, безопасность жизнедеятельности, семья в современном мире, экологические проблемы, сохранение национальной культуры.

Как показала практика, такие фестивали способны объединить людей, довести до них проблемные вопросы, выработать совместные мероприятия. Следует также отметить, что степень такой трансляции информации весьма эффективна: городской транспорт «украшают» листовки, на баннерах в центре города представлены лучшие работы конкурсантов, служба МЧС приглашает призеров на всероссийские конкурсы, а лучшие работы номинантов бесплатно транслируются на местном телевидении. И если хотя бы небольшая часть людей прислушается к воззваниям неравнодушной к социальным проблемам общества студенческой молодежи и сделает необходимые выводы, то можно с большой степенью уверенности утверждать, что цель фестиваля достигнута.

Существует много причин, заставляющих рекламу в регионе быть социально-ответственной. В связи с этим следует отметить ее активное внедрение в социальную среду, так как сегодня быстро растет уровень коммерциализации любой информации. При этом морально-этическая и культурная составляющие информационного потока, обрушивающегося на население, формируют его миропонимание, культуру,

установки и нормы поведения, отношения с государством и обществом. Нам представляется необходимой разработка программы, основным содержанием которой должно стать создание благоприятных условий для производства социальной рекламы и ответственности субъектов, ее производящих.

Сегодня о социальной рекламе как о серьезном, продуманном явлении говорить преждевременно. Можно лишь с уверенностью сказать, что положение социальной рекламы в регионах радикально изменится тогда, когда рекламодатели осознают, что именно они в первую очередь в ней заинтересованы как гаранте долгосрочного успеха их бизнеса. Отсюда естественным станет контроль за созданием, размещением социальной рекламы со стороны государства и общественных организаций. Возможно, разумно было бы предусмотреть особые налоговые льготы, выделить на государственных и региональных каналах квоту эфира размещения социальных роликов (или сообщений). Таким образом, для развития социальной рекламы и увеличения ее эффективности необходимо создать поле деятельности, которое благоприятствовало бы этому развитию.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Федеральный закон «О рекламе» (с изменениями и дополнениями на 1 мая 2005 г.). М.: Эксмо, 2005. С. 19.

Поступила 20.12.10.

А. Р. ШАРИПОВ

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: ассимиляция, глобализация, конфессии, иудаизм, христианство, ислам, толерантность, национальное, идентичность

Key words: assimilation, globalisation, confessions, Judaism, Christianity, Islam, tolerance, the national, identity

Современный мир демонстрирует столкновение геополитических интересов различных стран и наций. Эти столкновения в отличие от XX в. станут временем, где на первый план, на наш взгляд, будут выходить конфессиональные различия. Современный мир характеризуется сближением политических, социальных, геополитических, экономических и других идеологий. Осталось незначительное количество стран, которые могут считаться мононациональными и моноконфессиональными.

В этом контексте несомненный интерес представляет анализ морально-этических норм и религиозных предписаний ислама, регулирующих духовную и социальную жизнь мусульманского общества. В VII—VIII вв. развитие мусульманского общества, с одной стороны, протекало по собственным законам, с другой — ощущало влияние внешних факторов, особенно со стороны завоеванных народов. Изначально ислам не был институционально структурирован, отсутствовала единая религиозная организация (церковь), и эта особенность ислама во многом сопоставима с иудаизмом. Поэтому народы регионов, где распространился ислам, привнесли в него свои религиозно-этические, моральные и правовые нормы, обычаи и культурные традиции разных регионов. В результате, с одной стороны, ислам вобрал в

ШАРИПОВ Азамат Ражапович, доцент кафедры теории и истории социологии Башкирского государственного университета, кандидат философских наук.

себя специфику регионов, с другой — был принят этими регионами. «Как и всякая религия, ислам претендует на полноту владения истиной последнего завета, но терпимо относится к людям писания, т. е. к христианам и до недавнего времени к иудеям»¹.

Ислам, как и христианство, во многих случаях распространялся огнем и мечом. Это завоевания Арабского халифата, а также период активной экспансии Османской империи, особенно в Европе. Успешному распространению ислама в немалой степени способствовало обучение местных кадров, но при этом в большинстве регионов официальным языком богослужения остается арабский, за исключением Турции, Ирана и других стран. В итоге ислам был принят не столько внешне, сколько внутренне, т. е. осознанно, а на территории современной России — преимущественно в форме суфийской идеологии. В целом исповедующие ислам идеи единства и глобальности не достигли. В разных странах (а зачастую на территории одной страны) существуют соперничающие направления, их история порой отмечена противостояниями и столкновениями (например, арабы-сунниты и арабы-шииты в Ираке, ваххабизм в Саудовской Аравии), причем порой эти ветви отрицают права других называться мусульманами. Таким образом, исламский мир далеко не един, в нем представлены различные религиозные, идеологические взгляды. Это можно рассматривать как локализацию, что, однако, не сделало ислам единой глобальной религией, но это была попытка глобального распространения (глобализации). Как отмечает С. М. Прозоров, «сращивание „нормативного” ислама с местным духовным субстратом разных культур привело к сложению региональных форм его бытования»².

История становления и развития ислама свидетельствует о том, что в разных регионах своего распространения он имел специфические локальные черты, в силу того что в этой конфессии изначально отсутствовало единообразие. Показательно, что уже на начальном этапе происходит раскол, появляются два основных направления ислама — суннитское и шиитское. Особенно это ярко проявилось в историческом противостоянии между арабами-суннитами и персами-шиитами. Это национальное противостояние сказалось на выборе конфессиональной принадлежности. Данная ситуация лежит в основе появления и попыток распространения вах-

хабизма — радикального исламского течения, отрицающего традиционный ислам. Радикальная трактовка ислама вовсе не нова. Еще М. Вебер определял ислам как религию воинов. Конечно, такое отношение к исламу объясняется его распространением в эпоху Арабского халифата и Османской империи. Сегодня такое понимание ислама объясняется вовлечением в радикальные течения молодых людей, зачастую малограмотных. Основными факторами, способствующими их вовлечению, конечно, являются тяжелое экономическое положение и плохие условия жизни населения (Палестина, Афганистан, регионы Средней Азии). Повышение религиозного, образовательного и экономического уровней снижает численность экстремистки настроенного населения. Это характерно для всех регионов планеты и конфессий.

Что касается Российской Федерации, то история взаимодействия трех авраамических конфессий (иудаизм, восточное христианство, т. е. православие и ислам) включает в себя различные периоды. Так, в период существования Российской империи главенствующую роль традиционно играла Русская православная церковь (РПЦ). Другие конфессии (иудаизм, ислам, буддизм) находились в положении религиозных воззрений колонизированных народов империи. В это время при проведении политики ассимиляции народов Российской империи существовала дискриминация народов (этносов) на религиозной почве. В качестве примера можно рассмотреть Башкортостан, на территории которого в XVII—XVIII вв. много раз вспыхивали восстания народов против насильственного насаждения православия взамен ислама.

В советский период ситуация резко изменилась. В связи с атеистическим характером СССР РПЦ утратила влияние и наравне с другими конфессиями была отделена от государства. Атеизм стал идеологией, устранившей конкурентов в строительстве коммунистического «рая» на земле. Эта идеология не выдержала проверки временем. Коммунизм, несмотря на отдельные успехи, не получил глобального распространения в качестве идеологии. Вполне понятно стремление современной государственной власти России заполнить образовавшийся идеологический вакуум путем возрождения и поддержки традиционных для России конфессий. Это можно рассматривать как благо, вернее, меньшее из двух зол. Человек в процессе своей жизнедеятельности должен

во что-то верить. Но в условиях современной многонациональной России это может привести к разобщению граждан, если вновь повторится дискриминация конфессий и верующих. Государство, согласно Конституции РФ, обязано обеспечивать равные условия для всех граждан, регулировать межконфессиональное взаимодействие так, чтобы оно не привело к размежеванию населения страны.

Опасность как тотально контролируемого, так и бесконтрольного конфессионального развития заключается в том, что возрождается один из мощных маркеров, который, с одной стороны, объединяет, а с другой — разъединяет людей. Для России характерно наличие толерантных отношений и интеграционных процессов в сфере духовных ценностей, быта, элементов культуры. В то же время огромная территория предполагает региональную специфику и слабые межрегиональные связи.

В современной России позиция светской и конфессиональной власти демонстрирует ее ориентацию на добрососедское сосуществование традиционных и других конфессий. Это наиболее оптимальный путь развития межконфессионального и межнационального взаимодействия, основой которого является равенство, свобода совести, гарантированная Конституцией РФ. Так, согласно ст. 14, «1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом»³.

Особое место в процессе глобального распространения религиозного мировоззрения занимает протестантизм, возникший в качестве оппозиции католицизму. Протестантизм представляет собой локализацию на территории ряда стран Европы. По замечанию М. Вебера, это принципиально новый взгляд на место человека в мире, его взаимоотношение с Богом. «Лютеранство и кальвинизм, по мнению Вебера, оказались наиболее яркими учениями реформации с точки зрения появления нового мировоззрения и новых мотиваций в поведении широких масс. Кальвинизм своеобразно интерпретировал Евангелие, выделив в нем, прежде всего, учение о предопределенности индивидуума еще до рождения»⁴.

Подтверждал противоречивость конфессиональной и национальной идентификации в судьбе народов З. Фрейд:

«Столь же мало препятствовало большим и малым христианским государствам эпохи Ренессанса общее чувство принадлежности к христианскому миру, которое было тогда достаточно сильным, — добиваться помощи султана в войнах друг с другом. Такого рода идея, наделенная способностью объединять под одной властью, отсутствует и в наше время. Слишком очевидно, что национальные идеалы, господствующие у разных народов, влекут их в прямо противоположном направлении»⁵. Из этого следует, что единая религиозная принадлежность не может избавить от противоречий и создания унифицированного образа жизни.

Глобальное распространение мировых конфессий лишь формально создало единое глобальное пространство, однако между общинами людей всегда возникают экономические и социальные противоречия, которые не устраняются единой религиозной принадлежностью. При этом в современном мире активизируют свою деятельность традиционные христианские конфессии различной направленности: католические, протестантские. Реформируется даже буддизм. Этот процесс подробно описан учеными разных стран⁶.

В настоящее время религия не утрачивает своего значения во всех сферах жизни общества, особенно в политической. Конфликты, возникающие в различных частях планеты, зачастую «подпитываются» конфессиональными различиями (Северная Ирландия, Ливан, бывшая Югославия, Израиль, Ирак, Судан).

Особое значение имеет конфессиональный фактор после ухода в прошлое противоположно ориентированных социально-идеологических систем, т. е. распада «Восточного блока». В этом контексте конфессиональные противоречия будут лишь более острыми, особенно из-за современного переселения народов, реверсной миграции, т. е. притока в метрополии населения бывших колоний. Все чаще возникают противоречия в странах Европы, где увеличивается численность населения, исповедующего ислам. В частности, обсуждался конфликт, связанный с планами турецкой мусульманской общины г. Кельна, о строительстве большой соборной мечети. Это вызвало недовольство немецкого населения, в итоге был найден компромисс: мечеть будет построена, но меньших размеров.

Проживание представителей различных конфессиональных групп в рамках одной страны, одного города может характеризоваться толерантностью, но чаще появляется ксенофобия, происходит отчуждение, возникает конфликт. В связи с этим весьма значимой становится регулирующая роль государства.

Исследователи процессов глобализации утверждают, что «буддизм и индуизм приняли вид, похожий на современный, за три века до Рождества Христова, тогда как ислам охватил свои главные регионы к 700 г. н. э. В течение этого тысячелетия основными действующими лицами религиозной экспансии были церковные иерархии. Иногда они действовали в союзе с господствующими сословиями и политическими и экономическими элитами, в другое время — использовали внутренние и внешние возможности, предоставляемые государством. Способность этих религий вмещаться и определять собою течение повседневной жизни с ее обыденным представлением усиливалась благодаря как теологическим, так и технологическим инновациям. Буддизм и индуизм, оставаясь в пределах Южной и Восточной Азии, создали теологические концепции, достаточно сложные и достаточно гибкие для того, чтобы они могли привлечь к себе сторонников в других культурах и лингвистических группах. Монотеизм, хотя он и был создан иудаизмом, преумножил свою власть и способность к распространению благодаря христианству и исламу, в которых соединились уникальный моральный кодекс и идея спасения, потенциально возможного для всех. Ислам получил распространение в различных регионах еще в VIII в., где он сохраняется и до сих пор, хотя во многих местах число его приверженцев невелико. Христианству, чтобы стать мировой религией, пришлось ждать военной и колониальной экспансии Европы в XVI и XVII вв.»⁷.

Появление и распространение христианства и ислама — это не просто распространение монотеизма как такового, а распространение авраамического монотеизма, так как последний же существовал у некоторых других народов, например, бог Тэнгри был у монгольских и тюркских народов. История развития человечества демонстрирует глобальное распространение монотеизма и замещение многих других «национальных» богов. Распространению указанных конфес-

сий способствовало экономическое и военное преимущество их носителей — христиан и мусульман (Римская империя и Арабский халифат). При этом христианство и ислам получили распространение и в третьей мировой конфессии — буддизме (в современной Индии проживают большие общины христиан и мусульман индийского происхождения).

Глобальное распространение конфессий христианства и ислама является одним из ключевых факторов развития человечества. Эти религии распространялись с учетом политического взаимодействия с соседними народами. В случае добрососедских отношений возникло конфессиональное единство. Но это распространение укрепляло в основном власть правящего слоя (класса), где своя религия способствовала формированию единого самосознания и мобилизации населения для целенаправленных действий, создавала единое культурное и идеологическое пространство, понимаемое как глобализация.

Конфессии в силу своего глобального распространения не могут стать фактором государственной идентичности. Типична ситуация, когда граждане одной страны, одной национальности являются приверженцами разных конфессий. Она наблюдается, например, в Китае, Южной Корее, Таиланде, Японии. В этих странах наряду с традиционными воззрениями получило распространение христианство (католицизм и протестантизм), т. е. возникает основа для противоречий в рамках этих мононациональных государств. Поликонфессиональность размывает национальное самосознание внутри одной нации, тем самым глобализуя государство, которое перестает быть мононациональным и моноконфессиональным.

В современной России, по данным международного социологического исследования, влияние религии очень незначительно, особенно по сравнению с другими странами. С. Хантингтон приводит данные по наиболее развитым странам относительно соотношения национальной гордости и значимости религии. Для 20 % граждан России, «религия крайне значима»⁸. Это самый низкий показатель из всех представленных стран.

Исторические аспекты межконфессионального взаимодействия в России отмечены С. В. Лурье: «...Цель государственной политики в Туркестане была сформулирована его

первым генерал-губернатором К. П. Кауфманом следующим образом: „Сделать как православных, так и мусульман одинаково полезными гражданами России”». Интересно отметить, что главным недостатком этой политики было то, что „русские” мусульмане рассматривались именно в контексте внутренних отношений Российской империи, почему и предполагалось, что они привыкнут к новым условиям, сойдутся с русским православным населением и в конце концов пожелают слиться с ним, и вовсе игнорировалось, что мусульмане остаются частью исламского мира, с которым при любых обстоятельствах они будут чувствовать свое единство...»⁹.

Специфика России состоит в том, что исторически государство успешно расширялось преимущественно на Восток, присоединяя территории соседних народов, а не дальних заокеанских территорий. Присоединяемые народы, добровольно или в результате завоевания, исповедовали одну из мировых религий либо сохраняли свои национальные, языческие, культы. Православие распространилось среди народов, не приобщенных к мировым конфессиям, а попытки заменить ислам или буддизм не имели успеха, напротив, вызвали упорное сопротивление.

Таким образом, можно сделать вывод, что, став мировыми конфессиями, христианство и ислам различных направлений и течений, были первым идеологическим опытом процесса глобализации, т. е. распространения по всему миру, создав единые стандартизированные религиозные представления монотеизма. Этот процесс религиозной глобализации имел успех в том смысле, что религиозные представления, созданные в одной точке мира, стали популярны в глобальном масштабе, создав конфессиональное единообразие монотеизма. Современное разнообразие в христианстве и исламе (множество течений, сект, зачастую конфликтующих друг с другом), а также различия политических, экономических интересов являются неизбежными издержками культурного и национального многообразия. Главная и основная характеристика религиозной глобализации — это ее распространение по всему миру, замена национальных религиозных воззрений.

Опыт религиозной глобализации демонстрирует, что сам процесс глобализации возник намного раньше эпохи капитализма и промышленного развития. Современный этап

глобализации следует рассматривать как очередной и естественный процесс, основанный на едином монотеистическом религиозном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и профессионального взаимодействия / под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 167.

² Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система / С.-Петерб. филиал; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2004. С. 376—377.

³ Конституция Российской Федерации. М.: Эксмо, 2009. С. 5.

⁴ Межкультурный диалог ... С. 158.

⁵ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Изд-во «Ренессанс», СП «ИВО-Сид», 1992. С. 263.

⁶ См.: Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова; под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.

⁷ Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. с англ. В.В. Сапова и др. М.: Праксис, 2004. С. 392.

⁸ См.: Хантингтон С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 571.

⁹ Лурье С.В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 282.

Поступила 26.11.10.

Ю. Г. ЮШКОВА-БОРИСОВА **ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕССЫ ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАХ**

Ключевые слова: этничность, население, трудовая мотивация, ассимиляция

Key words: ethnicity, population, labour motivation, assimilation

На повестке дня современной России стоит всесторонняя модернизация страны. Любая модернизация требует некой «ревизии» проживающего на территории страны населения и развития имеющихся или формирующихся у него неких новых качеств, позволяющих вовлечь людей в процесс модернизации. Современному производству требуется человек, способный получать удовольствие от своей работы, перестраивать ее в соответствии с целями, которые устанавливаются сообща с коллегами по работе, а также способный сам себя мотивировать на труд и устройство собственной жизни. Современному государству требуется гражданин, способный к самоконтролю и формулировке, выражению и защите своих экономических и политических интересов в легитимных формах. Этнические характеристики населения, этническая культура, учитывая эту точку зрения, представляют несомненный интерес, поскольку в большой степени определяют качества человека как работника и гражданина.

Если взглянуть на этническую карту России, то она представляет собой пестрое «одеяло», отражающее многообразие климатических зон, природных ресурсов, а также движение народов по территории страны на протяжении истории. Территории проживания многих народов пересекаются с территориями проживания соседей, этнические анклав и эксклавы присутствуют повсеместно.

ЮШКОВА-БОРИСОВА Юлия Геннадьевна, научный руководитель некоммерческого партнерства политического консультирования и гуманитарных исследований «Мера», кандидат философских наук (г. Н. Новгород).

Наряду с этносами на территории страны проживает достаточное количество субэтносов (поморы, усть-цилемы, казаки, чалдоны, кряшены, бесермяне и т. д.), являющиеся результатом ассимиляции одних народов другими с одновременным заимствованием у ассимилированных народов особенностей, способов адаптации к окружающей среде, трудовых навыков и бытовой культуры. Культура этносов и субэтносов территориально укоренена, она имеет определенное место рождения и представляет собой некий комплекс систематизированных и символизированных (кодированных) знаний о территории, многочисленных приемов жизнеобеспечения на этой территории.

Человек и социальная группа адаптируются к окружающей среде через выработку новых видов деятельности, до определенной (в рамках эволюции) степени генетически модифицируются под данный вид деятельности и на базе правил мышления, удобных для деятельности, развивают свой язык. Этническая культура кодирует положительный опыт хозяйствования на данной территории, успешную деятельность предыдущих поколений, включая защиту территории проживания этноса. Этничность представляет собой закрепленный генетически и культурно комплекс приспособлений человеческого сообщества к выживанию и деятельности на определенной территории.

Этническим «зерном», из которого выросла Российская Федерация, был русский этнос. Русские до сих пор являются государствообразующей нацией, т. е. ядром государства, без которого союз остальных народов был бы исторически мало возможен и вряд ли состоялся бы сейчас. Разнообразие топонимии России говорит о том, что ее территория осваивалась несколькими десятками народов (славянских, финно-угорских, тюркских, балтских и др.).

В период становления российской государственности происходила достаточно быстрая русификация населения, территориальная культура подстраивалась под общепринятую государственную. Это же подтверждают и данные генетиков, согласно которым «...за почти полвека исследований уже можно составить общий генетический портрет славянских народов СНГ — русских, украинцев и белорусов. По словам завлабораторией Медико-генетического научного центра РАМН Юрия Спицына, с генетической точки зрения

эти народы представляют собой „крайне размытый финский субстрат”»¹.

Поскольку строительство российского государства идет давно (также давно идут ассимиляционные процессы), то можно предположить, что существование этносов, еще не затронутых процессами активной ассимиляции на территории России, было возможно на землях, не представлявших ранее ценности с точки зрения государственного и национально-строительного и не влиявших на военную, торговую и продовольственную безопасность государства. Этнические образования на территории страны — это особые районы, населенные особым населением, занятия которого, возможно, ранее не вписывались в общегосударственные процессы. Можно говорить, что это до определенной степени ранее «ненужное» население, проживавшее на «ненужных» территориях.

Сейчас благодаря развитию средств транспорта и связи, повышению спроса на полезные ископаемые и совершенствованию способов их добычи многие социальные общности, имеющие локальные, конфессиональные и этнические особенности и жившие до самого последнего времени достаточно замкнуто, испытывают активное хозяйственное, информационное и культурное вмешательство со стороны субъектов мирового хозяйственного процесса. Под напором этого вторжения в связи с отсутствием готовности к участию в нем и защите от него они лихорадочно ищут основу для консолидации, сохранения прежних форм жизни. Как правило, такой основой становятся культурно-языковая среда, этничность, локальная идентификация.

Маргинальность населения таких территорий, как правило, была высокой еще в предыдущие периоды. Сейчас же, с приходом на территории крупных корпораций, она, как правило, только усиливается. Такое население не обладает профессиональными навыками, которые требуются для трудоустройства в современные компании. Зачастую оно плохо образовано, неважно говорит по-русски. Его трудовая культура «заточена» под другой труд и образ жизни. В отдельных случаях выработанная и закрепленная генетически адаптация организма мешает населению перейти к новому типу труда. Например, как выяснилось, у ненцев существуют сильные сезонные колебания в уровне гормонов

в крови, которые позволяют организму подстраиваться под суровый климат и переживать сложные периоды миграций вместе со стадами: «Колебание уровней гормонов можно считать одним из критериев состояния адаптированности организма к условиям Севера. Сезонные колебания уровней гормонов более четко проявляются у коренных жителей, чем у местных русских [лиц, родившихся в семьях приезжего населения]... В группе мужчин — местных русских метаболические процессы липидного обмена протекают более сложно, чем у коренного населения Севера ненцев и коми»². Можно предположить, что эти колебания, влияющие на настроение, не способствуют адаптации к всепогодному труду, тем более монотонному и однообразному. Безукоризненная трудовая дисциплина при таких гормональных всплесках мало возможна.

Если рождаемость в маргинальных группах невысокая, детская смертность значительная, то этнос просто воспроизводит себя в существующих условиях, его энергии хватает на поддержание сложившейся ситуации. В качестве примера следует назвать малые народности Севера. Если же рождаемость высокая, детская смертность низкая, то возникает значительное демографическое давление на и без того скудную ресурсную базу этноса. Невключенность в процессы современного производства предопределяет отсутствие развития, консервацию либо сокращение ресурсной базы, увеличение разрыва в доходах по сравнению с другими этносами и территориями. Этнос или субэтнос, обособленная региональная группа, должны перераспределить в свою пользу существующие ресурсы. Базой консолидации для борьбы становится этничность или региональные, конфессиональные особенности социальной группы. Этничность, особенность укрепляются и тщательно подчеркиваются. Иногда конфессиональная принадлежность подкрепляет этничность, переплетается с ней.

Если именно этничность, этническая культура, особенности психики и физиологии являются причиной маргинализации социальной группы, то ситуация становится патовой и простому разрешению не подлежит. Этнос для преодоления своей маргинальности должен отстраниться от нее, осознать ее и внести исправления в этническую культуру. Причем исправлений должно быть ровно столько, чтобы, с одной

стороны, преодолеть маргинальность, с другой — остаться собой.

Как правило, редкий народ может с этим справиться. В основном этнические проблемы не решаются. Маргинальность в виде безработицы, отсутствия на территории проживания этноса современной промышленности, развитой инфраструктуры не преодолевается. Остаются два пути: либо физическое и культурное вымирание этноса (болезни и нездоровый образ жизни, отказ от своего языка и культуры), либо агрессия по отношению к другим этносам.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что любая агрессия, обозначенная этнически, регионально, есть выплескивание нерешаемых внутренних проблем самого этноса или социальной группы. Повод для такого развития событий дают высокая рождаемость и высокая маргинальность. «Лекарством» от агрессии, негативных выплесков могут стать включение этносов в производственные процессы, протекающие на территориях проживания этноса; планирование и строительство производств, на которых население территории могло бы и хотело бы эффективно работать.

Зачастую население, этническая культура которого плохо вписывается в современные производственные процессы, склонно отказываться от своей этничности. Одновременно этничность может приносить некие льготы и компенсации, давать возможность сменить гражданство и т. д., т. е. она часто становится неким финансово-экономическим признаком и ресурсом. Политическая и финансовая ситуация меняется в России достаточно часто, иногда происходит интересный процесс смены этнической идентификации, появляется феномен «плавающей этничности». У людей, рожденных в межэтническом браке, появляется возможность выбора своей идентификации, и этот выбор может меняться на протяжении жизни. Нечто подобное Республика Коми уже пережила. В 90-е гг. потомки сосланных в 40-е гг. XX в. немцев Поволжья, до этого считавшие себя коми, поменяли свою этническую самоидентификацию и выехали на постоянное место жительства в Германию.

Феномен «плавающей этничности» был выявлен исследовательской группой Некоммерческого партнерства «Мера» в процессе реализации исследовательского проекта «Установки и ожидания населения Республики Коми» в рамках

комплексной исследовательской программы «Проблемы и перспективы развития Республики Коми», осуществленной в Республике Коми в 2004 г. Был проведен анкетный опрос. Объем выборки составил 1 686 чел. Тип выборки — квотная, многоступенчатая. Квоты: район (город), пол, возраст — пропорционально существующей структуре населения Республики Коми. Репрезентативность выборки подтверждается тем, что полученная структура выборки воспроизвела существующую структуру населения также по признакам уровня образования, доходов и занятости в отраслях народного хозяйства. Процентное соотношение введенных квот (в рамках каждого территориального пакета): пол (50 % — мужчины, 50 % — женщины); возраст (распределение внутри каждой гендерной категории): 18—30 лет — 21 %, 31—40 лет — 21 %, 41—50 лет — 22 %, 51—60 лет — 19 %, старше 60 лет — 17 %.

На вопрос «При каких условиях Вы стали бы заявлять о своей иной национальной принадлежности?» 23,7 % респондентов ответили, что могли бы сменить свою идентификацию при разных обстоятельствах (таблица).

Таблица

Условия смены национальности

Условие	Абсолютное значение	%
Не стану менять ни при каких условиях	1 231	73,0
Если бы это позволило получить дополнительные возможности для улучшения жизни	182	10,8
В случае переезда в местность с иным национальным составом	106	6,3
Под угрозой исчезновения этой национальности	69	4,1
В случае ухудшения отношения к основной национальности	42	2,5

Естественно, что процент тех, кто не стал бы менять свою идентификацию ни при каких условиях, был выше среди тех, кто заявляет о своей этнической чистоте, но и они остались бы верны своей объявленной идентичности лишь в 76 % случаев.

В зонах активных ассимиляционных процессов, смешения населения, имеющего сходные антропологические признаки,

может происходить смена этнической самоидентификации широких масс населения, причем вне зависимости от «кровных» признаков, национальности родителей. На таких территориях численность любого этноса весьма относительна и может измениться в любой момент под давлением экономических и политических условий.

На территории России уже много веков идут ассимиляционные процессы. Согласно данным исследования «Проблемы и перспективы развития Республики Коми», около 30 % населения республики на тот момент идентифицировало себя как коми, однако этнических коми было больше 43 % населения республики. Потомки смешанных браков предпочитали считать себя русскими. Также русскими себя называли представители смешанных браков с русскими других народов, например, украинцев, белорусов, немцев, чувашей, поляков, что подтверждало наличие на территории Республики Коми процесса ассимиляции представителей этих этносов, проживающих на территории региона.

Самым важным критерием национально-этнической принадлежности 58,5 % респондентов выбрали национальность родителей; 46,2 % были убеждены в том, что важно место, где родился и вырос; 35,6 % упомянули знание языка, 8,7 % — фамилию, 5,6 % — внешность. При этом было отмечено, что национальность родителей, генетическая принадлежность к этносу, наиболее значима по сравнению с русскими, коми, украинцами, белорусами для татар (74,2 %) и наименее значима для коми (54,4 %). Среди русских значимость этого фактора отметили 60,4 % респондентов, среди украинцев — 62,8 %, белорусов — 64,5 %. Для татар наименее значимым являлось знание языка (6,5 %), а для коми он, наоборот, был наиболее значим (49,5 %). Небольшой процент значимости языка у украинцев (28,3 %) и белорусов (22,6 %). Для русских он значим, как для коми (44,8 %). Очевидно, определенная часть татар, украинцев и белорусов, не вполне владея своим «кровным» языком, продолжала идентифицировать себя в соответствии с «кровью».

Наиболее распространенные этносы Республики Коми (коми и русские) наиболее восприимчивы, терпимы по отношению к появлению в своих рядах представителей других этнических групп. Таким образом, если украинец по крови не знает украинского языка, то в представлении коми и

русских он становится человеком с открытой этничностью, он вправе себя идентифицировать так, как захочет, а если он при этом говорит на языке коми, то коми признают его своим. В целом исследование не выявило тех факторов, которые бы определяли этничность человека независимо от него.

Направленность ассимиляционных процессов может быть изменена в самое короткое время. В 2009 г. исследовательский проект «Будущее Крыма глазами молодежи», осуществленный Некоммерческой организацией «Твоя Перемога» (г. Бахчисарай) при грантовой поддержке Фонда российско-украинских гуманитарных связей «Признание» и при научной поддержке специалистов Некоммерческого партнерства «Мера», зафиксировал поворот процесса ассимиляции, обусловленный политическими факторами. В современном Крыму ассимилируется русское население, ставшее этническим меньшинством в украинском государстве.

В рамках реализации проекта был проведен, во-первых, анкетный опрос молодежи Крыма в возрасте 18—26 лет (всего опрошены 526 респондентов в 11 населенных пунктах), во-вторых, был сделан цикл фокусных групп с представителями различных категорий молодежи. Были проведены 3 сессии (учащаяся молодежь престижных специальностей и вузов, учащаяся молодежь «простых» специальностей, вузов и спузов, а также работающая молодежь). В выборку при рекрутинге были заложены критерии пола, этничности, места постоянного проживания (для студентов).

В Крыму с переменой государственного языка с русского на украинский начался процесс активной украинизации населения. Ведение документооборота, обязательность обращения в органы власти и управления, аннотации к лекарственным средствам только на украинском языке и многое другое вынуждают население активно изучать украинский язык. Во всяком случае, изменение статуса языка существенно подняло уровень его распространения среди населения. Молодыми людьми эти методы были охарактеризованы насильственными до определенной степени, однако чрезвычайно эффективными. Большинство молодого населения Крыма (62,5 %) считает, что хорошо владеет украинским языком, 31,6 % могут на нем объясняться, и только 5,9 % им не владеют. Причем для большинства молодых людей всех национальностей родным языком в основном является русский.

Языком повседневного общения (98,6 %) и языком общения на работе, в учебном заведении все еще остается русский язык (96,7 %). Но уже почти 59,6 % молодых людей считают знание украинского языка обязательным для успешной социализации, 23,2 % — желательным. Учителя русского языка в беседах с представителями фонда «Признание» говорили, что учащиеся сознательно выбирают языком обучения украинский, потому что на этом языке им сдавать независимое тестирование (аналог ЕГЭ) и вступительные экзамены в институт. Безусловно, русский язык пока еще лидирует в списке обязательных для карьеры и жизни, но по обязательности и желательности украинский его догоняет (82,8 %), а английский уже практически догнал (94,5 %).

Следует отметить высокие показатели заинтересованности молодых людей в знании английского языка. Так, 20,1 % молодых жителей Крыма считают, что владеют им хорошо, а 48,2 % могут объясняться на английском. Можно предположить, что апелляция к английскому возникает в ситуации, которую лингвисты называют «полуязычием», когда в процессе перехода от одного языка общения к другому теряется хорошее знание обоих языков. Поверхностное знание двух языков, достаточное в жизни в силу того, что окружающие люди эти языки знают на том же уровне, порождает иллюзию легкой доступности знания третьего (четвертого, пятого и т. д.), который носит еще более поверхностный характер.

Языковая ситуация в Крыму показывает механизм давления государства на этнос, государственного языка — на этнический. Приведем высказывания только русских респондентов фокус-групп (до 26 лет) жителей Крыма.

«Проблема в том, что нас, большинство крымского населения, стараются насильственными методами заставить изучать, особенно в школе, украинский язык. Любовь к культуре, языку должна прививаться, но вовсе не насильно. Нужно заинтересовать человека, чтоб он сам захотел к этому прийти. А когда ребенка заставляют что-то делать, у него происходит сразу с детства отторжение. Человек захотел передачу посмотреть, а ее на украинском языке показывают. Тогда что делать? Надо учить украинский. Надо в магазин сходить купить что-то, а языка не знаешь. Придется выучить язык. Это и есть давление».

Большинство не видит в этом проблемы: «Можно просто в школе добавить украинский язык. Это не значит, что русский мы убираем, а украинский ставим на его место. Можно добавить украинский язык. Тогда люди в Крыму смогут свободно общаться и на украинском, и на русском, смогут поехать в тот же Киев и там поступить». «Надо сказать, что в языке проблемы нет. Проблему создали, возможно, политики. У меня мама родом из Украины, с Полесья, папа — из России. Кто я? Я не знаю. Я и украинец, и русский. Но я разговариваю, общаюсь с друзьями на русском языке. Приезжает мой брат из Львова, я с ним общаюсь на русском, а он со мной — на украинском. Переходим на русский язык. У нас никакого барьера нет. Я могу перейти на украинский язык. Приезжаю к бабушке. Она говорит на украинском, я с ней — на русском. В этом проблемы нет».

«Я считаю, что все-таки мы живем на Украине, и то, что сейчас происходит, — интенсивная украинизация. Это правильно. Потому что Крым на русском языке — это, мне кажется, не очень хорошо, так как мы не в России живем». «Нужно сделать один язык — либо украинский, либо русский, а другие пусть бы подстраиваются под него, кому не нравится». «Нет, мне кажется, что язык страны в любом случае надо знать. Если захочешь общаться со всеми окружающими или только со своей компанией, то сам уже будешь решать. Язык надо знать в любом случае».

Если язык является значимой опорой этнической самоидентификации, то его потеря означает «вымирание» этноса, хотя физически этнос остается присутствовать на территории, передавать потомкам генетический код, способы производства, мировоззрение, культуру. Однако он постепенно из самостоятельного этноса становится субэтносом другого народа. Жители Крыма уже сегодня представляют из себя особую группу населения с особым менталитетом и культурой. Они уже сейчас являются субэтносом. В настоящее время речь идет о том, субэтносом какого народа они будут: русского или украинского.

Неважно, в каком состоянии находится государственный язык, насколько он богат и пригоден к использованию в регионах. Так, украинский, в силу ранее пережитого давления русского языка, беднее его в терминологии, но

это ему мешает мало. Постепенно, в основном по доброй воле и прямой поддержке населения, региональные языки уходят. Ситуация полуязычия была полностью аналогична языковой ситуации в коми районах Республики Коми, где уже давно шел такой же переход от регионального языка к государственному с той разницей, что государственным языком является русский. Население, чья этничность «плавает», чей язык постепенно исчезает, меньше привязано к своей малой родине. Отсутствие привязанности снижает ответственность, ослабляются трудовые мотивации.

Очевидно, что укрепление этнической самоидентификации населения одновременно с модернизацией этнической культуры, доминирующей на территории, может принести положительные результаты в виде роста мотивации к труду, определенной самомодернизации населения, которая в свою очередь увеличит рост производительности труда, привлечет на территорию новые высокотехнологичные производства. В любом случае качества человека, работника, обусловленные его этничностью, необходимо учитывать в процессах планирования и строительства производств, и, очевидно, некоторые из них требуют определенной модернизации. Тогда процесс модернизации страны пойдет успешно.

П. А. Сорокин, сам наполювину «инородец», коми-зырянин, утверждал, что «судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим... И обратно, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития»³. Можно перефразировать его высказывание в том смысле, что успехи страны зависят от успехов людей, ее населяющих, и успех ее модернизации — от успеха модернизации ее граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Петухов С. Игра в предки // Власть. 2005. 16 мая. С. 65.

² Антипина Ю.В., Раменская Е.Б. Уровень гормонов гипофиз-гонадного звена эндокринной системы у различных групп населения Севера // Город в Заполярье и окружающая среда: тез. Междунар. конф. Сыктывкар, 1994. С. 10.

³ Сорокин П. Современное состояние России. Прага: Хутор, 1922. С. 84.

Ю. В. КУЗНЕЦОВ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ЭКУМЕНИЗМ В. С. СОЛОВЬЕВА

Ключевые слова: экуменизм, христианство, геополитическая концепция В. С. Соловьева, русская религиозная философия

Key words: ecumenism, Christianity, geopolitical conception of V. S. Solovyov, Russian religious philosophy

Сближение и взаимное обогащение православия и русской светской культуры было одной из важнейших идей русской религиозной философии. Такое обогащение рассматривалось (и рассматривается) как результат своеобразной миссионерской деятельности, одной из задач которой было воцерковление русской интеллигенции. Экуменические идеи становились объектом религиозно-философской рефлексии вследствие осмысления природы, целей и задач этого миссионерства. Теоретическое осмысление предпосылок и перспектив православного экуменизма, помимо прочего, привело к появлению ряда оригинальных геополитических идей.

Бесспорно, первым в ряду теоретиков православного экуменизма был В. С. Соловьев. Экуменизм как сторона его религиозно-философского мировоззрения был закономерным следствием не только глубокой христианской веры мыслителя, но и его миссионерского призвания. Религиозно-философская система и художественно-поэтическая одаренность В. С. Соловьева были нацелены на широко понимаемую миссионерскую работу среди русской интеллигенции, которая во второй половине XIX в. в основном не была воцерковленной. Хотя русскую интеллигенцию отличали глубокие религиозные искания, поиск абсолютных принципов, однако они не связывались с Церковью, к которой образованный класс России относился довольно прохладно. Были распро-

КУЗНЕЦОВ Юрий Валентинович, заведующий кафедрой социальной работы и теологии Мурманского государственного технического университета, кандидат философских наук, доцент.

странены представления о Церкви как о бюрократическом институте, организации, имеющей политические интересы и тесно связанной с государством. Следуя А. А. Хомякову, В. С. Соловьев отстаивал взгляд на Церковь как богочеловеческий организм, как Тело Христово. В определенных кругах русской дореволюционной интеллигенции, хотя и относительно немногочисленных, усилия В. С. Соловьева нашли понимание и поддержку. «Соловьеву как воспитателю удалось внедрить в наше религиозное сознание мысль в том, что оно всецело обусловлено степенью усвоения истины о Церкви»¹.

Характерно, что в системе религиозно-философского мировоззрения В. С. Соловьева центральное место занимала идея Богочеловечества, которую, при определенных оговорках, можно рассматривать как идею, тождественную по своему содержанию идее Церкви, также нередко понимаемой как богочеловеческий организм. Более того, философ был убежден, что Восток, православный в богословии и неправославный в жизни, понял богочеловечность Христа, но не мог понять богочеловеческого значения Церкви. Для Востока она была только святыней, данной свыше, сохраняемой преданием и усваиваемой благочестием. Для Востока, полагал мыслитель, истина христианства, представляемая Церковью, ставилась выше человечества, что в итоге было определенным искажением. Истина христианства есть истина Богочеловечества, Церковь не должна ставить себя выше человечества в том смысле, что она не должна оставаться только объектом почитания и поклонения. Церковь должна быть одновременно и выше человечества, и равна ему, так как она должна быть для всего человечества правящей силой, ведущей к свободной и истинной жизни. «Церковь не есть только святыня, она также есть власть и свобода»², — писал В. С. Соловьев. Таким образом, с деятельностью Церкви связываются не только чисто религиозные, но и широко понимаемые политические задачи.

В. С. Соловьев ставил перед собой задачу приведения христианства в новую, соответствующую требованиям времени и, безусловно, разумную форму. Для него это была не только отвлеченная цель его собственного религиозно-философского мышления, но и важная духовно-нравственная задача, соответствовавшая потребностям и верованиям русского народа.

Мыслитель занимался не только религиозно-философским и поэтическим творчеством, но и политической борьбой, активно выступал с публицистическими статьями. Он сравнивал свое политическое служение с трудом послушника, выметающего сор из монастырской ограды³. Эта метафора довольно точно определяет роль политики в теократических воззрениях философа.

Так получилось, что благодаря своей биографии В. С. Соловьев был связан с отечественной культурой. Известно, что он был сыном выдающегося отечественного историка С. М. Соловьева, и в их доме бывали многие знаменитые общественные деятели и мыслители XIX в. Складывавшийся здесь круг общения был чрезвычайно широк и никогда не определялся какими-либо политическими пристрастиями. Здесь встречались друг с другом консерваторы (Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев, М. Н. Катков), либералы (Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, М. М. Стасюлевич) и философы самых различных ориентаций (Э. Л. Радлов, С. Н. и Е. Н. Трубецкие, Д. Н. Цертелев). Сам В. Соловьев положительно отзывался об А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском. В личности В. С. Соловьева удивительным образом сочетались свобода от политических и партийных пристрастий и широкая вовлеченность в общественно-политическую жизнь. Достаточно вспомнить его заступничество за приговоренных к смертной казни цареубийц в 1881 г.

Такая позиция мыслителя была связана с его пониманием миссии русского православия: «Идея православной культуры светит нам, как огненный столб, указывающий нам путь вперед... Сближение Православия и культуры, раскрытие культурных сил Православия, осияние исторического движения светом Православия — такова, по нашему убеждению, историческая тема нашей эпохи... Система православной культуры должна быть построена совокупными творческими усилиями не одного, а ряда поколений, но бесконечно важно уразуметь направление творчества, ясно осознать его задачи. Мы стоим лишь на пороге строительства православной культуры и быть может никто из нас не войдет в ее обетованную землю, но с тем большей ясностью встает перед нами сама идея православной культуры, встает грандиозный замысел, который зовет к себе всех, в ком бьется пульс исторической активности...»⁴.

Судьба распорядилась так, что многие последователи В. С. Соловьева уехали за границу, и тем самым его идеи оказали влияние на философскую и религиозную мысль не только православия, но и различных интеллектуальных течений. Так, почти бесспорно влияние Н. А. Бердяева на его европейский экзистенциализм, в том числе и на атеистический. Интересно следующее высказывание о роли русских религиозных философов XX в.: «Русские в наше время сыграли роль, подобную византийским гуманистам, пришедшим на Запад после падения Константинополя. Гуманисты много сделали для подъема Ренессанса, этого открытия красоты мира и творческой мощи человека, коими отчасти пренебрегало средневековье, обращенное исключительно к Богу. Русские религиозные мыслители, рассеянные по всему Западу после Революции, были носителями великого христианского возрождения, в котором божественное и человеческое обретало свою полноту друг в друге, и все значение которого еще не до конца открылось нам»⁵. Такое сравнение кому-то может показаться преувеличением, но исходный импульс этого влияния мы обнаруживаем именно у В. С. Соловьева.

Его экуменические идеи вряд ли можно понять, не выяснив его отношение к «русской идее», т. е. к тому, что, на первый взгляд, противостоит экуменизму. По мнению Вяч. Иванова, «значительнее и святее всех его других дел было то самоопределение нашей национальной души, которое говорило его устами»⁶. Национальная идея, русская идея, душа народа — понятия, которые у В. С. Соловьева неразрывно связаны с осмыслением христианской культуры. Вяч. Иванов определяет его миссию в истории русской культуры предельно широко: «Через Соловьева русский народ действием Логоса осознал свое призвание: до потери личной души своей служить началу Церкви вселенской»⁷. Иными словами, миссия русского народа в том и состоит, чтобы объединить расколовшиеся религиозные конфессии и создать единую вселенскую Церковь. К исполнению этой миссии русский народ предрасполагает не только характерная для него всемирно-историческая отзывчивость и восприимчивость, но и географическое положение России, т. е. геополитические факторы.

Одними из факторов, которые будут в ближайшем будущем влиять на ускорение экуменических процессов, являются растущая угроза панмонголизма и необходимость объединения православного Востока и католического Запада перед лицом этой угрозы. Философ в «Краткой повести об Антихристе», одной из своих последних работ, за четыре года до русско-японской войны описал основные контуры панмонголизма и будущего «нашествия» восточной орды на Запад, которая поставит перед собой цель изгнать белых дьяволов из Азии и возродить «истинное Срединное царство», которое будет включать в себя весь мир. Интересно, что, находясь на заседании Географического общества в Париже, В. С. Соловьев следующим образом интерпретировал рассуждения китайского военного атташе, обращенные к европейцам: «Вы истощаетесь в непрерывных опытах, а мы воспользуемся плодами этих опытов для своего усиления. Мы радуемся вашему прогрессу, но принимать в нем участие у нас нет ни надобности, ни охоты: вы сами готовите средства, которые мы употребим для того, чтобы покорить вас»⁸. В связи с этим мыслитель предвидел будущую роль Восточной Азии и считал, что именно туда всемирная история перенесет центр тяжести. Поэтому Россия останется великой окраиной Европы, граничащей с Азией, и ей суждено будет играть одну из важнейших ролей в противостоянии Запада и Востока. С этим же была связана соловьевская критика славянофильства, которое, по его мнению, недальновидно противопоставляет славянский мир западноевропейскому. Русские давно уже сделали свой выбор в пользу Запада, они являются европейцами, но «только с азиатским осадком на дне души». Будущая Европа XXI в. виделась ему союзом демократических государств, европейскими соединенными штатами.

Интересно, что угроза с Востока связывалась В. С. Соловьевым не столько с религиозным противостоянием христианства и ислама, сколько с экспансией Дальнего Востока, который с религиозной стороны ни в какие конфликты с православием не вступал. После поражения Турции в 1877 г. философ увидел в исламе не столько противника, сколько потенциального союзника. В работе «Китай и Европа» он связывал главные угрозы для христианского единства с Дальним Востоком⁹. Но если вначале В. С. Соловьев считал,

что Япония бесповоротно попала под влияние Запада и в самом ближайшем будущем станет союзником христианской Европы, то позже он называл Японию вождем военной и культурной экспансии объединенной Азии.

Сам принцип социальной организации дальневосточной цивилизации свидетельствует для мыслителя о ее глубокой чуждости и потенциальной враждебности христианскому миру. В основе общественного строя этой цивилизации лежит культ Семьи, под которой на Востоке понимают не скрепленный любовью союз, а разветвленную социальную иерархию, поднимающуюся от сына к отцу, от отца к деду, от деда к прадеду и т. д. Умершие предки не теряют своего значения и власти, они наделяются сакральным авторитетом и абсолютной властью. «И частный быт, и государственный строй, и религия, и нравственное миросозерцание Китайцев, все это выросло и развилось из одного общего корня, из семейного начала, или точнее из абсолютизма отеческой власти. Благодаря непоколебимой верности этому началу „стосемейный“ клан „черноголовых“, спустившийся в доисторические времена из Монголии вниз по Желтой Реке, мог, разрастаясь в четырехсотмиллионный народ, не утратить характера единой тесно сплоченной и однородной семьи. Вся сложная политическая организация нынешнего Китая рассматривается самими Китайцами лишь как концентрическое расширение отцовской власти: сельский староста есть отец своего села, окружной начальник — отец своего округа, губернатор — отец своей провинции и наконец богдыхан — отец всего срединного царства, всего бесчисленного потомства „ста семейств“...»¹⁰. Стоит обратить внимание на тот факт, что отец семейства обладал всей полнотой власти над своими детьми, но сам он признавал над собою полную власть умершего родителя, а через умершего родителя и власть всего восходящего в глубокую древность рода. При этом любая добродетель и идея Порядка основывались на сыновьем благочестии, которое относится не только к живым, но и умершим предкам. Таким образом, китаец никогда не пользовался своей самостоятельностью, не действовал от своего лица, а всегда исполнял волю своих предков. Получается, от прошлого зависело и настоящее, и будущее, поэтому дальневосточная цивилизация — это цивилизация, устремленная в прошлое, тогда как христианский мир отнюдь не мыслим без будущего.

Вместе с тем китайское общество оказывается удивительно сплоченным: «Каждый китаец, тесно связан, во-первых, с теми лицами, которые составляют круг его родства определяемого степенями траура, во-вторых, с членами той корпорации, картели, компании, общества и т. п., к которой он принадлежит по своим занятиям, в-третьих, с жителями своей деревни, местечка, города, волости и т. д.»¹¹. В то же время такая сплоченность сочетается с тем фактом, что китаец совершенно чужд гуманистическим универсалиям западного человека: «Цай-нго сделал такой вопрос: „Если муж, исполненный добродетели человеколюбия, услышит, что кто-то упал в колодезь, проявит ли он добродетель человеколюбия, если бросится спасать утопающего?“. Мудрец отвечал: „Зачем станет он так действовать? В таком случае муж превосходный должен удалиться, он не должен бросаться за утопающим, ему не следует ошибаться относительно объема нравственного долга, который вовсе не обязывает его терять жизнь (для спасения другого), что было бы противно началам разума“»¹².

Подозрение В. С. Соловьева распространяется и на непостижимое для него сочетание религиозности и практицизма у китайцев. Он полагает, что вера в загробную жизнь у китайцев лишена мистицизма и интересует их лишь вытекающими из нее морально-практическими последствиями. Реальность существования предков ограничивается, так как основанный на вере культ предков был бы слишком разорителен для китайцев. Однако и полное отрицание этой реальности недопустимо, так как привело бы к грандиозному падению нравов. Учение китайских мудрецов о Дао обладает, согласно мыслителю, нелепыми противоречиями, так как содержит в себе одновременно призывы к простоте, не искушенной ученостью, и к мудрости, основанной на глубоком знании книг. Две цивилизации абсолютно противоположны: «Противоположность двух культур — китайской и европейской — сводится в сущности к противоположению двух общих идей: порядка, с одной стороны, и прогресса, с другой. С точки зрения порядка важнее всего прочность социальных отношений, идея прогресса требует их идеального совершенствования. Прочный порядок есть состояние, которое держится силой прошедшего, прогрессивное совершенствование есть деятельность, определяемая идеалом

будущего. Что Китай достиг прочного порядка — это, несомненно, насколько европейский прогресс ведет к социальному совершенству — вот вопрос. Истинный прогресс не может иметь исключительно критического, разрушительного характера, не может быть только противоположностью порядку, истинный прогресс есть прогресс порядка»¹³.

Теме панмонголизма и дальневосточной геополитики посвящено последнее, предсмертное, философское произведение В. С. Соловьева «Три разговора», которое заканчивается «Краткой повестью об Антихристе». Философ в подробностях описывает, как именно, по его мнению, произойдет вторжение Китая и Японии в Россию, после чего закономерно будет установлено «новое монгольское иго над Европой». Эти события на религиозно-мистическом уровне соответствуют пришествию Антихриста и концу времен. Это произведение он читал на публичной лекции в 1900 г. По свидетельству слушателей, большинству публики эта лекция показалась совершенным безумием, хотя некоторые, наоборот, аплодировали философу. Газеты также весьма критично и язвительно отреагировали на доклад В. С. Соловьева. Дальнейшие события в Китае подтверждали пророчества философа. На отправку германских войск на Дальний Восток императором Вильгельмом мыслитель отреагировал следующим предсмертным стихотворением:

«Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоём булате,
И речь грозящая свята.

Полно Любовью Божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч — одно»¹⁴.

Таким образом, В. С. Соловьев был убежден, что история подошла к своему концу, и он присутствует при начавшейся агонии европейской цивилизации, которой в самом ближайшем будущем суждено погибнуть в столкновениях с желтой расой¹⁵. Этот вывод актуален и для современного миропорядка, особенно России. Остается догадываться, верил ли философ в жизнеспособность христианского мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Вяч. О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозно-го сознания // Сборник статей о Соловьеве. Брюссель: «Жизнь с богом», 1994. С. 50.

² Цит. по: Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания // Православие и культура: сб. религ.-филос. ст. / сост. В.В. Зеньковский. Берлин: Рус. кн., 1923. С. 15.

³ См.: Соловьев В.С. Спор о справедливости // В.С. Соловьев. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 509.

⁴ См.: Зеньковский В.В. Идея православной культуры // Православие и культура: сб. религ.-филос. ст. / сост. В.В. Зеньковский. Берлин: Рус. кн., 1923. 264 с.

⁵ Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором / пер. с фр. В. Зелинского. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1993. С. 322.

⁶ Иванов Вяч. О значении Вл. Соловьева ... С. 60.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Юзефович Л. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: Эллис Лак, 1993. С. 7.

⁹ См.: Соловьев В.С. Китай и Европа: краткая повесть об Антихристе; По поводу последних событий // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 182—194.

¹⁰ Там же. С. 184.

¹¹ Там же. С. 185.

¹² Там же. С. 186.

¹³ Там же. С. 188.

¹⁴ Соловьев В.С. Избранное / предисл., сост. А.Ф. Заиванского. СПб.: Диамант, 1998. С. 188.

¹⁵ См.: Молодяков В.Э. Восток Ксеркса (Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1. С. 61—68.

Поступила 03.02.11.

О. В. СПИЦИНА,
Т. Н. ОХОТИНА

**ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НОРМ
ОБЫЧНОГО ПРАВА СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

Ключевые слова: земледелие, обычное право, русские, мордва, община, животноводство

Key words: farming, common law, the Russians, the Mordva, community, cattle-breeding

Окружающая среда, человек (общество) и культура жизнеобеспечения представляют собой единую взаимосвязанную систему. Социокультурный комплекс как часть этой системы в своем историческом развитии адаптируется к определенной природной среде, в том числе к животному и растительному миру, обеспечивая коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды¹.

Существенное влияние на культуру этноса оказывают хозяйственные условия. Хозяйственная деятельность населения определяется факторами этнического и правового регулирования, этнохозяйственными традициями. В результате длительного совместного проживания мордовского и русского народов на территории Мордовии сложилось много общего в их хозяйственном укладе. Мордовия с точки зрения природно-климатических условий находится на границе степной и лесостепной зон, что определило широкие возможности для развития аграрного производства, особенно земледелия. Сочетание окультуренных и естественных ландшафтов обеспечивало крестьянству важный дополнительный резерв продовольствия: рыб, диких животных, продукты пчеловодства и другие дары природы.

СПИЦИНА Ольга Викторовна, аспирант отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

ОХОТИНА Татьяна Николаевна, соискатель отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Основой экономической жизни русского и мордовского населения Мордовии в XIX — начале XX в. было земледелие. Именно оно обуславливало распорядок народной жизни. Хозяйственные традиции в земледелии русских и мордовских крестьян представляли собой исторически сложившиеся устойчивые приемы обработки земли, ухода за посевами, жатвы и т. д., а также систему организации земельной собственности, контролируруемую нормами обычного права.

Во второй половине XIX — начале XX в. для значительной части российского земледелия была характерна трехпольная система. Не являлось исключением в этом отношении и земледелие Мордовии. О наличии трехполья в крестьянских хозяйствах упоминается в ежегодных отчетах пензенского, симбирского и тамбовского губернаторов. Так, в отчете пензенского губернатора за 1876 г. отмечено: «Преобладающая система севооборота трехпольная: черный пар, по нему озимые хлеба, после яровой посев». В середине 90-х гг. XIX в. Саранская уездная земская управа в отчете пензенскому губернатору писала: «Степень благосостояния различных хозяйств, как то: помещичьих, купеческих, крестьянских и так далее, совершенно одинакова: во всех старая система трехпольного севооборота, недостаток удобрения полей и почти полное отсутствие культуры каких-либо новых сельскохозяйственных произведений»². Трехпольная система продержалась у мордовского крестьянства вплоть до коллективизации сельского хозяйства.

Основными культурами в хозяйстве сельского населения Мордовии были рожь, овес, просо, полба, гречиха, чечевица, картофель. Из технических культур возделывали коноплю, режу — лен. В более южных районах в небольшом количестве сеяли подсолнух и сажали сахарную свеклу. Наибольшая часть земли отводилась под зерновые культуры. Так, в 1881 г. на территории нынешней Мордовии 96 % всех посевов составляли зерновые³. Главной зерновой культурой была озимая рожь. Картофелем и коноплей занимали преимущественно приусадебные земли, их использовали в основном в личном хозяйстве. В русских селах Мордовии, как и в мордовских, применялись озимые и яровые посевы. По Ардатовскому уезду, например, посевы овса занимали 56,1 % от всей площади яровых посевов, пшеницы — 18,5 %, гречихи — 9,3 %, картофеля — 5,1 %, проса — 3,6 %, го-

роха — 3,2 %, полбы — 1,3 %, прочих посевов — 2,9 %⁴. В мордовских селениях Спасского уезда, позднее вошедших в состав мордовской автономии, по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., посевы озимой ржи составляли 4,9 % от всей засеянной площади, овса — 28,2 %, проса — 8,3 %, гречихи — 2,5 %, конопли — 2,4 %, чечевицы — 1,8 %, льна — 1,1 %⁵. Из обследованных хозяйств населенных пунктов Рузаевского уезда Пензенской губернии под посевы овса были заняты 24,2 дес., ржи — 10,4 дес., проса — 6,6 дес., картофеля — 0,7 дес., гороха — 0,1 дес., чечевицы — 1 дес.⁶

О большом значении производства технических культур, особенно конопли, в крестьянском хозяйстве Мордовии свидетельствует и то, что в начале XX в. в Инсарском уезде она по занимаемой площади была третьей культурой после озимой ржи и проса (под нее отводили 6,8 % крестьянского надела), в Саранском и Ардатовском уездах — четвертой. В первом она занимала 5,8 % надела, а во втором — 4,4 %⁷.

Вследствие малоземелья и бедности крестьянских хозяйств животноводство имело сравнительно меньшее значение для сельского населения Мордовии, чем земледелие. Скот разводили главным образом для нужд личного хозяйства. Помимо лошадей и коров, в крестьянских хозяйствах были овцы, свиньи; из домашней птицы разводили кур, гусей, уток. Почти у каждого крестьянина были лошадь и корова, а в зажиточных хозяйствах начала XX в. — иногда 3 или 4 лошади и коровы. Так, в Симбирской губернии Ардатовского уезда количество хозяйств с одной лошадей составляло 75 %, с двумя — 21,6 %, тремя — 2,8 %, четырьмя и более — 0,6 %. Только 18,9 % хозяйств были безлошадными. Количество хозяйств с одной коровой по тому же уезду составляло 84,0 %, с двумя — 14,3 %, тремя — 1,4 %, четырьмя и более — 0,3 %⁸. Богаче других рабочими лошадьми были обеспечены многоземельные волости. Например, в том же Ардатовском районе больше лошадей было в Киржеманской, Медаевской, Пичеурской, Атяшевской, Козловской волостях, а меньше — в Бузаевской, Жаренской, Резоватовской, Тархановской и Ардатовской волостях⁹. Среднее поголовье скота увеличивается прямо пропорционально росту посевных площадей. Кормовая площадь (покосы и выгоны) составляли в среднем 1/10 от общей площади, при этом преобладали

напойменные покосы¹⁰. По данным подворных переписей 1911 г., в Тамбовской губернии лошадей не было у 22,6 % мордовских крестьянских дворов, одну лошадь имели 39,7 %, две — 34,9 %, три — 13,8 %, 4 и более — 11,6 %¹¹. Таким образом, на один мордовский крестьянский двор приходились 1,21 головы рабочего скота, что было значительно лучше, чем у татар или русских¹². По архивным данным, в 1912 г. в крае на 100 душ крестьянского населения приходились 65,5 овцы¹³. Численность поголовья крупного рогатого скота на одно хозяйство на протяжении XX в. сокращалась. Уже в период Гражданской войны устанавливается норма «1 корова на семью из трех человек или если в семье имеется малолетний ребенок до 7 лет при одной матери или при одном отце»¹⁴.

Огородничество было распространено повсеместно, в более южных районах оно было развито шире. Сажали картофель, капусту, огурцы, лук, морковь, репу, редьку, свеклу, тыкву, подсолнух и сеяли коноплю. Огородничество было представлено на территории Мордовии неравномерно. Например, в Ардатовском уезде оно было наиболее развито в Ардатовской волости, в то время как в Апраксинской и Талызинской областях — слабее¹⁵. По сведениям 80-х гг. XIX в., в Краснослободском уезде огородничество было значительно развито в Пурдошках, Ельниках, где в большом количестве разводилась капуста; в Шаверках — капуста и огурцы; Слободских Дубровках — зеленый лук; в Ефавее — капуста, морковь и огурцы¹⁶. В Темниковском уезде огородничеством занимались в основном для домашнего обихода, и только избытки овощей продавались на местных базарах¹⁷. Земский исследователь Спасского уезда писал, что мордовское с. Кажлодка «имеет хорошие капустники. Этим промыслом занимались многие крестьяне. Капустник в 720 кв. сажень (0, 3 дес.) давал 5,5 — 6,5 тыс. кочанов капусты, которые сбывались на месте и городских базарах по цене от 1,5 до 3 руб. за сотню»¹⁸. Промышленное огородничество было развито в мордовском с. Лобаски Лукояновского уезда. На своих огородах крестьяне культивировали лук-саженец для промышленных целей¹⁹.

В некоторых деревнях крестьяне занимались садоводством. Оно, как и огородничество, не имело товарного значения. В садах выращивали яблоки, вишню, груши, смородину,

крыжовник, малину. Наибольшее развитие садоводство получило в Ардатовском, Темниковском и Спасском уездах, наименьшее — в Инсарском, Саранском и Краснослободском уездах. По данным подворной переписи 1882 г., в Спасском и Темниковском уездах в мордовских селениях насчитывались 12 817 наделных дворов, из которых 1 593, или 12,4 %, имели сады. Развитие садоводства зависело как от естественно-географических условий, так и от общего состояния крестьянского хозяйства. Так, крестьяне мордовского с. Судосево Карсунского уезда Аринушкины в своем ответе на анкету Департамента земледелия писали, что их односельчане «относятся к садоводству сочувственно... но крестьяне очень бедны, чтобы на деньги обзаводиться садом»²⁰. Крестьянские сады были небольших размеров. В среднем размер сада равнялся 0,11 дес.²¹ По данным подворной переписи 1882 г., в каждом крестьянском саду Спасского уезда в среднем было 27,3 плодовых деревьев. В Темниковском уезде каждый сад насчитывал лишь 17 деревьев. Крупные сады с большим количеством плодовых деревьев были редким исключением²².

Охота и рыболовство в XIX в. имели небольшое значение в хозяйстве крестьянина. Этими промыслами занимались для личных нужд только крестьяне, жившие по берегам рек и недалеко от лесов.

На рубеже XIX—XX вв. было много так называемых «больших семей». Обычно мужчины пахали, боронили и сеяли полевые культуры, вывозили урожай с полей, косили траву при заготовке сена, заготавливали, привозили, пилили и кололи дрова, выполняли плотницкие работы, управлялись с лошадьми, изготавливали и чинили транспортные средства и сельхозинвентарь, забивали животных, обрабатывали шкуры и кожи и т. д. Женщины ухаживали за огородом, жали, «таскали» лен и коноплю, ходили за грибами и ягодами, обрабатывали волокнистые растения, пряли и ткали полотно, шили одежду, заготавливали впрок продукты, ухаживали за скотиной, стирали, смотрели за детьми, готовили пищу и т. д. Однако жесткого деления на мужские и женские работы не было, обстоятельства (отсутствие или болезнь одного из супругов, необходимость помощи в срочном труде) нередко заставляли братья за работу другого пола. Немало было совместных видов труда (сенокос, молотба и др.)²³.

Большую роль в деревне играли традиционные нормы обычного права, носителем которого была община. При заключении различных практических сделок, договоров, а также при тяжбах и семейных разделах крестьяне почти всегда руководствовались традиционными правилами и обычаями, ссылаясь на авторитет предшествующих поколений. Эксплуатация земельных и других угодий, особенно находившихся в совместном пользовании (леса, луга, места рыбной ловли), происходила, согласно обычаю, сохраняемому миром через решения схода о сроках и круге участников, при соблюдении определенных правил, сложившихся в результате длительного взаимодействия коллектива с природой.

В конце XIX — начале XX в. под влиянием развития товарных отношений, широкого отходничества по мере усиления связей с городом и ростом культуры новое стало активно проникать в быт деревни. Политика коллективизации конца 20 — середины 30-х гг. XX в. привела к изменению жизненных условий крестьянина, который был вынужден трудиться не на себя, а на государство. Все это вносило изменения в общественную жизнь. В ходе коллективизации и ликвидации сельской общины некоторые принципы общественной жизни деревни изменились. Произойшли изменения в семейной сфере: повысился брачный возраст, большинство браков стало заключаться по взаимному согласию, почти исчез тип большой семьи, количество малых семей уменьшилось из-за снижения уровня рождаемости и др. Однако некоторые из давно установившихся обычаев, выдержав длительные испытания, существуют и теперь, например, соседская взаимопомощь и взаимная выручка в различных жизненных ситуациях.

Таким образом, на протяжении многовекового существования крестьянства стабильность норм обычного права бытовала постольку, поскольку они соответствовали реально существовавшему социальным, хозяйственным и семейным условиям жизни крестьянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. М., 2004. С. 10.

² Цит. по: Тувин А.С. Материально-производственная база крестьянского земледелия Мордовии в 1861—1905 гг. // Проблемы дореволюционной

истории крестьянства Мордовии. Саранск, 1991. Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 103. Сер. История. С. 116.

³ См.: Агеев М.В. Размещение и специализация сельского хозяйства в дореволюционной Мордовии // Уч. зап. Мордов. пед. ин-та им. А.И. Полежаева. Вып. 4. Сер. Обществ. науки. Саранск, 1956. С. 33.

⁴ См.: Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Ардамовский уезд. Вып. 3. Симбирск, 1913. С. 27.

⁵ См.: Балашов В.А. Бытовая культура мордвы: традиции и современность. Саранск, 1991. С. 25.

⁶ См.: Подворная перепись крестьянского хозяйства. Отдел 3-й. Разработанная под непосредственным руководством Г.В. Шуб. Итоги погубернской разработки материалов сплошной и выборочной подворной переписи. Ч. II. Вып. 12-й. Пенза, 1923. С. 196.

⁷ См.: Тувин А.С. Структура посевных площадей и урожайность в крестьянском земледелии Мордовии в 1861—1905 гг. // Проблемы дореволюционной истории крестьянства Мордовии. Саранск, 1991. Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 103. Сер. Ист. С. 153.

⁸ См.: Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. ... С. 167.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. IV, V.

¹² НА НИИГН И-1024. Л. 288.

¹³ Там же. Л. 294.

¹⁴ ЦГА РМ Ф.Р-8. Оп. 2. Д. 1. Л. 20.

¹⁵ См.: Подворная перепись Симбирской губернии ... С. 140.

¹⁶ См.: Лузгин А.С. В тесном соседстве: хозяйство и материальная культура русского населения Мордовии. Саранск, 1987. С. 42.

¹⁷ НА НИИГН. И-1024. Л. 267.

¹⁸ Статистические данные к оценке земель по Тамбовской губернии. Вып. XI. С. 60.

¹⁹ См.: Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. II. Отд. II. С. 111—112.

²⁰ НА НИИГН. И-1024. Л. 251—252.

²¹ См.: Лузгин А.С. Жизнь промыслов: промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX — начале XX в. (этнокультурный аспект). Саранск, 2001. С. 48.

²² НА НИИГН. И-1024. Л. 252.

²³ См.: Бузин В.С. Этнография русских: учеб. пособие. СПб., 2007. С. 277.

Поступила 18.02.11.

С. А. МАХАЛОВ

ПИЦЦА И УТВАРЬ МОРДВЫ ПЕТРОВСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: мордва, Саратовская область, пицца, утварь

Key words: the Mordva, the Saratov Region, food, household utensils

Традиционная пицца мордвы Петровского района Саратовской области богата традициями, сложившимися в результате многовекового развития, и была тесно связана с природной и этнической окружающей средой.

Традиционная мордовская кухня зависела от продуктов, получаемых в хозяйстве, а также от основных занятий — земледелия и животноводства. Кроме того, мордва использовала продукты собирательства, рыболовства, охоты и пчеловодства. В лесах и оврагах, на лугах собирали грибы, орехи, малину, щавель, землянику, клубнику, чернику, хмель и др. К древним агрикультурам, традиционно возвышавшимся мордвой, относились полба, овес, ячмень, гречиха, рожь, пшеница, горох, чечевица. Из овощей в разное время в мордовскую кухню входили капуста, огурец, лук, чеснок, редька, репа, морковь, свекла, тыква, помидор, перец, редис и др.

Мордовское население Петровского района широко употребляло хлеб. Пекли его из кислого теста на закваске, замешивая с вечера. В качестве закваски применяли старое тесто, реже — хмель, а позднее — самодельные дрожжи. Закваска хранилась обычно в той же посуде, в которой ставили тесто, или в небольшом глиняном горшке. Как рассказывала жительница с. Новодубровка, «раньше хлеба пекли много — по 6 караваев, иногда каждый день или

МАХАЛОВ Сергей Анатольевич, аспирант отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

через день, так как семьи были большие»¹. Помимо хлеба, выпекались разнообразные изделия, составлявшие повседневную, праздничную и обрядовую пищу: пироги, пышки, лепешки, ватрушки (сюкорт). В с. Новозахаркине в сюкорт добавляли ой анокст (остатки от растапливания сливочного масла)². Наиболее древним видом выпечки были различной формы небольшие лепешки из пресного теста, чаще всего они были сдобные.

Пироги (прякат) выпекали преимущественно из кислого теста с различной начинкой. Следует отметить, что пироги с разнообразными начинками мордва Петровского района называла курниками. В качестве начинки использовали картофель, капусту с яйцами и луком, морковь, грибы, фрукты, ягоды, свеклу, реже — мясо. Как писал А. А. Гераклитов, мясо для пирогов мордва предпочитала заячье (нумулонь пряка)³. Употреблялась и рыбная начинка. В с. Новозахаркине также пекли пироги с ливером⁴. Начинкой свадебных пирогов (лукш) были пшенная каша, сваренная на молоке, а также яйца, мясо. Сверху пирог украшался фигурами из теста, веткой дерева, лентами, бумажными цветами⁵. Кроме пирогов, в праздники выпекали небольшие открытые лепешки с начинкой. В качестве начинки использовались молочная пшенная каша, картофель, творог и др.

Праздничным изделием были орешки, которые часто пекли на Рождество, Крещение. Например, в с. Оркине их готовили из сладкого теста, в которое добавляли муку, соль, сахар, соду и сливки⁶. В селах Новозахаркино и Колки орешки (цетнат) пекли на старый Новый год⁷. На Масленицу в с. Новодубровка пекли «коньки» (внешне выпечка напоминала коньки) из того же теста, которое месили для хлеба; на Вознесение — «лестницы». В селах Колки и Новодубровка в середине Великого поста (в среду) пекли «кресты». В них клали щепки, копейки. Если кому-то попадался крест с щепкой, то тот в скором времени мог умереть, а если копейка — будет богатым⁸.

Любимое блюдо мордвы Петровского района — блины (пачалксеть, пачат) из ржаной, пшеничной, пшенной, гороховой муки. Выпекались блины, как правило, толстыми. Особенно любила мордва пшенные блины, которые выпекали из размолотого пшена или на жидко сваренной пшенной каше. Ели блины с молоком и маслом. Для того

чтобы блины были мягкими и пышными, в тесто добавляли крахмал или мятый вареный картофель. Позднее широкое распространение получили и тонкие блинчики. Бытовали у мордвы и яичные блины (ал пачалксетъ).

Важное место среди традиционных кушаний занимала лапша. Готовили ее на воде или молоке из ржаной муки, позднее — из пшеничной муки или крахмала с добавлением муки. Жидкую массу выливали на горячую сковороду и ставили в печь, полученный тонкий пропеченный блин резали на мелкие полоски. В селах Савкино, Синенькие и Новодубровка из домашней лапши готовили «лапшенник». Для этого нарезанную на полоски лапшу складывали в чугунок, добавляли яйца, сметану и ставили в горячую печь⁹. Это блюдо было также характерно для мордовского населения с. Бегучи Петровского уезда¹⁰.

Из пресного теста мордва готовила салмат: из кусочков теста скатывали шарики и бросали их в кипящую воду. Готовое блюдо заправляли молоком, маслом, а также яйцами, сбитыми с молоком. Мордовское население в прошлом готовило салму трех видов: полбяную, гречневую и гороховую. У мордвы Петровского района отмечено два вида салмы: постная (она готовилась без мяса в постные дни — среду и пятницу) и непостная (с мясом).

Повседневным кушаньем была каша. Она входила в праздничную и обрядовую пищу. Ее готовили из полбы, чечевицы и гороха. Широко использовалось для каши пшено. Каши варили крутыми, ели их с маслом или молоком. В с. Новодубровка из пшенной каши жарили гренки. Для этого пшено варили на молоке, добавляли сливочное масло, яйца и жарили как оладьи¹¹. Молочная пшенная каша, обильно сдобренная маслом, была обязательной пищей на крестинах. Без каши не обходилось ни одно семейное и общественное моление, с ней было связано специальное моление «бабань каша» в с. Оркине. Такая каша считалась символом плодородия.

Распространенным кушаньем были кисели, приготовленные из овса, гороха или ржи. Для приготовления овсяного киселя использовали толокно, которое замешивали на воде, давали отстояться, затем процеживали и варили с добавлением соли. Позднее с распространением картофеля стали готовить крахмальный кисель. По сведениям информатора

из с. Оркина Е. М. Байкиной, такой кисель она начала варить с 1959 г. В качестве окраски для киселя использовала джем из черной смородины¹².

Сравнительно редко мордва употребляла в пищу пельмени. Их можно отнести к числу сезонных блюд. Для начинки использовались каша, картофель, капуста, мясо. В с. Синенькие их готовили еще из творога (топонь прякат)¹³.

Важное место в пище мордвы занимал картофель. Его обычно отваривали в кожуре, затем чистили и толкли, добавляя масло, молоко, сливки. Иногда толченый или нарезанный картофель обжаривали или тушили в печи. Его ели с рассолом, огурцами, капустой и грибами. Из картофеля, капусты, щавеля варились щи.

Много рецептов из картофеля дали информаторы из мордовских сел Петровского района. В с. Оркине готовили блины из тертого картофеля (катфань пачалксетъ). Для этого его натерли на терке, добавляли в эту массу яйца, муку, соль и жарили как блины¹⁴. В селах Новозахаркине и Оркине готовили также «тротики» («терники»). Для приготовления этого блюда натерли картофель, затем перекладывали все в чугунок, добавляли яйца, сметану, соль, перемешивали и ставили томиться в горячую печь¹⁵. По рассказам жителей, в с. Синенькие был распространен «картовник» (в мятый картофель добавляли яйца и сметану)¹⁶.

Летом употребляли в основном дикорастущие ягоды: малину, ежевику, рябину, землянику, черемуху, особенно калину, которая служила начинкой для пирогов, а смешанная с пшеном — для приготовления каш. Ягоды также сушили на зиму, варили варенье. В с. Новозахаркине на зиму заготавливали компот из терна. В настоящее время мордва Петровского района в больших количествах выращивает черную смородину, которую не только употребляет в пищу, но и продает¹⁷.

Большую роль в питании мордвы играли грибы, которые заготавливали на зиму. Их добавляли в супы, жарили с картофелем. Повсеместно собирали маслята, опята, шампиньоны, грузди, подберезовики и др.¹⁸ По словам А. А. Нервяткина, весной, когда собирали сморчки, первый гриб всегда съедали (с солью) с целью найти больше, а также на веточки деревьев вешали кусочки хлеба, чтобы птицы склевали, тогда обязательно собирали много грибов и ягод¹⁹.

Мясные продукты в меню мордовского народа занимали сравнительно небольшое место. Они широко бытовали в праздничной и обрядовой пище. Мордва употребляла мясо многих диких и домашних животных и птиц. Его жарили, варили, тушили. Кровь животных использовалась при приготовлении домашней колбасы. В пищу употребляли и внутренности животных (потроха). Например, в с. Синенькие мордва любит вареные куриные желудки (пуярма)²⁰. Кишки, например, после чистки и мытья либо просто варили в горшке, либо начинали пшенной кашей или картофелем и жарили на сковороде. Из внутренностей и кишок также готовили пельмени (сюлонь пряки). Интересный способ приготовления домашней колбасы (турбухи) сообщила Н. Л. Шнякина из с. Оркина: «Мясо, разные внутренности животных, лук пропускали через мясорубку, солили, перчили и набивали в кишки. После этого варили в подсоленной воде до готовности»²¹. Кроме того, в колбасную начинку иногда добавляли яйца, манку и немного желатина. Обычно такую колбасу готовили на Рождество и Пасху.

Любимым мясным блюдом считалась селянка. Ее готовили в день, когда резали домашний скот. Как правило, на селянку приглашали родных или соседей. Для этого блюда использовали в основном субпродукты (печень, сердце, легкие), добавляли немного свежего мяса, картофель. Все это варилось в чугунах в печи, а потом подавалось на стол в общей чашке. Широко распространен был холодец (стюдень). Готовили его, как правило, из говядины и свинины: головы, ног, хвоста и ушей животных.

Говядину, баранину и свинину заготавливали впрок несколькими способами. Широко было известно соленье свиного сала: мясо, не отделяя от костей, закладывали в кадушку кусками от 1 до 1,5 кг и пересыпали солью. Хранили мясо в замороженном и копченом виде. Например, в с. Оркино для этого свиное сало заливали кипяченой водой, добавляли соль, перец, лавровый лист и оставляли на неделю. Затем коптили в русской печи или бане. В качестве дров использовали осино́вые, яблоневые или вишневые ветки²².

Важное место в питании мордвы занимало молоко (ловцо). Из него делали сыр, масло, творог. Весьма широко оно использовалось для приготовления кислого молока (чапама ловцо). Некоторые готовили его из снятого кипяченого

или топленого молока, которое охлаждали до температуры парного и смешивали с закваской — старой простоквашей. Выдержав молоко в теплом месте до загустения, его выносили в погреб. Кислое молоко ели с хлебом, картофелем, кашами, подавали к блинам²³, а в парное молоко добавляли кусочки хлеба и называли это блюдо «тюря». Оно было распространено повсеместно и считалось детским питанием.

Существенное значение в традиционном питании мордвы имели куриные яйца (ал). Яйца пользовались у мордвы особым почетом. Они обычно шли на продажу. Кроме того, из них готовили обрядовую еду, ими кормили детей, угощали гостей, приносили в качестве лакомства детям. У мордовского населения известны печеные, вареные всмятку и вкрутую яйца. Готовили яичницу с молоком. Они также были в качестве приправы в суп, к картофелю, рыбе и т. д.

Мордва издавна употребляла в пищу рыбу (кал). Из свежей рыбы готовили первые (уха) и вторые блюда. В качестве второго блюда рыбу жарили на сковороде на растительном масле, немного приправив луком, а также с добавлением яиц (жаряф кал ал марто)²⁴. Особую роль рыба играла в период поста. В скоромные дни она также являлась одним из основных и необходимых блюд крестьянского стола.

Из напитков, употребляемых мордвой, следует отметить брагу, квас, пиво и соки. Наиболее древним напитком мордвы, как и других земледельческих народов, была брага, входившая в состав обрядовой пищи. Процесс приготовления браги был трудоемким и требовал особых навыков. Делали ее из ржаной муки, позже — из красной или белой (сахарной) свеклы. Для придания ей коричневого цвета в солому при фильтровании добавляли зверобой или стебли конопли. Для приготовления браги из ржаной муки сначала готовили солод из проросших, затем из пареных и высушенных в печи зерен ржи, которые перемалывали на ручных жерновах или толкли в ступе. Солод смешивали в определенных пропорциях с ржаной мукой, заливали холодной водой и ставили в чугунах в печь на два-три дня. Полученный раствор сливали в специальную кадушку с краном в нижней части. После добавления в него лузги, обычно от проса или гречихи, раствор перемешивали, вновь разливали по чугунам и ставили в жаркую печь, чтобы масса загустела, покрылась бурой коркой. После вторичной выдержки смесь

выкладывали в кадушку и заливали кипятком. Остывшее сусло процеживали и добавляли закваску²⁵. Праздничным хмельным напитком было пиво, способ приготовления которого почти тот же, что и браги. Получали его из ячменной или ржаной муки. Как правило, для пива использовали муку из солода.

Широко бытовал в народе хлебный квас (боза). Для этого подсушенные ржаные хлебные сухари заливали водой и заквашивали хлебной закваской. Готовили хлебный квас и с добавлением картофеля, который для этого отваривали, толкли с ржаными сухарями, заливали кипятком, добавляли закваску и ставили в теплое место на несколько дней. Мордва делала квас и из свеклы, которую сначала парила в чугуне в русской печи. Когда свекла становилась темно-красного цвета, заливали закваску, через два дня квас был готов к употреблению²⁶. Квас широко использовали для приготовления различных холодных первых блюд. Однако в повседневной пище мордвы он часто заменялся брагой²⁷. А. Ф. Мигачева, информатор из с. Оркина, отмечала, что бозу обязательно готовили на такие большие праздники, как Рождество, Пасху, Троицу, а также всегда брали с собой на кладбище для поминания умерших.

На большие праздники мордва делала «вино» (самогон) из сахарной свеклы, которое ставила в больших бочках на 20 ведер. Вместо дрожжей использовали домашнюю закваску из хмеля и ржаной муки. Примерно через неделю эту бочку закрывали герметично и затем где-нибудь в овраге вырывали глубокую яму, ставили бочку на кирпичи и гнали самогон. Особенно много самогона готовили для свадеб²⁸.

Изучение традиционной пищи и напитков мордвы свидетельствует о том, что их состав зависел от направленности хозяйственной деятельности этноса и этнокультурных связей. Существенный отпечаток на питание накладывали религиозные взгляды. Они не только регулировали процесс питания, но и санкционировали отдельные праздничные и обрядовые кушанья. Важную роль в этом играли семейные традиции, община.

Будничное питание мордовского крестьянина в прошлом было однообразным и бедным, особенно во время частых постов. Лишь в воскресные дни и в большие праздники пищу старались разнообразить: пекли блины и пироги, готовили

пельмени, делали яичницу. Пищу принимали три раза в день. В 8—9 ч утра ели суп или картофель в мундире и кашу. Обед состоял из щей с кислой капустой, каши или лапши. На ужин подогревали оставшиеся от обеда блюда или варили картофель. Пищу готовили на весь день утром в печи, которую топили один раз. Варила пищу свекровь, а в больших семьях ей помогали молодые снохи.

Праздничную и обрядовую еду можно разделить на две группы: приуроченные к определенным календарным праздникам и моментам жизненного цикла (рождение, свадьба, похороны). Календарные праздники у мордвы подразделялись на четыре группы по времени года: зимние, весенние, летние и осенние. Для их выделения использовались определенные вехи хозяйственной деятельности, например, пахота, сев, выгон скота на пастбище, первый вылет пчел, уборка урожая и т. д. Для того или иного праздника был характерен определенный набор продуктов. Так, народные гадания в праздниках зимнего цикла были направлены на угадывание той культуры, которую необходимо посеять, чтобы в достатке содержать семью. Поэтому в рождественский сочельник варили кашу из нескольких сортов зерна. Ко дню посева готовили богатый ужин, обязательной считалась густая пшенная каша. Это поверье, характерное для всех земледельческих народов, выражало важное желание крестьян: посевы ржи, пшеницы, полбы должны быть такими же чистыми и густыми, как каша. Повсеместно в мордовских селах Петровского района под Новый год в каждом доме выпекали орешки из пшеничного теста, жарили поросенка, гуся или курицу. На Рождество, по мнению информаторов с. Оркина, обязательно готовили холодец, копченое сало, пшенную кашу, блины, пироги с разной начинкой. В качестве начинки использовали варенье из яблок и смородины, капусту²⁹. На Крещение пекли из теста фигурки лошадок, коров, кур и др.³⁰; в марте (9 марта по старому стилю) пекли «жаворонков», а также различных «птичек», примерно через месяц после поста — «кресты», а на Вознесение — «лесенки». На Масленицу сохранился обычай печь блины, на Пасху — делать кулич и творожную пасту с изюмом (пасха), красить яйца и др.

Обрядовые блюда мордвы отличались большим разнообразием, хотя многие компоненты, связанные с их приго-

товлением, в настоящее время утрачены. Несмотря на это, хлеб был и остается необходимым атрибутом, например, на свадьбе, родине. С хлебом у мордвы издавна связывалось представление о богатстве, благополучии и счастье. Он фигурировал во всех обрядах и молениях. Например, у мордвы в субботу или пятницу накануне свадьбы приходили «есть хлеб» (кшида ярхцама). После гражданской регистрации или венчания новобрачных обязательно встречали традиционно хлебом-солью, что являлось символом благополучия молодой семьи. Часть родственников сопровождали молодых в дом, осыпая их зернами пшеницы и хмелем.

Большим разнообразием в обрядах жизненного цикла отличались пироги и блины. На свадьбу пекли пироги (открытые и закрытые) из дрожжевого теста с различной начинкой: овощной (тыква, свекла, морковь, картофель), мясной, грибной, рыбной, ягодной (земляника, калина, малина), а также с использованием различной крупы и творога. Пшенная каша, старинное блюдо мордвы, фигурировала во всех обрядах и на праздниках. Молочная пшенная каша, обильно сдобренная маслом, была обязательной пищей на крестинах. Ее подавали на стол прямо в горшке после всех блюд.

Устойчивы блюда похоронно-поминального стола — блины и кутья, приготовленная из риса и изюма без косточек с добавлением меда. В качестве других обязательных блюд на поминки готовят щи, лапшу на мясном или грибном бульоне, а также кашу и компот.

Заметное влияние на повседневную и празднично-обрядовую пищу мордвы оказала христианская религия. Большинство мордвы и в настоящее время соблюдает посты в течение всего года. Как и в прошлом, в настоящее время во время поста частыми блюдами на столе являются постный суп, кисель, хлеб, каша, вареные и сырые овощи (отварной картофель с маслом, соленая капуста), т. е. в основном растительная пища. Рыбу же можно есть только в период некоторых праздников (Вербное воскресенье, Благовещение, Преображение и др.). Посты, как правило, соблюдают пожилые люди, хотя в последнее время это явление отмечается и среди молодежи.

У мордвы с давних пор большая часть посуды и утвари для приема, хранения пищи и переработки пищевых про-

дуктов делалась из глины, дерева, лыка. Металлическая утварь (самовары, сковороды, котлы, чугуны, ведра, ухваты), а также стеклянная (стаканы, рюмки, бутылки), фаянсовая (чайные чашки и блюда) посуда были фабричного производства. Самым распространенным материалом для изготовления утвари у мордвы являлось дерево. Повсеместно среди мордовского населения бытовала цельнодолбленная, долбленная со вставным дном, клепаная, шивная, плетеная, обточенная на токарном станке деревянная утварь. Ее использовали для хранения продуктов, приготовления пищи и напитков, приема пищи, транспортировки и хранения готовых кушаний, напитков.

Для хранения продуктов (муки и крупы) использовались деревянные кадки (чувтонь парь). Зерно и муку хранили в амбарах, чуланах, сенях, ссылая в сусеки или лари. В небольших количествах муку и крупу держали в кузовках с крышкой, изготавливаемых в лесных местах из липовой коры, сшитой лыком. При переработке пищевых продуктов широко использовалась деревянная долбленная и бондарная утварь. Чтобы переработать зерно в крупу, применяли домашние зернотерки (кэдьсэ кев). Обдирку крупы и ее измельчение в муку производили и в ступах (човар). Их делали из толстого обрубка дерева, чаще в форме рюмки. Ступу иногда обтягивали у основания железным ободком. Пест (петькель) представлял собой толстую палку с утончением посередине, нередко с металлическим наконечником. Для замеса теста использовали корыто (очко). Тесто ставили в квашне (чапакс парь, кши парь). Для черпания и пересыпания муки и зерна повсеместно применяли деревянные лотки (лоток). Их выдалбливали из разрубленного вдоль ствола дерева, вырезая черенок вместе с корпусом. Для просеивания муки применяли сито (сувтеме). Сита изготавливали разных форм: круглые из волос конского хвоста и квадратные из тонкой проволоки. Эта деревянная утварь была распространена повсеместно во всех мордовских селах Петровского района.

Для разливания горячих готовых блюд использовали половники, напоминавшие по форме ковши, а также большую ложку, на конце которой имелся крючок или отверстие для подвешивания. Из дерева вырезали ложки небольших размеров с округлой или продолговатой головкой и круглой или плоской ручкой. Повсеместно пользовались долбленными

ковшами (каръхят), представлявшими собой различного объема чаши с удлиненной ручкой. Из них пили, ими черпывали и наливали воду или разливали другие жидкости, насыпали муку и крупу. В мордовских семьях жидкие блюда подавались к столу в глубоких (разных размеров) деревянных чашках (вакат).

Из долбленых изделий со вставным дном были распространены кадки (парь), бочонки (боцька), ведра (ведра), лохани (лахань), подойники (потявтомо ведра), маслбойки (пивтень парь), которые имелись в арсенале каждой мордовской семьи. Их в основном применяли для приготовления и хранения продуктов, реже — для их переноски. В больших бочках квасили овощи, мочили яблоки, засаливали грибы. Капусту солили в кадушках из липы³¹. Для обработки капусты и разделки мяса также использовали деревянное корыто. Для изготовления кваса брали специальную липовую кадушку, которая имела сбоку выше дна на 10—20 см отверстие — спуск с деревянной затычкой в палец толщиной. Пиво и брагу хранили в корчагах, глиняных кувшинах. Напитки подавали на стол в горшках, а пили из кружек.

Для сбивания сливочного масла использовали цилиндрическую кадушку (пивтень парь) высотой 60—80 см и диаметром 25 см. Внутри кадушки помещался стержень с кружком на конце. Для более свободного движения сметаны в кружке проделывались отверстия. Сверху ее прикрывали крышкой с отверстием, которая играла роль направляющей при движении стержня с кружком.

Разнообразием отличалась утварь из лыка, лозы, соломы, предназначенная для хранения и переноски продуктов. Корзины, кузова и кузовки применялись для сбора грибов, ягод, хранения зерна, муки и других продуктов. Распространенными были заплечные кошель (кошель), представлявшие собой лыковые сумки с крышками в форме четырехугольной коробки из двух половинок, свободно вмещавшихся одна в другую. Они удобны тем, что носились через плечо и использовались в основном для переноски продуктов питания.

Заметное место в кухонном инвентаре мордовских крестьян в прошлом занимала гончарная посуда, которая отличалась особым разнообразием: горшки различных размеров, крынки, кружки и крышки, корчаги для хранения зерна, молока, варки пищи и с отверстиями на боках для

сцеживания молока. Она применялась в основном для приготовления пищи в печи и подачи ее на стол, иногда и для засолки, квашения овощей. По словам информатора из с. Новозахаркина, горшки в это село привозили из Пензенской области³².

В каждой мордовской семье имелся печной инвентарь, в состав которого входили чугуны различного объема, сковородки, ухваты, каток для печи, деревянная лопата, помело, кочерга. В каждом хозяйстве имелся набор ухватов различных размеров для подхватывания горшков, чугунов, которые ставились в печь.

В состав столовой посуды входили чаши, миски, ковши, ложки, солонки. Для чаепития почти в каждой семье были самовары.

Полевые материалы свидетельствуют о соблюдении мордовским населением края правил и норм гигиены питания. Обязательным требованием для женщин, занимавшихся приготовлением пищи, было наличие головного убора (платка) и передника. Следили за чистотой рук, использовали только чистую воду. Большое значение имели гигиенические требования по уходу за посудой. Самовары, чугуны и другую домашнюю утварь тщательно чистили и скоблили, отмывая ее золой, речным песком, кирпичом, весной и летом — крапивой. Готовясь к праздникам, посуду очищали питьевой содой, мылом. Мордва Петровского района летом сушила посуду на улице и прокаливала ее на солнце. Для длительного хранения продуктов использовали погреб, который весной набивали кусками льда или снега.

В настоящее время традиционная утварь фактически исчезла из обихода. Лишь в отдельных семьях сохранились кадки, лари, маслбойки, корытца, лопаты, ступы, жернова, крынки и горшки для молока и масла. Для приготовления теста стали применять металлические ведра, а жидкие продукты хранить в стеклянной и металлической посуде. В обиход вошли кастрюли, сковороды различных размеров. С внедрением новых гигиенических привычек появились наборы тарелок, индивидуальные приборы, сервизы. В современный быт прочно вошли электрические и газовые приборы. В новых домах отсутствуют печи, а сохранившиеся используются в основном для отопления, однако к праздникам в них пекут пироги и другие изделия из теста.

Изменения в пище и утвари были тесно связаны с социально-экономическими и культурными преобразованиями в жизни мордвы. В то же время на формирование традиционных блюд оказали влияние межэтнические связи мордвы с другими народами, особенно с русским. Интенсивность замены традиционных блюд городскими зависела от состава и типа семьи, возраста и т. д. Сегодня в рацион вошли покупные продукты (колбаса, сахар, чай, кондитерские изделия, фрукты и др.), а также национальные блюда других народов (плов, шашлык, беляши и др.). Увеличился ассортимент овощей. Наряду с овощами, использовавшимися в мордовской кухне, появились новые овощные блюда и закуски: кабачковая икра, фаршированный перец, овощные голубцы, морская капуста и др.

Таким образом, мордва на протяжении столетий обогащала свою пищу новыми блюдами, напитками, сохранила следы разностороннего взаимодействия этноса с другими народами. Однако традиционные вкусы, предпочтения народа, выработанные им на протяжении веков, способствовали созданию своей национальной культуры питания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПМА (полевой материал автора): Маркелова Раиса Васильевна, 1932 г. р., с. Новодубровка, записи 2008 г.

² ПМА: Дорофеева Анна Ермолаевна, 1929 г. р., с. Новозахаркино, записи 2008 г.

³ Гераклитов А. Мордва в Саратовской губернии // Саратов. губернские ведомости. 1854. № 8. С. 11.

⁴ ПМА: Климова Екатерина Павловна, 1928 г. р., с. Новозахаркино, записи 2008 г.

⁵ ПМА: Мигачева Анна Федоровна, 1939 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.

⁶ ПМА: Цаплина Мария Ивановна, 1941 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.

⁷ ПМА: Дорофеева Анна Ермолаевна ...

⁸ ПМА: Учаева Мария Васильевна, 1928 г. р., с. Новодубровка, записи 2008 г.

⁹ ПМА: Лаврентьева Галина Трофимовна, 1942 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.; Садкова Надежда Васильевна, 1937 г. р., с. Савкино, записи 2008 г.; Учаева Мария Васильевна ...

¹⁰ По Петровскому уезду (из отчета об этнографической экспедиции в 1923 году) // Тр. Общества истории, археологии и этнографии при Саратов. ун-те. Саратов, 1923. Вып. 34. Ч. 1. С. 12.

¹¹ ПМА: Цаплин Михаил Иванович, 1934 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.

¹² ПМА: Байкина (Иргискина) Елена Михайловна, 1940 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.

¹³ ПМА: Архипова Валентина Сергеевна, 1940 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.

¹⁴ ПМА: Забудлаева Анастасия Ивановна, 1919 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.

¹⁵ Дорофеева Анна Ермолаевна ...

¹⁶ ПМА: Парамонова Нина Максимовна, 1939 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.

¹⁷ ПМА: Климова Екатерина Павловна ...

¹⁸ ПМА: Она же; Мигачева Анна Федоровна ... ; Федоров Андрей Алексеевич, 1954 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.

¹⁹ ПМА: Неревяткин Анатолий Андреевич, 1955 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.

²⁰ ПМА: Рябинина Любовь Викторовна, 1959 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.

²¹ ПМА: Шнякина Нина Лаврентьевна, 1941 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.

²² ПМА: Цаплина Александра Андреевна, 1931 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.

²³ ПМА: Луконина Таисия Даниловна, 1939 г. р., с. Савкино, записи 2008 г.

²⁴ ПМА: Корсакова Александра Александровна, 1930 г. р., с. Савкино, записи 2008 г.

²⁵ ПМА: Мигачева Анна Федоровна ...

²⁶ ПМА: Цаплина Мария Ивановна ...

²⁷ ПМА: Шнякина Нина Лаврентьевна ...

²⁸ ПМА: Мигачева Анна Федоровна ...

²⁹ ПМА: Шнякина Нина Лаврентьевна ...

³⁰ ПМА: Садкова Нина Кузьминична, 1940 г. р., с. Савкино, записи 2008 г.

³¹ ПМА: Цаплин Михаил Иванович ...

³² ПМА: Климова Екатерина Павловна ...

Поступила 28.03.11.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ: ОТ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ДО РЕГИОНАЛЬНОГО»

Председатель — Н. И. Воронина, заведующая кафедрой культурологии, этнокультуры и театрального искусства Мордовского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

Секретарь — А. В. Индриков, аспирант кафедры культурологии, этнокультуры и театрального искусства Мордовского государственного университета.

Культура представляет собой сложное образование, отражающее многогранную и противоречивую природу человека. В известном смысле между ними существует тождество: человек запечатлевается в культуре, культура постигается через человека. Как неиссякаемы сами феномены культуры, так и многоаспектны размышления о них; чем многограннее подходы к осмыслению культурных явлений, тем богаче контекст. Проблемы культурных практик, избранные для обсуждения на круглом столе, мы объединили в три блока: фундаментальные вопросы теории и истории культуры, традиции русской культуры и разнообразные аспекты финно-угорского мира, особенно Мордовии. Каждый элемент культуры функционально необходим для удовлетворения определенных человеческих потребностей. Поэтому элементы культуры рассматриваются с точки зрения их места в целостной культурной системе и постоянном поиске значений и смыслов.

Фундаментальные проблемы теории и истории культуры

М. В. Логинова,
доктор философских наук, профессор

Проблема инновации в культуре

Соотношение традиции и инновации является актуальной проблемой, связанной с осмыслением бинарных оппозиций в культуре (старое / новое, статика / динамика, классика / неклассика и др.).

В культурно-историческом опыте человечества или традиция «снимает» инновацию, или происходит «растворение» традиции в инновации. В соответствии с этим в культурологии различают традиционную и техногенную цивилизации,

представленные многообразием конкретных видов общества (А. Тойнби). Если в традиционном обществе инновация соответствует традиции, то в техногенной культуре ее переоценивают, социальные изменения «раскручиваются» с огромной скоростью, экстенсивное развитие истории заменяется интенсивным, пространственное существование — временным. Здесь резервы роста черпают за счет перестройки оснований прежних способов жизнедеятельности и формирования принципиально новых возможностей.

Эти противоположности проявляли себя в культуре исторически, по мере преодоления традиционного общества. Античная культура, европейское средневековье, Ренессанс, Новое время сделали ставку на абсолютизацию инновационно-преобразовательного отношения человека к миру. Выход за пределы традиции и сдвиг в сторону инновации, очевидно, впервые был осуществлен Ф. Шлегелем в лекциях 1827 г. о «Философии жизни» и «Философии истории». Он настаивал на том, что предмет философии — это жизнь во всей ее полноте. Именно полнота жизни вместе с полнотой сознания, вовлеченного в жизнь, исторические инновации привлекали внимание романтиков и противопоставлялись культуре как традиции.

Продолжением абсолютизации инновации стали «повороты» и «перевороты» (техногенные, лингвистические, коммуникационные), в результате которых человек стал претендовать на трансцендирование за пределы бытия, несмотря на его неисчерпаемость. Отметим, что основанием этого процесса является приравнивание мира в целом к конкретной вещи или системе, когда кажется возможным выход за пределы бытия. Для определения такого состояния в постмодернистской культуре появились концепты трансгрессии (преодоление непреодолимого предела) и симулякра (копия копии).

В современной отечественной литературе сущность инновации в культуре видят в выходе деятельности за пределы природности и социальности посредством указанных переворотов. Прежде на такое трансцендирование претендовали религия и идеализм, в наше время — технология, теория коммуникации, металингвистика (лингвокультурология). В результате вместо объединения традиции и инновации утверждается отчуждение инновации от традиции, а это чревато тем, что люди лишаются своего пространства бытия.

Н. И. Воронина,
доктор философских наук, профессор

Философское «собрание» человека как концепт информационного пространства «культурных гнезд»¹

Формирование информационного пространства, где происходит философское «собрание» человека в его взаимоотношениях с объектами, является фундаментальной культурно-философской проблемой. Для ее решения необходимы исследования на двух уровнях: теоретическом, представившем философское измерение и ценностную шкалу феноменов, а также прикладном (программы и проекты сохранения и использования «культурных гнезд» как очагов культурно-исторической памяти народа). В них качество человечности обнаруживает себя наиболее полно и сущностно. Созданные человеком, они показывают, что человек — существо активное, деятельностное, склонное к целенаправленному преобразованию среды обитания, а также существо социальное. В феномене «культурных гнезд» эти идеи представлены в предельной форме через теоретические и прикладные координаты «культурных гнезд», «собрание» человека, «аксиологическую шкалу», «информационное пространство», многозначность концепта и др. с приоритетом философии культуры и философской антропологии; дифференцированные уровни культуры «гнезд», стиль жизни и проблемы самоидентификации личности в условиях антропогенной среды; пути реставрации «духовидцев» «культурных гнезд» и др.

Концепт философского «собрания» человека предназначен для обозначения уникального, лично наполненного корпуса текстов культуры, скрепленных информационным пространством «культурных гнезд», и может рассматриваться как важный материал для воссоздания портрета не только самого владельца, но и культурно-исторической эпохи его времени.

Современная культурфилософия и культурология толкует понятие «культурное гнездо» достаточно широко как некую совокупность событий, имен, явлений, тенденций, объединенных в границах общего пространства и времени, но в то же время четко ограничивая их. Разные исследователи в качестве «культурного гнезда» рассматривают край (регион)

в целом и отдельные его территории (уезды, города, села, усадьбы и пр.). Важно, чтобы то или иное «культурное гнездо» (или их совокупность) воспринималось не изолированно, а в тесной и неразрывной связи с судьбами края и всей культуры России.

«Культурное гнездо» является результатом и объектом творческой деятельности человека. В нем сосредоточены практически все виды деятельности. Так как деятельность носит совместный характер, является со-деятельностью, то «культурное гнездо» выступает квинтэссенцией социальности. Таким образом, «культурное гнездо» представляет многомерную конструкцию, в которой своеобразно сочетаются жизнь человека, способы ее авторской интерпретации, прагматическая адресация и другие специфические признаки.

«Собрание» человека обеспечивает рефлексия бытия на уровне ее образов, символов, ценностей, норм и целей. Оно потенциально содержит в себе совокупность сущностных предназначений, фундаментальных оснований и смыслов человеческой жизни. Философское «собрание» человека, который и выступает в качестве концепта, предполагает рассмотрение его с точки зрения многомерности, полифункциональности, проявляющихся в инновационных идеях и креативности. Культурфилософию данный концепт интересует, прежде всего, как способ существования человека в своей «мекке», как конкретное смыслообразование, как общечеловеческая ценность. В культуре «гнезд», независимо от их исторических и региональных особенностей, можно выделить всеобщие субстанциальные и функциональные элементы, без которых невозможно существование информационного пространства.

Для Мордовии такими «культурными гнездами» являются усадьба (парк, каскад прудов, фундамент дома, колокольня домашней церкви, некрополь) Н. П. Огарева в с. Старое Акшино (Старошайговский район Мордовии); комплекс документальных источников, легенд и воспоминаний о музыкально-просветительской деятельности В. С. Серовой в с. Судосево (Большеберезниковский район Мордовии); малая родина С. Д. Эрзы — с. Баево (Ардатовский район Мордовии); комплекс объектов, документов, фотографий, свидетельств, воспоминаний, связанных с жизнью и деятельностью М. М. Бахтина в г. Саранске; культурно-исторические памят-

ники в Санаксарском монастыре и с. Алексеевка (Темниковский район Мордовии), связанные с именем Ф. Ф. Ушакова, и др. Эти и другие культурно-исторические объекты до настоящего времени не имеют сформированной программы их восстановления и включения в культурно-туристический комплекс Поволжья и России в целом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ. Проект № 11-03-00040а.

С. В. Фунтиков,
аспирант кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства

Представления о пространстве: от «пустоты» до «творения»

Говоря о истории развития представлений о пространстве, принято выделять две концепции пространства. Согласно первой концепции, пространство — бесконечноеместилище вещей, арена движения тел (Демокрит, Лукреций, Эпикур). Сущее рассматривалось как совокупность множества неизменных по форме и величине частиц — атомов, образующих при сцеплении друг с другом все многообразие тел природы. «Пустое» и «полное» — это два неразрывно связанных понятия: атомы (абсолютно «полное») могут существовать лишь в абсолютно «пустом» пространстве-местилище¹.

Согласно второй концепции, выдвинутой Аристотелем, случайные сочетания неизменных частиц не могут обусловить качественное своеобразие и целостность вещей, их специфические закономерности. Хотя материя является субстратом вещей, однако движущее, активное начало есть форма. Отрицание атомизма привело к отрицанию пустого пространства. Отсюда вытекал вывод, что пространство — это совокупность мест, которые занимают тела.

Первый, наиболее важный элемент модели пространства, древние видели в борьбе космических сил, находящихся в ограниченном объеме, причем каждая сила представлялась в образе того или иного божества. Другой важный элемент модели — неразличимость пространства и времени. Мифологическое сознание требует определения «здесь — теперь».

Третий элемент — наличие центра пространства (мировое дерево, священный город, гора, храм и т. п.), от которого в момент творения и начинается разворачивание пространства, происходит его развитие через развитие упорядоченных материальных и духовных объектов. Четвертый элемент модели пространства древних — социализированность пространства через наполнение его сакральными символами, связанными с судьбой отдельной личности или социальной группы².

Таким образом, пространство древних имеет определенный центр, границы, составные части, связанные с землей и небом. Оно лишено непрерывности, сплошной протяженности, неоднородно и анизотропно. В настоящее время происходит обобщение взглядов на пространство, выработка единой теории, пытающейся объединить пространства микро-, макро- и мегамира. Разрабатываются теории, описывающие различные формы пространства, соответствующие формам движения материи. Кроме того, мы имеем синтез двух предшествующих этапов развития представлений о пространстве (классического и мифологического), который остро ставит проблему соотношения наших представлений о пространстве с реальным пространством мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мальцева А. Пространство как философская категория. URL: <http://filosbank.narod.ru/Fails/Temi/Htm/Prostranstvo.htm> (дата обращения: 15.11.2010).

² Там же.

И. Н. Пронина,
кандидат философских наук, доцент

Потребительские практики: производство различий или игра различиями

Потребительские практики становятся знаком современного общества и одним из определяющих векторов в конструировании идентичности. По мнению Ж. Бодрийяра, потребление представляет собой процесс «поглощения знаков и поглощения знаками». Код потребления одновременно служит и кодом идентификации, наряду с вещами потребительские практики предлагают выбор различных символов и знаков,

маркирующих идентичность. В процессе потребления происходит усвоение культурных значений идентичности: вещь навязывает определенный образ и чувство принадлежности к той или иной социальной группе.

Рассмотрение идентичности предполагает обращение к категориям тождества и различия. Именно различие позволяет отличить свою идентичность от иного. Соотношение оппозиции «Я — Другой» становится определяющим в плане возможности конструирования собственной идентичности. «Я» всегда обязано своим существованием «Другому». Потребительские практики — это один из механизмов действия культуры в режиме различия. Утрачивая реальные различия, современное общество обретает свою индивидуальность в знаках разнообразия, производимых системой потребления. Вещь дает возможность проектирования идентичности, замены ее другим образом.

Трансформируясь в «подвижное различие», человек начинает воспринимать идентичность как набор ролей, которые могут комбинироваться, меняться в течение относительно короткого времени, а также уничтожаться в случае своей неуместности или ненужности. Презентуя свою внешнюю идентичность, «персонаж» общества потребления находит свое подтверждение в символах моды, рекламы, бренда. Важное значение здесь приобретает категория границы. Проведение условной границы между «Я» и «Другой» позволяет выделиться из «неразличенности». Движение через границу в современной культуре становится нормой. Пересекая границу «Я — Другой», человек пытается обрести свою самость или переизобрести себя. Человек играет идентичностями, но и идентичность в контексте потребительского общества предстает как игра моделями вещей.

Л. А. Щипакина,
кандидат философских наук, доцент

Антирационализм и антитехнизм в контркультурном движении

Теоретики контркультуры 60-х гг. XX в. (Т. Роззак, Ч. Рейч и др.), продолжая антитехнистскую линию Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймера и др., связывали

феномен техники с всеобщей рационализацией мира, накладывающей требования всеобщности, универсальности не только на природные явления, но и на социальный мир. Причину войн, социальной несправедливости, разрушения окружающей среды они видели не просто в капиталистическом способе производства, а в основах современной цивилизации. В то время как левые политические движения, вливавшиеся в молодежный протест, пошли по пути радикализации мер борьбы, деятели контркультуры попытались утвердить «надполитичный» характер бунта, противопоставив политическому активизму «революцию в сознании». Так, для субкультуры хиппи были характерны пассивное сопротивление технократическому обществу через трансформацию сознания и чувственности (наркотики, мистика, сексуальная революция), стирание границ между работой и игрой, антиинтеллектуализм, индивидуализм, экологизм, пацифизм, стремление к достижению личной свободы от традиционных правил и норм.

Панк-культура, сохранив идею построения альтернативного общества, постаралась преодолеть ошибки предшествующей контркультуры, что выразилось в отказе от наркотиков и ориентации на конкретные дела. Для панков чужд антитехнологизм, мистицизм или идеализация архаики. Но многие из них являются сторонниками экологических движений, защитниками прав животных, веганами, противниками вивисекции; они выступают против дискриминации в любых формах. Раннему панку был присущ радикальный протест против общества, приводивший к размыванию границ между контркультурой и правонарушением, но, с другой стороны, введение «хороших» правил в вышедшей из панка стрэйт-эдж культуре привело к ее перерождению в антипанковскую субкультуру (навязывание образа жизни, сексизм, религиозное мировоззрение некоторых ее участников вовсе не совместимы с идеями панка).

С 90-х гг. XX в. активизировались антиглобалистские движения, среди которых выделяют собственно антиглобалистов, приверженцев изоляционизма и консерватизма, и левоориентированных альтерглобалистов, выступающих за стирание национальных границ. Современный антитехнизм наиболее ярко представляют феминизм, многие экологические концепции. Последователи социальной экологии считают,

что нынешний экологический кризис является продуктом капитализма, а в его условиях гармония между человеком и природой принципиально невозможна, однако они не отказываются от технических достижений и критикуют экопримитивистов за их антигуманизм, фундаментализм, призывы к разрушению цивилизации.

А. В. Индриков,
аспирант кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства

Эскапизм: предпосылки феномена и определение понятия

Появление эскапизма как культурного феномена во многом связано с реалиями постиндустриального общества, где, с одной стороны, индивида окружают образы медиасреды, комплексно интегрирующей информационные технологии в ткань культурного пространства, с другой — возрастающая ценностная ориентация на потребление и досуг. Предпосылки эскапизма вполне могут быть обнаружены укорененными в сущности и психологии человека и проявляться значительно ранее современной эпохи, но совокупность перечисленных условий в большей степени концентрируется в культуре с XX в., с чем и связано распространение эскапизма в это время и проявление внимания к нему.

Эскапизм представляет собой альтернативу существования в культурном пространстве — иллюзорную самореализацию. Возможность выбора способов и характера жизненной реализации означает, что человеком может быть избрана имитация и симуляция своей жизни, поступков вместо их переживания и осуществления в реальности, а также постепенный уход от своего подлинного существования через развлечение, пассивное потребление информации.

Усиление потребительской составляющей в культуре связано с эскапизмом в том аспекте, что жизненная активность смещается в сторону ориентации на вещи, материальное обладание ими, что приводит к неподлинности. Ж. Бодрийяр характеризует эту предпосылку феномена как страсть к бегству. С помощью вещей человек уходит от реальности, создавая свой желаемый образ.

«Новейший словарь иностранных слов и выражений» определяет эскапизм следующим образом: «(ескейпизм) (от англ. escape — бежать, спастись), попытка и стремление спрятаться от пугающей действительности в некоем вымышленном мире». Дж. Р. Р. Толкиен одним из первых напрямую затрагивает вопрос об эскапизме. Для него «побег» (escape) — это уход от враждебной человеку современности в мир фантазии как возможность сохранить нравственную чистоту и искренность, это нечто героическое.

В настоящее время представления об эскапизме не зафиксированы в строгом научном или философском понятии. Этот термин у многих на устах, но обозначаемое им явление теоретически недостаточно проработано.

Эскапизм как значимое явление в пространстве культуры возникает при взаимодействии антропологических и культурных предпосылок в современном медианасыщенном обществе. Отсюда несомненна высокая степень актуальности изучения феномена эскапизма на почве различных гуманитарных наук.

А. Д. Еремеев,
кандидат философских наук, доцент

Этническое, национальное и общечеловеческое в художественной культуре

У каждого народа под влиянием комплекса условий вырабатывается некая модель видения действительности, которая определяет своеобразие средств художественно-образного мышления. Однако специфика восприятия и последующего отражения действительности в искусстве вовсе не говорит об абсолютной исключительности «национального видения», поскольку «национальное» предстает как структура, состоящая не только из «этнического» (уникально-самобытного), но и из «внеэтнического» (сверхэтнического), приобретенного или самостоятельно выработанного.

Этнонациональные особенности искусства, выступающие довольно рельефно в характерных сюжетах, образах, приемах, формах, необходимо содержат в себе и общечеловеческие черты, например, героизм и мужество, любовь к родной земле, гуманизм и др., а также общие идеи, от-

носящиеся к сфере концептуально-образных начал модели общечеловеческого художественного мышления. Это касается и композиционных схем и жанровых структур искусства, которые в отличие от стилистики имеют ярко выраженный сверхэтнический характер.

Достоянием человечества художественное произведение становится благодаря «неисчерпаемости» и «неоднозначности» искусства. Избыточность заключенной в произведении информации и возможность извлечения из его содержания новых смыслов позволяют снимать пространственно-временные и национальные преграды. Именно по такому пути шли художественные творения титанов Возрождения, гениев реализма, новаторов и экспериментаторов авангардно-модернистского толка, в содержании которых человечество открывает и актуализирует черты, элементы и образцы, прямо согласующиеся с изменяющейся действительностью.

Характер субординации категорий «национальное» и «общечеловеческое» зависит от смысла, вложенного в их содержание. Это порождает возможность терминологической вариативности и обуславливает наличие таких модификаций, как «народное» и «интернациональное». Поскольку общечеловеческая содержательность является своеобразной мерой национального, то национально-специфические черты и признаки необходимо рассматривать как конкретно-исторические формы модификации общечеловеческих законов общественного развития.

Г. М. Агеева,
кандидат культурологии, доцент

Библиофильство как культурная практика

В научном дискурсе под культурной практикой понимается культуросозидающая деятельность, «производство» артефактов. Причем ключевыми в семантике понятия являются динамические структуры: не создание застывших форм, а разворачивающееся действие, постоянно обновляющаяся реальность. Результат определяют события (внешние, а также экспрессия внутреннего мира), настроения, переживания. В этом процессе обе его составляющие равнозначны: объективное участие творца соразмерно скрытому вовлечению в творчество адресатов, превращению их в со-авторов. Прак-

тики усваиваются, передаются и воспроизводятся в разных вариантах в определенной степени всеми членами социума, локализируются же в качестве фрагментированных структур лишь в жизни отдельных его представителей.

Поскольку концепт «культурная практика» распространяется на самые разные сферы (философско-мировоззренческую, социальную, художественную, профессиональную / досуговую и т. д.), то в русле вышесказанного уместно рассмотреть такое культурное явление, как библиофильство. По своей сути эта деятельность креативна, инновационна и вариативна, хотя в некотором роде традиционна, предсказуема и стереотипна. Здесь нет противоречия. Таков ее культурный инструментарий. Она «располагается» в разных социокультурных координатах, несет в себе сложный комплекс ценностно-смысловых установок, знаково-символическую систему; имеет выраженный духовно-материальный характер, порождает свои способы коммуницирования, поведенческие проявления; акцентирует внимание на художественной, литературной, биографической составляющих. Она укоренена в повседневности, но «разбавляет» ее высокими смыслами и «элитизирует». В связи с этим интересен вопрос о том, обусловлено ли библиофильство повседневностью, репрезентирует ли ее смыслы, или оно есть своеобразное ей противопоставление, попытка выхода за ее рамки. Это не столько хобби, сколько способ собственного позиционирования, идентификации в обществе, встраивания своей жизни в историко-культурный контекст, придания ей интеллектуального «веса», эмоционального колорита, ценностного наполнения. Библиофильство ежедневно слагает культуру отдельного человека, оказывает влияние на формирование культуры социума в целом.

Специфика современных культурных практик состоит в востребованности уникальности человека, неординарности личности, «подогнать» которую под определенные социально-профессиональные критерии зачастую не представляется возможным. Неслучайно библиофильство — удел избранных. Сегодня эта деятельность существенно изменилась, иным стал и ее субъект. В связи с этим она особенно нуждается в изучении с позиций сегодняшнего дня, преломлении исследовательских ракурсов, задействовании инновационной междисциплинарной методологии.

Таким образом, рассмотрение проблематики библиофильства в контексте культурных практик позволяет еще раз задуматься об источниках его возникновения и бытования, внутренней динамике, перспективах в цифровую эпоху.

Ю. А. Елисеева,
доктор философских наук, доцент

Проблема этнонациональной толерантности: психолого-культурологический аспект

Обобщая накопленный мировой и отечественный опыт, можно констатировать, что управление со-развитием этносов и наций в парадигме толерантности — сложнейшая сфера социокультурной политики. Очевидно, что успешность конкретных управленческих решений определяется валидностью, «работоспособностью» модели этнонациональных процессов. Не имея возможности даже конспективно рассмотреть технологию ее создания и апробации, остановимся лишь на одном, но исключительно важном аспекте проблемы — ментальном. Ментальный подход отвечает современным тенденциям в этнопсихологическом и этнокультурологическом знании, согласно которым этнонациональная специфика осмысливается как общность представлений о каких-либо признаках, а не как сама по себе культурная отличительность.

В последние годы во многих науках (этнология, политология, культурология и др.) для фиксации подобной общности представлений активно используется термин «этнический (национальный, этнонациональный) менталитет». Не отрицая его значимости и эвристичности, согласимся с тем, что понятие менталитета скорее описательное, чем объяснительное. Поэтому мы считаем необходимым дополнить его понятием «культуроментальная универсалия». Оно акцентирует значение культурных форм, обуславливающих способы репрезентации феноменов культуры в сознании субъекта. Речь идет преимущественно об устойчивых и распространенных культурных моделях мыслительной деятельности, с которыми индивид сталкивается в ходе ориентировочной, познавательной, коммуникативной деятельности.

Культуроментальные универсалии обладают максимальной смысловой насыщенностью и в этом смысле близки к

концептам. Мы полагаем, что атрибутивные свойства культуроментальных универсалий (сложноструктурированность, интегральность, динамичность, полифункциональность) в совокупности обуславливают их уникальную роль структурного фундамента этнонациональной толерантности. Без их интериоризации бытие в культуре будет затруднено или невозможно. Культуроментальные универсалии выступают как своеобразные смысловые «скрепы», стягивающие и гармонизирующие различные этнокультурные проекции. Их всестороннее и глубокое изучение — перспективная область психолого-культурологического знания.

И. В. Трemasкина,
аспирант кафедры иностранных языков
для гуманитарных специальностей

Абсурд повседневной жизни¹

Слово «абсурд» мы употребляем каждый раз, практически не задумываясь о его значении. М. Стафецкая утверждает, что абсурд — это наличие «черной дыры в сознании, в которую сколько ни бросай умственных усилий — все ничего, заполнить ее не удастся, это ловушка, в которую попадает сознание, симптом нарушения равновесия в жизни сознания, симптом нарушения ее органичности. Абсурд — разрыв с бытием, плата за ослепление доказательной мощью понятия². Абсурдизм — это симптом, говорящий, в каком духовном состоянии находится современный человек. Абсурд всегда проявляется в кризисные моменты, он становится символом разлада человеческого существования с бытием, обозначением разрыва, «пограничной ситуацией»³. Возникая на границе, абсурд становится знаком перехода к другим «ценностным координатам», к иной «установке сознания», подразумевает возможность «другого» прочтения реальности.

Действительно, наша жизнь переполнена разными проявлениями абсурда: непримиримое соседствует бок о бок в душе одного и того же человека; сама человеческая жизнь становится нелепой и бессмысленной; все разваливается, потому что утрачен центр, связующий это «все»; человек стремится к согласию с миром, а тот в свою очередь остается либо равнодушным, либо враждебным⁴. Поэтому чело-

век, внешне вписываясь в окружающую действительность, на самом деле ведет в ней неподлинное существование. Жизнь человека не имеет никакой ценности. Страдание становится основной чертой существования, человек начинает ощущать одиночество и страх в современном мире. Тот, кто мыслит, кто задается вопросом, что же скрывается на самом деле под обманчивым покровом современности в нашем странном мире, никогда не сможет почувствовать себя хотя бы относительно уютно, никогда не примет этот мир за «нормальный».

Таким образом, абсурд выступает в качестве характеристики человеческого существования в состоянии утраты смысла, связанной с отчуждением личности не только от общества, истории, но и от себя самого, от своих общественных определений и функций. В повседневной жизни абсурд становится обозначением трагического разлада человека с миром, демонстрацией нелепости и бессмысленности человеческого бытия. Это явление вневременное, присутствующее во всех культурных феноменах с античности и до наших дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ. Проект № 11-03-00040а.

² Стафецкая М. Феноменология абсурда // Мысль изреченная. М., 1991. С. 140.

³ См.: Буренина О. Что такое Абсурд, или По следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг: сб. ст. / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 17.

⁴ См.: Иеромонах Серафим (Роуз). Современное недочеловечество. URL: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=2147> (дата обращения: 23.10.2010).

Л. В. Кильдюшова,
соискатель кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства

Транскультурный опыт и эстетический подход к музыкальной интерпретации

Феномены идеального порядка, пограничные переходные трансформы, эстетический абсолют бытия — это те «чувственные» формулы будущего эстетического направления в

рамках музыкальной интерпретации, универсальность которых в применении к различным областям знания очевидна. Всеобщая глобализация привела к вопросу об идентичности, самосохранении различных культур и их взаимодействии. Теперь зависит от нас: трансформация или преобразованная реальность — что в результате даст этот синтез? Предстоит ограничить поиск новых направлений некоторыми параметрами. Одни из них лежат в плоскости эстетического знания, в области интерпретации исполнительского творчества: пограничная реальность преобразованной действительности, или искус, и его эстетический абсолют — бытие другой, преобразованной, реальности. Феномен идеального порядка — критерий свободного духа, «нас возвышающий обман» — одна из составляющих эстетики интерпретации.

Свободный дух, как и свобода выбора, — категории нравственные, трудно и тяжело выполнимые по своим духовным, невидимым преобразованиям, потому как «нет у тебя, человек, ничего, кроме души». Эти слова Пифагора являются квинтэссенцией всей нашей культуры по «возделыванию самих себя». В производстве смыслов, влиянию людей друг на друга, в отношении к труду, в построении систем, моделей будущего свободному творчеству сегодня нужны те формы культурной антропологии, которые объединят в себе все культурные сообщества людей. Механизмом этого планетарного взаимодействия и объединения культурных пространств и этносов должна послужить методология эстетически выверенных интерпретационных форм: от масштабов пространственно-географических до свойств и анализа малых величин, включающих в себя изучение человеческих феноменов идеального порядка, и переходных (пограничных) трансформ к эстетическому абсолюту бытия.

Одной из важных направляющих практику в русло объективного «искуса» любого творчества является «эстетический обман», нас возвышающий. Искус, искусство в первоначальной своей формулировке, ничего другого и не подразумевало, кроме способа действия, той «одушевленной» действительности, где бы человек чувствовал, прежде всего, а затем уже вступал в борьбу со словом, звуком, облакая их в форму мироощущений. Аристотелевское узнавание имеет две стороны: эстетическое, т. е. созерцание-отключение от себя, выход в трансформы другого бытия — своей идентич-

ности, но это и само спасение, тождество природы и разума, слова и сознания собственно самого «Я». Фокус феномена (его отправная точка или интенциональный импульс) необходимо увидеть, проверить нервными окончаниями, т. е. осознанием себя. Эту грань перехода в эстетическое «обманное» состояние определить формулой невозможно, но необходимо.

Универсальность эмоциональных ценностей, чувственного восприятия красоты и искусства объединена одним смыслом эстетического бытия, его философским обоснованием. Трансформы, или метакультурные влияния, — это не просто этнография или одно из диффузиональных антропологических влияний и заимствований, а сложнейшая структура феноменов идеального порядка, над которыми необходимо задуматься, в том числе и фундаментальным наукам.

Находясь на переломе исторических, культурологических событий, наше время обладает той уникальной возможностью, которая созидает настоящее, живое искусство. Век гуманитарной направленности принес уже свои плоды: человечество само стало оживать от догм и предрассудков. Главное, в этом творческом процессе не нарушить, по словам И. В. Гете, «одушевляющую связь, где нечего и слушать».

Традиции российской культуры

По мнению Н. А. Бердяева, «противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала — восточное и западное». И это не есть лишь географическое положение. Русская культура есть во всех ее подлинных проявлениях мощный и глубокий пафос равенства с культурами и Запада, и Востока. Она своего рода представляет собой духовный мост, стихию всечеловеческого проникновенного диалога.

Н. Л. Новикова,
доктор философских наук, профессор

Приметы России XXI в.¹

Переходный период, кризис культуры и идентичности характерны для России начала XXI в. Под воздействием социально-экономических и политических катаклизмов у большинства россиян произошли изменения на всех уровнях и сферах повседневного бытия: во взаимоотношении с ближайшим и дальним окружением, в самоопределении индивидов в жизненном пространстве и многое другое, что может быть определено как кризис идентичности. Наблюдение российской действительности позволяет констатировать и выявить возрастающую роль разных (не сводимых к словным, классовым или слоевым) новых классификационных критериев системы социальной стратификации, коими являются многочисленные стили жизни.

Поскольку социальный кризис обернулся для россиян кризисом идентичности, сложившаяся в российском обществе сложная, ролевая и статусная диспозиция актуализирует проблему различения, ведь решение каждодневных обыденных ситуаций и успешная коммуникация индивидов требуют, с одной стороны, узнавания субъектами друг друга, с другой — корректного ограничения «своих» от «чужих». Процесс идентификации заканчивается оформлением нового, соответствующего данному стилю, образа жизни. Внешняя индикация индивида, его новая «жизненная философия» свежей струей врывается во все сферы жизнедеятельности человека.

Как говорил Гераклит, «природа любит скрываться». Точно так же обстоит дело и с идентичностью человеческой жизни. Может быть поэтому способы ее достижения, предлагаемые традициями, как правило, не любят «света сознания». Остается вопрос «Насколько возможно прикоснуться к ним, исходя из европейской традиции формирования пространства свободной мысли, осознания жизненных коллизий?». «И тут надежду на хороший результат дает включенность этого пространства в любой опыт самоидентификации, его принципиальную совместимость с любой *живой традицией*». К этому побуждает сознание собственной принадлежности

к европейской культуре и ее образу идентичности — признание достоинства свободной, мыслящей личности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ. Проект № 11-03-00040а.

Н. Ю. Лысова,
кандидат философских наук, доцент

Город как пространство культурно-исторической памяти

Феномен памяти стал особенно актуален в культурфилософском дискурсе на рубеже XIX—XX вв. Одно из его основных значений — способность воспроизводить образы, ощущения или идеи, выработанные в прошлом. Память рассматривалась как духовная субстанция и первооснова всех вещей и процессов природы (А. Бергсон, Ф. Ницше, Н. Бердяев и др.), а само существование человека — как постоянное углубление в прошлое.

В отечественной философской традиции исследуются два типа памяти: индивидуальная как способность индивида к сохранению и воспроизведению своего опыта и машинная (компьютерная) память. Типологически память объединяется в четыре группы: двигательную, образную, логическую и эмоциональную. Культурфилософский дискурс обобщает их свойства и наряду с психологической, индивидуальной памятью вводит тип памяти, которую принято называть исторической.

Этот вид памяти ассоциируется с функцией культуры как мнемонического феномена, системы, воспроизводящей прошлый опыт посредством традиций, обрядов, морали, конкретных артефактов. Исторический город, ценностно наполненный пласт культурного наследия, тоже может рассматриваться в качестве функции исторической памяти, так как отображает усвоение, запоминание и воспроизведение прошлого опыта в системе художественно-культурных образов.

Уникальность исторического города связана с его способностью репрезентации утраченного прошлого в культурном пространстве современности. В его веками складывающейся

и непрерывно меняющейся материальной среде аккумулирована коллективная память и творческая энергия множества поколений. Созданное их стараниями культурное пространство, отредактированное временем, воспринимается современностью в качестве сложнейшего произведения без персонализированного автора.

В связи с этим определяется ряд основных черт города как хранителя культурно-исторической памяти. Прежде всего, город является достоверным историческим фактом. В его арсенале находятся подлинные памятники архитектуры, произошедшие в нем события, известные и неизвестные горожане, некогда населявшие городское пространство, и т. д.

Город, являясь сложным семиотическим механизмом, представляет собой «котел текстов и кодов» (Ю. Лотман), разноуровневых и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным культурным уровням. Постоянно накапливая информацию, материализуя и сохраняя ее в реальных объектах, он является хранителем человеческого опыта.

Благодаря накопленной истории город становится мощным генератором новой информации. Город — механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность синхронно сопоставляться с настоящим. В этом отношении город, как и культура, — механизм, противостоящий времени.

Ю. В. Кузнецова,
кандидат философских наук, доцент

Образовательный компонент в региональной политике России

В политике многонациональной России всегда особо значимую роль играет региональный фактор. Кризис постсоветского общества подтвердил, что отношения между различными этническими группами — одна из самых уязвимых сфер человеческих отношений. В эту плоскость проецируются экономические, социальные и политические проблемы, нередко оборачиваясь этнофобиями и межэтническими конфронтациями, одной из причин которых является отсутствие взаимопонимания между различными этносами. Поэтому особенно актуальной представляется проблема вы-

бора правильной стратегии государственной региональной политики. Одним из основополагающих ее элементов является образовательный компонент. Перспективы дальнейшего развития народов России каждого региона находятся в тесной связи с тем, какие основы будут заложены в системе этнокультурологического образования на базовом общеобразовательном уровне.

Большую роль в реализации этих задач играет разработка национальных систем образования, в которых отражен этнокультурологический аспект. Сегодня происходит активное внедрение научных знаний о финно-уграх в образовательный процесс высшей школы в финно-угорских регионах России. В документах устанавливается, что изучение, пропаганда национального языка, литературы, истории, культуры народа должны являться непреложным элементом любой структуры, входить в систему непрерывного образования и призваны обеспечить сохранение культурного наследия и прогрессивных традиций конкретного этноса.

Необходимость получения знаний о родственных народах диктуется и заметно активизировавшимися интеграционными процессами, происходящими в научной и культурной жизни финно-угорского мира: систематически проходят международные симпозиумы, научно-практические конференции, семинары, конгрессы, фестивали фольклорной музыки и танцевального искусства, телевизионные фестивали, выставки работ художников, презентации книг. Все это способствует развитию языка, культуры финно-угров, возвращая присущее любому народу чувство национального самосознания.

Мордовский государственный университет в качестве приоритетного направления своей деятельности выделяет фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения. В этом аспекте деятельность Института национальной культуры с его тенденцией возрождения и создания национальных ценностей в хореографии, музыке, декоративно-прикладном творчестве, сценическом драматическом искусстве направлена на сохранение и укрепление позитивной этнической идентичности, доминирования толерантности в межэтнических отношениях и чувства межкультурной близости.

И. Л. Сиротина,

доктор философских наук, профессор

Альтернативные культурные парадигмы¹

Одним из актуальных направлений современной гуманитаристики становится пристальное внимание к народной культуре. Отдельные элементы и целые направления культуры далекого или недавнего прошлого могут попадать в сферу актуальной культуры или оставаться на ее периферии. Однако в любом случае их важно и нужно анализировать как артефакты культуры в ее сегодняшнем состоянии, а не только как достояние истории. В культуре нового времени весьма значительное место начинает занимать массовая культура, которую иногда сблизжают с народной, видя в ней проявление того же коллективно-бессознательного, величностного, анонимного начала, которое есть в фольклоре.

Одновременно, помимо традиционных механизмов прямого наследования, формируются опосредованные способы передачи культуры, фиксации и закрепления культурного текста в качестве канонического образца, а также введения его в социальное обращение. Возникают и множатся как технические средства, обслуживающие этот процесс и влияющие на него, так и различные социальные технологии обучения, трансляции, социализации; образуются соответствующие социальные институты, сеть организаций разного уровня формализации. Яркой иллюстрацией такого механизма служит Институт национальной культуры. Учрежденный в конце XX в., он 20 лет выполняет комплексную функцию сохранения и воспроизводства лучших образцов народной культуры, обучения ее канонам новых поколений мастеров и исполнителей.

В новой России к этому процессу подключились имиджевые технологии. Характерно использование элементов традиционных промыслов для поддержания корпоративной культуры отдельных предприятий. Многочисленны жостовские подносы, хохломские тарелки или палехские шкатулки с логотипом той или иной фирмы. Логотипами или изображениями различных изделий «украшаются» сегодня предметы гжели. Их вкрапляют в вышивку на полотенцах и рубахах, в узор на изделиях художественной резьбы.

Матрешки сегодня смотрят на нас лицами поп-звезд и политиков, глиняная игрушка обретает самые причудливые массовые (часто «мультишные») формы.

По-видимому, потребность в альтернативных культурных парадигмах особенно актуализируется в наиболее сложные, переходные, кризисные эпохи, переживаемые нами на грани веков. Именно в такое время становятся вполне приемлемыми разные, в том числе взаимоисключающие, направления социальных, религиозных, научных, художественных поисков, а также, соответственно, множатся критерии оценки результатов. Наука пересекается с обыденным знанием, расширяет проблемно-предметные горизонты.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ. Проект № 11-03-00040а.

А. Ю. Сиротин,
аспирант кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства

Российский театр на рубеже столетий

Политические события 90-х гг. XX в. и длительный период экономической разрухи кардинально изменили жизнь российского театра. Сначала ослабление идеологического контроля вызвало эйфорию, так как теперь можно ставить и показывать зрителям все что угодно. После отмены централизации театров появилось множество новых коллективов: театры-студии, антрепризы, театральные проекты и т. п. Однако выжили в новых условиях далеко не многие, так как выяснилось, что, кроме идеологического диктата, существует диктат зрительский. И если в условиях государственного финансирования театра заполнение зрительного зала не слишком важно, то при самокупаемости аншлаг — важнейшее условие выживания. В этих условиях особенно востребованной в театре могли бы стать профессии менеджера и продюсера, которые, кроме изучения зрительского спроса, занимались бы поиском спонсоров и инвесторов. Однако на сегодняшний день самыми талантливыми и успешными театральными продюсерами становятся режиссеры и ак-

теры (один из примеров — Олег Табаков). По-настоящему талантливые режиссеры (особенно сочетающие творческую одаренность с умением вписаться в ситуацию рыночной экономики) смогли «уцелеть» и получили возможность экспериментировать и наиболее полно раскрывать свои идеи.

Сегодняшний день российского театра по количеству и разнообразию эстетических направлений ассоциируется с Серебряным веком. Режиссеры традиционных театральных направлений соседствуют с экспериментаторами. Наряду с признанными мастерами (Петр Фоменко, Валерий Фокин, Олег Табаков, Роман Виктюк, Александр Калягин, Галина Волчек) успешно работают Кама Гинкас, Генриетта Яновская, Иосиф Райхельгауз, Константин Райкин, Александр Галибин, а также еще более молодые и радикальные авангардисты Борис Юхананов, Анатолий Праудин, Константин Богомолов и др. Активно развивается смежное с театром направление хепенинга и инсталляции. Илья Эппельбаум и Майя Краснопольская, отталкиваясь от эстетики театра кукол, экспериментируют со всеми компонентами зрелища в театре «Тень». Илья Авербух вписывает ледовое шоу в канву драматической постановки. Евгений Гришковец изобретает свою повествовательную театральную эстетику. Проект «Театр.doc» построен на отказе от литературной основы спектаклей: материалом для них служат расшифровки реальных интервью с представителями той социальной группы, к которой принадлежат и герои будущих постановок. И это далеко не все сегодняшние театральные эксперименты.

Новому витку развития российского театра во многом способствовал доступ к мировой культуре и ее театральному опыту, что помогает осмыслению собственной работы и переходу на следующую ступень.

Д. В. Никитин,
аспирант кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства

Формирование рекламы в России: от столицы до провинции¹

В России начало рекламной деятельности относят к X—XI вв. «Многими исследователями делается вывод, что до

татаро-монгольского нашествия протореклама развивалась на Руси синхронно с Западной Европой». Естественная эволюция рекламы на Руси была прервана татарским игом, и затем 200-летнее господство монголо-татар определило дальнейшее отставание России от Европы по ряду коммуникативных направлений.

«К проторекламе в России в первую очередь относят свинцовые пломбы с имевшимися на них печатными знаками (от простых до самых сложных), означающими ранги их владельца. Кроме свинцовых пломб, существовали перстни-печатки, торговые пломбы, ремесленнические клейма». С XV в. документально известно о деятельности царских глашатаев в Москве, когда стало обыкновением провозглашать правительственные указы с Красного крыльца кремлевским хором на Ивановской площади. Но голоса глашатаев с трудом пересиливали крики торговцев, раздававшиеся со стороны лавок под кремлевскими стенами.

«Фольклорная устная реклама в России может быть условно разделена на три направления: 1) рекламное творчество разносчиков, коробейников, бродячих ремесленников; 2) творчество стационарных зазывал; 3) все приемы ярмарочной рекламы с богатым набором вариантов».

Важным элементом русской национальной рекламы является лубок. «Лубок на Руси — народное ответвление граверного мастерства, а точнее — напечатанные на бумаге „картинки“ с подписями. Стандартный размер лубка — примерно 40x30 см. Первое упоминание о нем относится к началу XVII в.». Лубок в доступной форме доносил до широкой аудитории разнообразную информацию и идеи, воплощенные в броских красочных изображениях. Рекламная функция занимала в лубочной продукции далеко не последнее место.

Саранская ярмарка всегда значилась в списках крупных торгов Среднего Поволжья, которое из-за своего удобного географического расположения было важным промежуточным звеном русской торговли. Достоверно неизвестно, когда возникла эта ярмарка, но в 70-е гг. XVII в. она уже была заметным явлением и транслировала российские рекламные элементы.

Таким образом, в российской культуре вырабатывался богатый арсенал средств идейного и эмоционального воз-

действия, формировался свой самобытный стиль российской национальной рекламы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ. Проект № 11-03-00040а.

В. М. Резонова,
кандидат культурологии, доцент

Подвижничество купцов-предпринимателей в мордовском крае

Исследование фактов жизнедеятельности купцов-предпринимателей мордовского края показало, что среди них были благотворители, внесшие определенный материальный вклад в уездную православную культуру. Этому способствовало их стремление оправдать свое богатство и связанную с его накоплением деятельность. В мордовском крае сложился тип предпринимателей, которых можно назвать «хозяевами-тружениками», сознанием которых еще не овладело примитивно-буржуазное чувство «хозяина-собственника» в силу особого отношения к труду и собственности. Существенной чертой их облика являлось сохранение традиционной ментальности, основным компонентом которой было следование национально-православным традициям: религиозность, патриотизм, патриархальность, преобладание моральных принципов трудовой мотивации над накопительскими. Это способствовало тому, что в купеческой благотворительности в регионе было много пожертвований на строительство и содержание храмов (Д. М. Козицын, Котельниковы, Кротковы, А. Д. Муромцев, Миляковы, Сыромятниковы, Фалилеевы и др.).

Развитие благотворительности в мордовском крае шло по двум направлениям: государственное, связанное с организацией приказов общественного призрения, различных попечительств и деятельностью Благотворительного комитета; частное, проявившееся в широком храмосозидании и добровольных пожертвованиях местного купечества на нужды бедных слоев населения. Пожертвования предназначались на уплату повинностей за престарелых и сирот, пособие бедным жителям города, организацию богаделен и приютов и т. д.

Анализ краеведческих и архивных материалов показал, что все же в уездных городах суммы благотворительных пожертвований купцов не были столь значительными, как в губернских. Однако в сравнении с суммами государственных ассигнований суммы частных пожертвований мордовского купечества были достаточно значимыми.

Декларируемыми целями купеческой благотворительности в мордовском крае были религиозность, дающая возможность заслужить прощение грехов за свои «благие дела»; стремление к получению общественного признания, повышению собственного престижа купцов (крупные жертвователи награждались орденами, званиями, благотворители имели возможность получать почетные должности в городском самоуправлении); местный патриотизм, проявившийся в развитии национального самосознания купечества в крае.

О. Н. Прокаева,
кандидат философских наук, доцент

Особенности праздника как культурного феномена

Праздник — это особый феномен, важнейшая составляющая человеческого бытия. По мнению А. И. Мазаева, «праздник есть свободная жизнедеятельность, протекающая в чувственно обозримых границах места и времени и посредством живого контакта людей, собравшихся добровольно»¹. Л. С. Лаптева определяет его как «традиционную народную форму отдыха»². А. Ф. Некрылова считает, что «праздник — это социальное и культурное явление, в котором соединены две тенденции: возврата, неподвижности и обновления, динамики, то есть он одновременно ориентирован на прошлое и устремлен в будущее»³. В этом его связь с традицией. Праздник опирается на устоявшееся, постоянно стремится к возрождению и актуализации традиционного. Но, по природе своей направленный на обновление, он всегда находится в оппозиции к той же традиции, способствуя ее развитию и обогащению. Поэтому праздник сопровождается ритуалами и обрядами, но никогда не сводится к ним, оставляя место новому и непредусмотренному.

Праздник — это время, когда общая система ценностей проявляется и утверждается в атмосфере публичного сопричастия. Это время объединения «своих», объединения,

как правило, незаинтересованного в материальном. Общими силами воссоздаются утрачиваемые в будни гармония и мир, происходит единение не только живых, но и почти осязаемой становится связь с ушедшими предками и пока неродившимися потомками. Человек оказывается точкой соприкосновения будущего и прошлого, средоточием опыта и мудрости отцов и той жизненной энергии, которая является причиной рождения детей и прогресса в его положительном смысле. В атмосфере праздника человек особенно остро ощущает себя одновременно личностью и членом коллектива. Осуществляется непринужденное общение, без которого невозможна нормальная жизнедеятельность людей. Праздник — это еще и проявление всех форм и видов культуры коллектива, включая принятые формы поведения, исполнение известных песен и т. д.

Значительные события и даты традиционного праздничного календаря всегда отмечались трояко: собирались дома, в кругу семьи, показывая сплоченность рода; обязательно посещали храм, акцентируя родство по вере, приобщение к высокой духовности; выходили на улицу, «в народ», тем самым подчеркивая единство социума. Таким образом, все три части были направлены на осуществление древнейшей философии праздника, выраженной в солидарности, общем устремлении, преображении себя и мира, приобщении к непреходящим ценностям.

Важная особенность праздника — его сакральный характер. В традиционной культуре этот феномен, вырастающий из религиозно-мифологической картины мира, являлся способом прорыва в сферу сакрального, фиксирующим момент единения профанного и сакрального в жизни общества. По мере секуляризации культуры праздник утрачивает прямую связь с религией, но это не означает утрату сакральности как его основной характеристики. Он остается важнейшей составляющей человеческого бытия, изменяется лишь содержание ценностной модели культуры, подвергаемой сакрализации.

Особенностью праздника считается его связь с моделированием времени. Любой традиционный праздник — это разрыв течения повседневного (трудового) времени; одновременно праздники «встраиваются» в основной производственный цикл и с этой точки зрения фиксируют органическое единство времени жизни человека и бытия природы. Календарные

праздники строятся на основе циклического природного времени и в своей системе раскрывают наиболее важные этапы жизнедеятельности человека традиционного общества.

Еще одной особенностью праздника является то, что он всегда идеологизирован. Поэтому в периоды эпохальных преобразований значительным изменениям подвергается именно календарь и вся система праздников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978. С. 11.

² Цит. по: Лазарева Л.Н. История и теория праздников: учеб. пособие. Челябинск, 2009. С. 15.

³ Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 3.

Проблемы финно-угорского мира: наука, культура, образование

В культуре каждого этноса можно выделить разновременные слои: исторический ранний («нижний») слой, состоящий из унаследованных из прошлого культурных элементов (наиболее устойчивых, закреплённых многовековой традицией); более поздний («верхний») слой, состоящий из новообразований, современных культурных явлений. При всей внутренней противоречивости и сложности взаимоотношений между этими слоями культуры только их целостность имеет право называться культурой этноса. Но при этом обязательным становится признание исторически раннего («нижнего») слоя стержневым каркасом этнокультуры.

Н. И. Учайкина,
доктор философских наук, доцент

Образ верховного бога в финно-угорской мифологии (сравнительный анализ)

Мифологическая система — это система образов, которые имеют эмоционально-чувственную природу. Эта система приводит в единство восприятие мира человеком. Мы говорим о мифологической системе в ее первоначальном смысле как единственной системе, объясняющей мир архаичного чело-

века. Человек воспринимает миф и его образы как реально существующие и имеющие непосредственное влияние на его жизнь. Через них регламентируется повседневная жизнь архаичного человека, устанавливаются правила и нормы поведения. Особое значение в мифологической системе имеет образ верховного бога. Он является гарантом единства и целостности мира и образцом, по которому следует устраивать жизнь на земле. Образец имеет сакральное значение вследствие своей сверхъестественной природы, потом он трансформируется в идеал (религиозный, социальный, научный и т. д.). В идеале мы выделяем особую трансцендентную природу, которая и позволяет соотносить его с образцом верховного бога в мифологии.

В финно-угорской мифологии обнаруживается влияние иранской, тюркской, славянской, балтийской, исламской и христианской мифологии. Восприимчивость различных традиций отразилась и на мифических образах, но представление о главном, верховном, боге есть во всех мифологических системах. В объяснении мира через мифические образы богов архаичный человек исходил из отождествления богов с природой, человеком и животными.

Верховный бог представлялся в разных образах: как старец (подразумевается, видимо, мудрость, необходимая для мироустройства); как олицетворение неба, солнца (в этом прослеживается сакральность и непререкаемость постулатов, которые верховный бог ниспосылает людям); как время, сопряженное с вечностью, и т. д. Например, в прибалтийско-финской мифологии верховным считался небесный бог Уку (эстон.), Ванамеес, Ванем («старик, дед, старший»), Таеватаат («небесный дед»). В саамской мифологии высшее божество выступает в виде солнца Пейве; в удмуртской мифологии — высший, небесный, бог-демиург Инмар; в мифах коми — бог-демиург Ен, который родствен удмуртскому богу неба Инмару; в финской и карельской мифологии и эпосе — Ильмаринен (фин.), Илмайллине, Ильмойллине (карел.), культурный герой и демиург, кузнец. Образ Ильмаринен восходит, вероятно, к финно-угорскому божеству неба, воздуха (фин. — ilma, «воздух, небо, погода») и родствен демиургам других традиций — Инмару, Ену. В мордовской мифологии существует Шибаваз, Шипаз (мокша), Чипаз (эрзя) (ши, м., чи, э. — «солнце», «день; ба-

ваз (мокша), паз (эрзя) — «бог»), Шкай, Шкабаваз (мокша), Шкипаз (эрзя) (шка — время). Основное функциональное значение верховного бога — сотворение мира, постулирование образца, по которому архаичный человек обустроивает свою жизнь.

И. В. Клюева,
кандидат философских наук, доцент

Проблема национального и этнического в творчестве Степана Эрзы

Одной из самых важных тем в изучении феномена Степана Эрзы является проблема национального, этнического. Говоря о великом скульпторе-мордвине, взявшем в качестве псевдонима имя родного народа, эту тему невозможно обойти. Однако «закрытой» ее считать нельзя, тем более что в ее осмыслении существуют опасности вульгаризации и профанации. Следует подчеркнуть, что в решении проблемы соотношения этнического, национального и общечеловеческого сам Эрзя демонстрировал высочайший уровень культурного развития, подлинный патриотизм, абсолютно чуждый национализму.

Национальное и этническое в творчестве Эрзы можно рассматривать в двух аспектах: тематически, предметно; структурно (во всех особенностях мировосприятия и творчества). Долгое время преобладающим в эрзеведении был «тематический» подход. Искусствовед Д. В. Сарабьянов пишет: «Будучи мордвином по национальности, Эрзя часто выбирал свои модели среди соотечественников, стремясь выработать образ-тип мордовской женщины»¹. В общем количестве скульптур, созданных мастером, образы мордовского народа занимают особое место: «Сеятель» (1909) и «Косец» (1909), навеянные образами отца и дяди по матери, наполненные воспоминаниями о родном доме, быте мордовских крестьян; портреты племянника Василия (1912) и матери («Мать артиста» (1912) и «Портрет матери» (1940—1947)); изображения мордовских крестьян, созданные в Аргентине, и др. Самую большую часть этой серии составляют многочисленные автопортреты скульптора, которые можно рассматривать не только как этапы личностного самопознания

и самоутверждения, но и в определенной степени как репрезентацию своего народа, равновеликого в семье других народов, утверждение его духовной, культурной значимости.

Однако, прежде всего, на наш взгляд, национальное и этническое в творчестве Эрзы выражено на структурном уровне. Культуролог Г. Д. Гачев подчеркивает: «Вот великий мордовский художник Эрзя. На родине его ценят лишь за то, что он, мордвин, добился мировой известности, — но тайне считают ненациональным, чужим, и лишь те скульптуры признают за свои, где изображены мордовка или мордвин — то есть по предмету. И невдомек, что само видение мира сквозь узловатую суковатую фактуру дерева, леса, есть видение лешего, невиданное доселе в искусстве»². Эта особенность мировидения органично вписалась в рамки эпохального стиля «модерн».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сарабьянов Д.В. История русского искусства конца XIX — начала XX века. М.: Галарт, 2001. С. 266.

² Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988. С. 34.

Т. А. Шигурова,
кандидат исторических наук, доцент

Информационный потенциал текста мордовского костюма

Традиционный мордовский костюм середины XIX — начала XX в. как продукт коллективного разума входит в пространство духовной, материальной и художественной культуры, представляя собой синтез социально значимых смыслов — знаний, ценностей и регулятивов. Понимание мордовского традиционного костюма как текста означает «считывание» информации, транслируемой всей совокупностью элементов сложной семиотической системы. «Когда мы говорим о вещи как о тексте, — пишет А. К. Байбурин, — имеется в виду вся та информация, которая поступает к нам от вещей, точнее та, которая может быть „считана“ с них самих...»¹. Согласно А. П. Лободанову, информационный потенциал, хранимый «в форме воспроизведения», «в форме, созданной оригиналом», «в переработанной форме»², включает сведения об окружающем мире, собственном народе и его культуре, характере и поведении этноса в далеком

прошлом, о самом костюме и обязательно о человеке как непосредственном создателе и носителе.

Информация костюма мордвы эрзи и мокши была закодирована в материале, крое, силуэте, колористике, орнаментике, декоре, способах ношения и комплектования элементов, воспроизводимых звуках. Кроме того, важны здесь и движения, жесты человека, косметические средства, аксессуары, а также дополнительные факторы, определяемые бессознательно и мгновенно, — «настроение» или «интонация». Традиционный костюм мордвы XIX — начала XX в. благодаря усвоению, хранению и трансляции социально значимой информации имел богатейший коммуникативный потенциал, реализуемый в рамках этнокультуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 80.

² Лободанов А.П. Основы семиотики. Семиотика искусства: лекции по семиотике. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 42.

В. С. Святогорова,
кандидат культурологии, доцент

Традиция и новации в творчестве народных мастеров Мордовии

Стремление людей к прошлому объясняется желанием приспособиться к переменам, адаптироваться, не поддаваться убистряющемуся влиянию времени, сохранить историческую и культурную преемственность.

В Республике Мордовия в октябре — декабре 2010 г. прошел XIV Республиканский фестиваль народного творчества «Шумбрат, Мордовия!», посвященный главной культурно-политической идее республики — 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства. В рамках выставки «Мастерство и щедрость земли мордовской» муниципальные районы республики представили местный культурно-исторический материал, в том числе музейный и сохраняющийся в быту костюм, одеваемый во время обрядов жизненного цикла и в связи с выходом на сценические площадки.

В мифопоэтической модели мира пространство «находит себя в вещи», дает ей жизнь, освобождая места для сакральных объектов и образуя «сакральную топографию», открывает через них свою суть, направляя ее в бытие. Одной из важнейших вещей, раскрывающих суть пространства, преобразующих природное тело в социальное и делающих его более значимым, с точки зрения мифологического мышления, является костюм. Он представляет собой мифологический, эстетический и социальный код. Складываясь в течение тысячелетий, он в спрессованном виде несет в себе приметы времени. Фольклор понимается не только как искусство слова, но и в широком своем смысле является органичной частью традиционной народной культуры. Он не просто сохраняет некую культурную информацию, воспроизводит картину мира, а выполняет важную функцию воспроизведения ее в социорегулятивных целях.

Современные мастерицы продолжают создавать традиционное платье, действуя при этом преимущественно в двух направлениях: либо точно копируют костюм, бытовавший в данной местности, либо создают его интерпретацию в соответствии со своими эстетическими представлениями. Это свидетельствует о позитивной динамике в развитии мокшанского и эрзянского костюма. Народные мастерицы используют новые ткани, более яркие цвета в вышивке (черный заменяют темно-синим и зеленым, однако красный всегда остается фаворитом), разноцветные пайетки, декоративную, преимущественно золотистую, тесьму. Причем в сознании народного мастера подчас происходит настолько полное слияние традиционного и привнесенного им, что он не может отделить одно от другого, считая свое произведение цельным, продолжающим традицию предков, что поддерживается односельчанами, руководителями районных отделов культуры и ужасает музейных работников.

Свои работы авторы считают продолжением и, главное, улучшением, украшением традиционного костюма, чувствуя вполне понимаемую гордость за созданное произведение. Так яркое авторское начало уживается с традицией. Следует согласиться с тем, что воспроизведение форм народного костюма зачастую происходит без понимания свойственной ему философии и эстетики.

Если мы признаем изменение традиционной картины мира и мировоззрения и признаем, что костюм является отражением картины мира, то обязаны признать эти мировоззренческие трансформации, отразившиеся в модифицированном костюме.

Ю. А. Кондратенко,
доктор искусствоведения, доцент

Некоторые аспекты развития балетного театра Мордовии

В 2010 г. Мордовский музыкальный театр им. И. М. Яушева открыл свой семьдесят пятый сезон, ознаменовавшийся началом подготовки творческого коллектива к переходу на новую сцену. Этому событию предшествовал продолжительный период в истории развития театра, охватывающий время с конца 90-х гг. XX в. до сегодняшнего дня. В силу неравномерности происходивших изменений необходимо обратить внимание на ряд этапов в развитии балетной труппы в этот период. На первом и втором этапах происходил качественный рост исполнительского уровня артистов, существенно увеличилась доля классических постановок в репертуаре. Труппа того времени формировалась преимущественно из выпускников Республиканской детской хореографической школы и факультета национальной культуры Мордовского государственного университета. На них ставится ряд двух- и одноактных спектаклей: Л. Делиб «Коппелия» (хореография Т. Лебедевой), А. Адам «Жизель», Л. Минкус «Гранд па из балета «Пахита» и Ф. Шопен «Шопениана» (хореография О. Васильевой). С приходом нового балетмейстера В. Миклина ускорились процессы качественной перестройки труппы. Он редактирует имеющийся репертуар и дополняет его балетом П. Чайковского «Лебединое озеро». Будучи прекрасным педагогом-репетитором, он отказывается от практики приглашения солистов для исполнения главных партий, ориентируясь исключительно на силы артистов саранской труппы. Третий этап в развитии труппы связан с определенным творческим спадом, поскольку театр покинули балетмейстер и ряд талантливых солистов, практически прекратилось возобновление репертуарных спектаклей. С приглашением нового балетмейстера А. Батракова наметилась тенденция к возвращению труппы к изначальным творческим

позициям. По мере количественного увеличения состава балета был частично восстановлен старый репертуар. Сам балетмейстер ориентировался на постановки в современном стиле, например, можно отметить его балеты-миниатюры «Урод» на музыку И. Стравинского и «Корабль дураков» на музыку Р. Вагнера. Одновременно расширился классический репертуар. В 2010 г. был поставлен вечер балета «Гранд па» (хореография С. Цветкова). Однако все это не смогло остановить процесс спада профессиональных педагогов-репетиторов, способных поддерживать должное качество спектаклей классического репертуара. Прослеживая динамику развития балета, можно предположить, что очередным этапом в развитии труппы станет переход на сцену нового театра, который потребует значительной редакции текущих спектаклей, освоения национального материала, приглашения новых солистов, балетных педагогов и перемен в руководстве балетной труппы.

С. А. Исаева,
кандидат культурологии, доцент

Образ «фольклорного фортепиано» в творчестве композиторов Мордовии

Фортепианная музыка композиторов Мордовии второй половины XX в. отличается разнообразием форм и жанров. Она тесно связана с традициями русской и европейской классики. В ней также находит преломление характерный для национальных школ 50—60-х гг. XX в. образ «фольклорного фортепиано»¹. Так, важной чертой фортепианного творчества мордовских авторов является его яркая национальная почвенность. Цитируя в своих произведениях образцы песенно-инструментальной мордовской культуры, а также переосмысливая и обновляя их с современных позиций, композиторы обогащают эстетические нормы применения фольклорных традиций в профессиональном композиторском творчестве.

Палитра фортепианных сочинений композиторов Мордовии достаточно разнообразна. Среди них следует выделить цикл «Одиннадцать фортепианных пьес» Л. П. Кирюкова — один из первых примеров органического претворения мордовско-

го музыкального фольклора в фортепианном творчестве. Входящие в него пьесы («Утро», «Прелюдия», «Хороводная пляска», «Скерцо», «Элегия», «Мордовская протяжная песня», «Весенние отзвуки», «Праздник в Пимбуре», «Песня пряжи», «Мордовская песня свадебная», «Вальс») знакомят исполнителя с традиционными жанрами и приемами музыкального изложения, а также с оригинальным музыкальным языком самобытного композитора.

Верность народному источнику можно проследить также в «Фантазии» Г. И. Сураева-Королева на тему мордовской трудовой лирической песни «Роман Аксясь» («Романова Аксинья»), заимствованной автором из сборника мордовских народных песен, составленного Л. П. Кирюковым. Ценным художественным и педагогическим материалом являются циклы Н. И. Бояркина «Ютазде лецтнемат», «20 пьес для фортепиано», «Четыре пьесы для фортепиано» («Песня», «Пряха», «Рекрутская», «Сельский праздник») и др., включающие обработки песенно-инструментального мордовского фольклора и оригинальные сочинения. Национальной мордовской самобытностью отмечены жанрово-бытовые «Зарисовки» и «Женские портреты» («Утро», «Юность», «Любовь», «Портрет матери») Н. В. Кошелевой. Автор не обращается непосредственно к цитированию мордовских фольклорных источников, однако претворение народной характерности передается в интонациях, мелодике, ритмике, гармоническом плане пьес.

Композиторы наряду с народными используют разнообразные средства выразительности современного музыкального языка. Показательны в этом плане сочинения Г. Г. Вдовина (циклы «Музыка на скульптуры С. Д. Эрзи» и «Восемь пьес для фортепиано», «Фантазия», «Баллада», «Вариации на две эрзянские песни», «Вариации на тему мордовской народной песни Умарина» и др.), которые отличает музыкальный тематизм, созданный на народной почве. Одним из наиболее ярких образцов сочетания национальных традиций и элементов джазовой техники является цикл Г. Г. Сураева-Королева «Десять прелюдий-импровизаций».

Таким образом, можно говорить о том, что фортепианная музыка композиторов Мордовии принесла богатую дань фольклорным обработкам, и здесь творческий опыт многих авторов является примером не только чисто жанровых ре-

шений, но и широкой постановкой проблем национального в профессиональной инструментальной музыке.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Гаккель Л.Е. Фортепианная музыка XX века: очерки. 2-е изд., доп. Л.: Сов. композитор, 1990. 288 с.

Е. Н. Ломшина,
кандидат философских наук, доцент

Семья как ценность в культуре (на примере финно-угорских народов)

Одним из сложнейших социально-культурных явлений является семья. Она всегда была предметом пристального внимания различных научных направлений. Семья испытывает воздействие социальных, экономических, культурных и других преобразований. В свою очередь этот феномен цивилизации и культуры оказывает влияние на различные структуры общества. Семья выступает не только основным накопителем, трансформатором духовных ценностей в культуре, но и сама обладает ценностным статусом.

Во многих языках финно-угорских народов нет термина «семья», но очень хорошо разработана терминология родственных отношений. В марийской культуре понятие о родстве выражается словами «урлык», «урмат», «тукым», (от персид. «тухум» — семя), «тукымвож» (корень) — родственники по кровной линии; «насыл» — поколение, род, родство; «шочшо» — родной, кровный единокровный. В мордовском языке есть слово «раське» (род). У саамов семьи являлись основными подразделениями сыййта (общины), у манси — «кол», «тагыт» — домовый коллектив, у вепсов — «канз». У коми родственные группы назывались «котыр», «чукор», или «став», у удмуртов — «перех».

В культуре финно-угорских народов святость брака, значимость создания семьи была закреплена фольклорной традицией, например, у народа коми «без гнезда одинокой живет только кукушка», «каждая птица ищет себе пару»; у мордвы — «не надо золотого клада, если нет в семье лада», «как нельзя жить без хлеба и соли, так нельзя жить без семьи».

Ценность семьи проявляется в религиозно-мифологических воззрениях, в традиционных семейных обрядах. У всех финно-угорских народов были покровители дома: Кудавя — покровительница дома, Юртава — покровительница рода в мордовской мифологии; Сурт юмо, Суртоза, Кудо водыж — духи-покровители семьи, дома у удмуртов. Ценность семьи определялась наличием большого числа детей, что нашло отражение в мифологии. У восточных хантов богиня Анки-Пугос дарила семейное счастье, определяла число детей, облегчала роды и даже играла роль при выборе брачного партнера. Баня ава (эрз. мокш.) покровительствовала роженице, семье и здоровью, бог Инмар (удм.) определял число детей. У карел с рождением ребенка появляется свой хранитель — «халдие». Богиня Санге у иртышских хантов посылала душу «лили», «лель» ребенку. У мордвы Ведь-ава (покровительница воды) играла важную роль в родильных обрядах, нацеленных на благополучие и сохранность семьи.

Семья как ценность в культуре финно-угорских народов проявляется на уровне идеального, ирреального и реального (сущего) плана культуры.

Т. К. Решетникова,
кандидат философских наук, доцент

Проблема отчуждения в массовой музыкальной культуре Мордовии

В современной философской науке проблема отчуждения становится предметом особого осмысления. Отчуждение проявляется на различных уровнях: экономическом, политическом, моральном. На наш взгляд, данное явление обнаруживает себя и в массовой музыкальной культуре. Так, Ю. В. Согомонов¹ выявляет идеалы отчужденного сознания: потребительские и антипотребительские. Первые характеризуют «синдром счастливого сознания» и связаны с системой этического гедонизма, вторые — «несчастливого сознания» и выводят на концепцию социального нигилизма. Следует отметить, что такой подход плодотворен и для характеристики массовой музыкальной культуры.

Массовая культура в Мордовии существует, она чрезвычайно мозаична по своей жанрово-стилистическим особенностям (рок, авторская песня, эстрада, джаз). В мировой

музыкальной культуре выделяется так называемый «третий пласт», включающий в себя музыку по преимуществу бытовую, развлекательную и существующий вполне самостоятельно между традиционно определенными пластами. Например, в книге «Третий пласт» В. Д. Конен отказывается от привычного дуализма в делении музыки на профессионально-композиторское оперно-симфоническое творчество и фольклор. По его мнению, именно на почве «третьего пласта» возникают в XX в. массовые музыкальные жанры, обретающие зачастую феноменальную популярность и немислимые прежде масштабы потребления. На наш взгляд, массовая музыкальная культура — особое течение в духовной культуре XX в., которое связано с распространением массовых музыкальных жанров и ослаблением нравственного статуса цивилизации.

Массовая музыкальная культура обладает особыми ценностными характеристиками, среди которых гедонизм и нигилизм являются доминирующими. В настоящее время с внедрением мультимедийных технологий тиражирование продуктов массовой музыкальной культуры приобретает глобальные масштабы, что приводит к ее массовому потреблению. Мы можем говорить о том, что на современном этапе идеалы гедонизма и нигилизма приобретают мировоззренческую значимость и формируют константные модели поведения личности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Согомонов Ю.В. Моральное отчуждение: грани малоизученной проблемы. М.: Политиздат, 1991. С. 226—254.

М. А. Мастина,
аспирант кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства

Родильные обряды мордвы

Рождение ребенка считается самым важным этапом создания полноценной семьи. Обряды, связанные с рождением ребенка и уходом за ним в первые годы жизни, были направлены на обеспечение здоровья и благополучия не только ребенка, но и его матери, сохранение ее способности к деторождению. С рождением ребенка женщина меняла

свое социальное положение в семье и обществе. С переменной статуса и приобщением к дому мужа она приобретала священное значение женщины-матери, дающей жизнь и обеспечивающей жизнеспособность рода.

Родильный обряд (эйден чачомань цислат (э.)) состоял из двух основных обрядов: непосредственно послеродовой хлебный молебен (кшинь озномат (э.)) и проводившийся по истечению шести недель обряд имянаречения (лемдемат (э.)). Хлебный молебен (кшинь озномат (э.)) проводился для представления верховному богу новорожденного младенца. К этому обряду собирались близкие родственники и повитуха: пекли хлеб, готовили брагу, зажигали особую свечу (штатол (э.)). От хлеба повитуха отрезала ломоть и давала съесть матери ребенка. Этот особый хлеб назывался «хлебом здоровья» (чумбра кши (э.)) Он символизировал здоровье ребенка и матери. Сначала поминали усопших близких родственников ребенка и просили их покровительства для младенца, затем обращались к богам Вере-паз (э.) и Нишке-паз (э.). Обязательным послеродовым элементом обряда хлебного молебна является ритуал поднимания хлеба (кшинь кепедема (э.))

По истечению шести недель проводился обряд имянаречения (лемдемат (э.)) Повивальная бабка нарекала имя младенца, произнося следующие слова: «Даю тебе имя...». Далее шел ритуал моления над кашей (кашань озномат (э.)) из проса (суронь каша (э.)). Ключевым действием этого обряда является приготовление каши. При этом было важно какой она получится: если удалась, то судьба новорожденного будет удачной.

Такое важное событие, как рождение, буквально пронизано символизмом и переходными моментами в биологическом и магическом, ритуальном, смысле. В рассмотренных молениях пища выступала в качестве символического начала, вокруг которого временно объединялись люди и божества.

А. С. Морозов,

соискатель кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства

Праздничная культура мордвы: «Раськень озкс»

В современной культуре Мордовии заметен интерес к традициям мордовского народа как на научном, так и политическом уровне. В Республике Мордовия с 1999 г. проводится праздник «Раськень Озкс», где используются традиционные обрядовые формы.

«Раськень озкс» — народное (родовое) моление. По-эрзянски «раське» — народ, родня, «озномс» — молиться, «озкс» — моление. На «Раськень Озкс» эрзяне поклонялись духам предков, решали текущие (экономические, политические, социальные) вопросы, планировали перспективное развитие этноса. Во временном аспекте здесь присутствует прошлое, настоящее и будущее. В этом обряде наглядно представлена связь времен, что гарантирует стабильность развития этноса и его сохранения.

«Раськень озкс» — это обрядовая форма традиционной культуры мордвы. Обряд (хозяйство, порядок, устройство, обиход) — введенный законом или обычаем порядок в чем-либо; определенная последовательность действий, в ходе которых человек творит свой мир, «обряжая» его в знакомые ему образы с учетом конкретной ситуации. Смыслом обряда в современном толковании является приведение общественных устоев в соответствие с традиционным жизненным укладом народа. Итак, в понятии «обряд» особое значение имеют установление и организация порядка на всех уровнях жизни.

Этот обрядовый праздник проводится регулярно раз в четыре года. Он проводился в 1999, 2004, 2007, 2010 гг. на кургане вблизи с. Чукалы Большеигнатовского района Республики Мордовия. Таким образом, в настоящее время можно говорить об обрядовом празднике, где наряду с ритуальными действиями, имеющими сакральное значение, используются и традиционные массовые зрелищные формы, элементы театрализации (пролог с эпическими героями).

Традиционные обычаи и обряды являются мощным средством национального воспитания и сплочения народа,

приобщения молодежи к богатой и самобытной культуре предков. Выпадение обрядовых ценностей из культурного комплекса народа негативно сказывается на целостности этноса. Поэтому культуру предков надо сохранять для будущих потомков. Главным сегодня является решение вопросов сохранения и развития традиций, языка, культуры, образования мордовского народа. Думаем, что включение традиционных обрядовых действий в современные празднества будет способствовать пробуждению интереса и внимания к мордовской культуре у подрастающего поколения. Это является гарантом ее сохранения и развития.

М. П. Семина,

соискатель кафедры философии Мордовского государственного педагогического института

Роль «веры» в генезисе традиции (на примере религиозной традиции терюшевской мордвы)

Понятия «традиция» и «обычай» присутствуют во всех культурах. Проводимые нами исследования позволяют сделать вывод о том, что у истоков этих явлений стоит «вера». Для демонстрации этого положения следует обратиться к этимологии одной мордовской традиции.

Со времен правления Ивана Грозного непрерывно происходил процесс обращения мордвы в христианство. Однако до середины XIX в. мордва по-прежнему продолжала поклоняться своим языческим богам из-за отсутствия «среди духовенства людей, знающих эрзянский и мокшанский языки»¹, из-за ряда сложностей, связанных с восприятием новых религиозных категорий. В отдельных случаях христианские таинства подвергались рефлексии. В этом плане показателен пример с Кузькой — «мордовским пророком».

Уникальность кузькиного мировоззрения состояла в том, что в его сознании основы христианства подвергались осмыслению с позиций устоявшихся языческих традиций мордовской общины. В этом преломлении христианство мыслилось Кузькой как религиозное учение, неотрывно связанное с повседневными нуждами народа, целью которого было не абстрактное спасение души человека, а обустройство и совершенствование его повседневной жизни в общине. В опре-

деленном смысле Кузька становится автором собственной религии: «Христос — это чин... Состарившись, он этот чин с себя сложил... весь свет примет закон, обычаи и одежду мордовские и во всем будет следовать мордовским обрядам... и они мордвы будут свободны, не будут принадлежать помещикам и платить оброка, а будут первыми людьми»². Из исследования И. Н. Смирнова мы узнаем, что «терюшевская мордва следовала» заветам Кузьки, «как умела»³. Очевидно, что убеждения Кузьки — результат его самостоятельной духовно-интеллектуальной работы, потому что изначально такого оригинального «учения» не было. Мировоззрение Кузьки — пример самостоятельно обретенной веры. Таким образом, у истоков религиозной традиции терюшевской мордвы стоит вера «мордовского пророка».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юрченков В.А. Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории: очерки, рассказы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 368 с.

² Смирнов И.Н. Мордва: историко-этнографический очерк / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2002. 296 с.

³ Там же. С. 106.

В. В. Леонов,

аспирант кафедры философии Мордовского государственного педагогического института

Этнокультурный экотуризм в Мордовии

Основными задачами этнокультурного экотуризма являются создание условий для общения человека с природой, знакомство с местными обычаями и национальными традициями. Кроме того, он способствует защите окружающей среды, культурному просвещению туристов через знакомство с достопримечательностями местности, которую они посещают. Этнокультурный экотуризм позволяет человеку общаться с природой, местными обычаями и культурой в процессе туристической деятельности.

В Мордовии есть все необходимые условия для организации и развития этнокультурного экотуризма: неплохой климат, исторические памятники. В настоящее время особый

интерес представляют культурные традиции мордовского этноса, ансамбли церковной архитектуры и т. д. Объектами этнокультурного экотуризма в Мордовии могут стать Иоанно-Богословский Макаровский мужской монастырь, Скит новомучеников и исповедников мордовских, Свято-Никольская пустынь, Санаксарский Рождество-Богородичный мужской монастырь, Инсарский Свято-Ольгинский женский монастырь, Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь. Туристы при посещении этих мест могут посвятить время молитвам, богословским беседам, оказанию посильной помощи в повседневных делах братии.

В Мордовии существуют этнокультурные центры, которые могут представлять интерес для этнокультурного экотуризма. Это с. Подлесная Тавла Кочкуровского района, где издревле занимаются резьбой по дереву. Сложилась школа мастеров и типология изделий, характерная для мордовской мифологии и крестьянского быта: лошадки, качели, различная домашняя утварь. Здесь можно наблюдать сам процесс обработки дерева и изготовления изделий. В с. Старая Теризморга Старошайговского района создан этноцентр, в котором наряду с бытовыми ценностями и мордовской кухней сохранены традиции многоголосного пения. Именно активное вовлечение туристов в повседневную жизнь местного населения позволит ближе познакомиться с национальными и культурными традициями, бытом, нравами и обычаями мордовского народа.

В настоящее время этот вид туризма в Мордовии не получил должного развития, но это дело будущего. Этнокультурный экотуризм способствует постижению ценностного значения культурных памятников и традиций, развивает духовно-нравственное начало в человеке, пробуждает его патриотические чувства.

Е. М. Гусарова,
аспирант кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства

Проблема синтеза в исторических песнях мордовского и русского этноса

Единство пространства и времени бытования русского и мордовского народов обуславливают заимствование, вза-

имовлияние и взаимодействие песенного фольклора, что позволяет говорить об общих принципах сюжетности и функциональности народных песен.

Самую значительную часть произведений традиционного фольклора в быту русского и мордовского народа составляют неприуроченные протяжные песни. По признаку тематической принадлежности их можно разделить на исторические и лирические песни. Оба вида песен относят к «Ружонь кувака морот» («Русские долгие песни»).

Фольклорные заимствования в культуре мордвы проявляют себя по-разному: одни ассимилировались в автохтонных традициях, и наличие их слабо угадывается; другие образовали своеобразные стилевые сплавы, в которых еще можно выделить отдельные элементы тех или иных заимствованных этнических традиций; третьи сохранились в относительно устойчивой форме в виде целостных произведений. Заимствования предполагают синтез различных этнических традиций.

Главные сюжетные линии русских и мордовских исторических песен и легенд схожи. Во всех этих песнях и преданиях главными героями являются простые люди: у мордвы — крестьянская девушка Саманька и крестьянин Маресь, у русских — рядовой воин-пушкарь. О тяжести монголо-татарского ига и борьбе за освобождение своей Родины из-под этого ига рассказывает мордовский народ в исторических песнях «Вирь чиресэ» («На опушке леса»), «Тейтеренть ногайть полонизь» («Девушку ногайцы полонили»), «Ушман Байкась» («Ушман Байка»). Среди русских песен на историческую тематику повсеместное распространение у мордвы получили офолклоризовавшиеся стихи русских поэтов XIX в.: «Ермак» К. Ф. Рылеева, «Утес Стеньки Разина» А. А. Навроцкого, «Из-за острова на стрежень» Д. Н. Садовникова. Они интонируются на общеизвестные русские напевы.

Сходство сюжетов, образов и мотивов вызвано отчасти прямым сходством изображаемых в песнях событий и ситуаций, равных по значению и одинаково оцениваемых (типологические связи), отчасти — трансформацией произведений от одного народа к другому, их своеобразной ассимиляцией (историко-культурные связи).

Таким образом, этнокультура этноса предстает противоречивым системным единством преемственности и обновления, традиции и новации. Именно такое системное единство традиционных и инновационных элементов в культуре обеспечивает выживание этноса в современной социокультурной и информационной среде. Причем заново приобретаемые культурные формы позволяют этнической группе адаптироваться к новым историческим условиям. Проблема в том, какова та мера, которая позволяет не утратить этнокультурную целостность и качественное своеобразие в новой исторической обстановке.

В ходе подготовки 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства (2012 г.) важны проблемные материалы исследования культуры русской, финно-угорского мира и мордовской, которые образуют некий единый стержень всего разветвленного древа национальной культуры.

А. Б. ПЕРМИЛОВСКАЯ

**ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ
СЕЛЬСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ
ПОСЕЛЕНИЙ РУССКОГО СЕВЕРА¹**

Ключевые слова: Русский Север, сельский культурный ландшафт, историческое торговое поселение, народное зодчество, наследие

Key words: the Russian North, rural cultural landscape, historic trade settlement, folk architectonics, heritage

Русский Север около двух столетий — это устойчивое словосочетание для носителя российского менталитета, понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. С одной стороны, в нем фиксируется особая государственная значимость обширной территории на Севере европейской части страны. С другой стороны, несмотря на полиэтничность региона, определение «русский» указывает на исторически сложившееся здесь доминирование славянского типа культуры². Культура Русского Севера — понятие, обретшее вид своеобразной формулы. Оно вызывает ряд устойчивых ассоциаций: просторы, полноводные реки, леса, болота, своеобразная народная деревянная архитектура, отражающая приемы приспособления человека к суровому климату, а также фольклор, народное искусство, местные говоры, которые продолжают традицию древнерусских диалектов. В этом ряду культурный ландшафт занимает ведущую позицию.

Сельский культурный ландшафт — это система, включающая в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру. Особенно полноценно и зримо феномен культур-

ПЕРМИЛОВСКАЯ Анна Борисовна, ведущий научный сотрудник Института экологических проблем Севера УрО РАН, кандидат культурологии (г. Архангельск).

ного ландшафта проявляется в регионах с мощными этнокультурными традициями. Именно таким является Русский Север. В качестве особого региона российского культурного наследия по своей значимости он соотносим с уникальными явлениями мировой культуры. На его территории расположены памятники, представляющие Россию в списке объектов всемирного культурного и природного наследия, сформированного под эгидой ЮНЕСКО. В эпоху всеобъемлющей глобализации и унификации все большую значимость обретает национальная и культурная самобытность. Среди регионов России именно Русский Север во многом сохранил уникальность культуры и традиций русского народа.

Понятие «Русский Север» сформировалось в XIX — начале XX в., когда в науке и искусстве произошло его «открытие». Русский Север стал восприниматься не только как географическое понятие, но и как место развития самобытной модификации русской культуры и особое культурное пространство. Территориальные границы Русского Севера как объекта изучения исторически обусловлены. Обширную территорию Европейского Севера обычно называют Русским Севером или просто Севером. Этот край формировался в тесном контакте с остальными северными территориями, поэтому сущность и значение региона правильнее отражает понятие «Европейский Север», хотя оба названия часто употребляются как синонимы. Исследователи по-разному относятся к границам этого региона, особенно его южной части. Например, существует мнение, что не следует ограничивать понятие «Русский Север» пределами бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний (иногда даже одной из губерний), а распространить его значительно шире, в первую очередь на территории, которые с исторической точки зрения не могут быть отделены от севернорусского региона. Это северо-восток бывшей Санкт-Петербургской губернии, а также бывшая Новгородская и Тверская, северная часть Костромской губернии. Территориальные границы региона в разные исторические периоды были подвижны, изменяясь во многом под влиянием административного устройства края. В частности, в XIX — начале XX в. они соотносились с территориями Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, побережья Белого и Баренцева морей³.

Выдающуюся значимость Русский Север как культурный ландшафт обретает и в наши дни в связи с тем, что он представляет собой не заповедник, не музей под открытым небом, а регион живой традиционной культуры, территорию, сохраняющую культурное и природное наследие России. И сейчас еще высока сохранность многих старинных сельских поселений, донесших до наших дней характерную северную и поморскую планировку деревень и сел, архитектуру крестьянского дома, тип хозяйственных построек и сельской усадьбы в целом. Вместе с тем это не музеефицированные объекты, а живые поселения с характерным обликом и традиционной культурой. Сельские поселения Русского Севера хранят уникальное историкокультурное наследие. Они имеют потенциал музейного и туристского развития, востребованный внутри страны и за рубежом⁴. «Между тем, мы должны констатировать, — отмечал Д. С. Лихачев в 1984 г., — в Архангельской области, так богатой памятниками старины, сегодня нет ни одного охраняемого или заповедного селения»⁵.

Актуальность обращения к теме изучения культурного ландшафта Русского Севера связана с проблемами сохранения национального историко-культурного наследия. Эта тема требует также понимания сложности социокультурных процессов, происходящих в последние годы в нашей стране. Комплексный подход к культурному ландшафту как уникальному объекту наследия позволяет определить приоритеты в региональной культурной политике. Важнейшей задачей в связи с этим является согласованность стратегии развития региона с общероссийской и международной теорией и практикой охраны культурных объектов. В свою очередь в формировании государственной культурной политики России необходимо учитывать исторические корни регионального развития, особенности локальных культуроформирующих процессов. Сохранение сельского ландшафта невозможно без сохранения традиционной культуры.

Модель культурного ландшафта удобна для организации и проведения междисциплинарных исследований в силу своей пластичности, поскольку позволяет по-разному расставлять акценты в зависимости от направленности самого исследования. Фиксация на одном из компонентов не исключает, а предполагает учет его связи с другими. Это означает, что

концепция культурного ландшафта позволяет получать достаточно объективные научные результаты⁶. Обращение к теме сельского культурного ландшафта отнюдь не случайно. С одной стороны, сельский ландшафт — наиболее распространенная типологическая категория, с другой — в своей относительной неизменности он сохранился только в периферийных, удаленных от административно-хозяйственных центров регионах⁷. В силу своего «окраинного положения» Русский Север представляет собой уникальный пример сохранности сельского культурного ландшафта. Хронологические рамки нашего исследования охватывают XIX — начало XX в.

Культурный ландшафт Русского Севера — это прежде всего крестьянский ландшафт сельских поселений. По социально-экономическим признакам здесь сложились три основных типа поселения: *погост*, *деревня*, *село*. Кроме этих типов, на Русском Севере получили распространение также «*почин*» («*выставка*», «*окол*»), «*слобода*» и «*посад*». Тип расселения отражает архитектурно-пространственную организацию (среду) групп поселений. Характерный для Русского Севера гнездовый тип расселения сложился в XVI—XVII вв., а к XVIII—XIX вв. получил окончательное завершение и развитие. Именно для гнездового типа характерны структурность, внутренняя организованность, подчиненность центру, что привело к созданию известных архитектурно-природных ансамблей.

Базой нашего исследования стали полевые материалы⁸. В контексте изучения традиционной культуры были обследованы поселения, усадебные комплексы, народное жилище, культовые постройки. Кроме того, проведена оценка их современного состояния как объектов культурного наследия. С 2004 г. в рамках научной темы «Исторические поселения Русского Севера» были организованы девять экспедиций. В исследовании использован наш опыт работы по формированию архитектурно-этнографической экспозиции музея деревянного зодчества «Малые Корелы» (1981—2002 гг.).

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ дает определение исторического поселения. Это «поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного на-

следия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов РФ, их вклада в мировую цивилизацию. В историческом поселении государственной охране подлежат все исторически ценные градостроительные объекты: планировка, застройка, композиция, природный ландшафт, археологический слой, соотношение между различными пространствами, объемно-пространственная структура, фрагментарное и руинированное градостроительное наследие, форма и облик зданий и сооружений, объединенных масштабом, объемом, структурой, стилем, материалами, цветом и декоративными элементами, соотношение с природным и созданным человеком окружением, различные функции исторического поселения, приобретенные им в процессе развития, а также другие ценные объекты»⁹.

В Архангельской области сохранился ряд традиционных поселений, являющихся объектами культурного наследия. Это Кимжа Мезенского района; Черевково, Верхняя Уфтюга, Цивозеро, Пермогорье Красноборского района; Ошевенское, Лядины Каргопольского района; Веркола, Сура Пинежского района; Чухчерема, Холмогоры, Ломоносово Холмогорского района; Ненокса, Конецдворье, Нижняя и Верхняя Золотица, Лявля, Ижма, Заостровье Приморского района; деревни Кенозерья и Водлозерья (территория национальных парков «Кенозерский» и «Водлозерский»), Конево Плесецкого района; Верховье, Турчасово, Малошуйка, Пияла Онежского района; Плоское Устьянского района и др. Здесь сохраняются культурный ландшафт, архитектурная среда, культовые ансамбли, гражданская, хозяйственная и инженерная народная архитектура XVIII — начала XX в., традиционная культура. В то же время исследований в большинстве этих поселений не было, они не введены в научный оборот. Соответственно, не поставлен вопрос об охране множества памятников народного зодчества и сельских культурных ландшафтов.

В качестве исследовательского случая («case study») использовано с. Черевково Красноборского района. Исследование построено на самостоятельном экспедиционном об-

следовании в 1897 г., 2005 г., 2010 г.¹⁰, работе с архивными и музейными источниками ГААО, ГАВО, Архангельского областного краеведческого музея, музея «Малые Корелы», Государственного научно-исследовательского музея архитектуры, краеведческих музеев с. Красноборск и с. Черевково и др. В 2010 г. памятники народного зодчества с. Черевково впервые были обмерены экспедицией Института экологических проблем Севера УрО РАН.

Как центр традиционной культуры двинское поселение характеризуют сохранившийся этнокультурный ландшафт; памятники культурной, жилой, хозяйственной, торговой архитектуры XVIII—XX вв.; наличие местных легенд о первых поселенцах, истории возникновения и происхождения названия; семантика этнонимов и топонимов; почитание местного святого Петра Черевковского; бытование традиций старообрядчества. Черевково и деревни бывшей Черевковской волости занимают большую площадь (30 км) на высоком берегу Северной Двины. От реки деревни отделяет широкий пойменный заливной луг шириной 2—4 км с многочисленными мелкими озерами. Первое упоминание об этих местах датировано 11 августа 1519 г., когда «писцы великого князя дали грамоту Михалю Кузьмину сыну Пинегину да Проне Елеину на Боровикову роспашь да Ильину Едому в Черевковской волости»¹¹. Первое комплексное описание Черевково как места торговой жизни региона, где существовали традиции ежегодных ярмарок, дает Писцовая книга 1626 г. писца Никиты Вышеславцева и подъячего Аггея Федорова¹².

Черевковская волость Великоустюжского уезда объединяла в это время 193 деревни. Это были небольшие поселения от 1 до 9 дворов. В 1896 г. на территории волости было более 50 торговых заведений, принадлежавших крестьянам и церкви. Черевковский погост — центр торговли, среди сельских торжков уезда он занимал первое место. Двинские крестьяне не только поставляли продукты своего труда на рынок, но и покупали привозные товары: соль, треску, палтус, мед, пряники, орудия сельского труда, одежду, посуду. Богатые семьи приобретали заграничные товары: сукна аглицкие, шелк, бисер, гребни слоновые¹³. Мелкие товары по деревням разносили разносчики-офени — «кузовники» (пешие торговцы с кузовами). На ярмарках ходили шарманщики, гадалычики с попугаями, китайцы с игрушками, водили медвежонка на цепи.

Кроме торговли, в лавках развевывалась торговля с воев. Крестьяне-кустари продавали гончарную посуду, деревянные ушаты, шайки, бочонки, сани, грибы и ягоды. В воскресенье Великого поста с воев продавали гороховый кисель, горячие оладьи, жареную телятину. На торжке в июле проводился наем рабочих: *казаков, казачих, нянь*. В определенном месте устраивался *скотный* базар. В праздничные дни бойко торговали питейные заведения. В летнее время товары в Черевково завозились пароходами и баржами. Из Архангельска привозили соленую и сушеную морскую рыбу, из Устюга — промышленные товары, водку и вино. В Черевкове жили и имели лавки несколько крупных торговых семей.

В XIX в. социальная дифференциация крестьянства была характерна для всего Русского Севера, особенно для Подвигня с его активной экономической и торговой жизнью. Выделяется часть богатых крестьян, занимающихся торговлей. В настоящее время Черевково сохранило облик торгового двинского поселения. Комплекс лавок, амбаров, складских помещений, построенных в традициях русского деревянного зодчества XIX — начала XX в., расположен на окраине села, например, амбар-лабаз А. И. Пирогова (1916 г.) — торговое здание в виде пропорционального четырехстенка с большими воротами на главном фасаде в два этажа. Торговая постройка состоит из четырех отсеков с дверями, которые закрываются изнутри и снаружи. Длина амбара составляет 20 м, на боковом фасаде находится длинная двухэтажная галерея с точеными столбиками-балясинами, на нее выходят отдельные складские помещения. На главном фасаде второго этажа находится контора приказчика. Особую красоту амбару придают изящные резные в стиле барокко наличники окон первого и второго этажа и мезонины, окрашенные в белый цвет. Рядом находятся торговые ряды из четырех секций, также принадлежавшие А. И. Пирогову (1906 г.). Помещение использовалось как магазин и лавка, часть сдавалась в аренду. На окраине поселения находится амбар-магазин. Это большое помещение для хранения зерна было построено черевковскими крестьянами в 1927 г. на общественные деньги. Два двухэтажных прямоугольных сруба поставлены рядом, перекрыты четырехскатной кровлей. Помещение имеет два отдельных входа, один из которых используется как

вход-въезд. По уровню второго этажа под кровлей по всему зданию устроены прямоугольные, вытянутые окна-продухи, напоминающие окна-бойницы. Амбар-магазин имеет четкие пропорциональные линии, отличается качеством плотницкой работы и хорошей сохранностью.

Народная жилая архитектура представлена уникальными домами торговых крестьян Гусевых. Они отправляли в Архангельск баржи с мясом, кожами, маслом, поставляли мясо на экспорт в Англию, Голландию и Германию, завозили в Черевково морскую рыбу. Семейное дело развивалось быстро: в 1907 г. годового оборот составлял 123 000 руб. В конце XIX в. семье принадлежали восемь домов, в настоящее время сохранились три постройки.

Дом М. С. Гусева (1886 г.) стоит недалеко от дороги и является своеобразной визитной карточкой Черевково. Гусевы — пример большой крестьянско-торговой семьи. Михаил Семенович и Анна

Федоровна имели четырех сыновей и двух дочерей. Родовой дом состоит из 14 жилых комнат на двух этажах. На главный фасад выходят 13 окон, на боковые — по 24 окна. Первый этаж — пятистенок, второй — шестистенок с заулком. Обшивка дома имитирует кирпичную кладку. Подлинное велико-

Дом М. С. Гусева (1886 г.)
Фото А. Б. Пермиловской

пие представляют уникальная резьба главного фасада, декор крыльца. На главном фасаде — балкон полуовальной формы с шестью колонками. Они украшены рельефной резьбой растительного характера и поддерживают арочный балкон. Верхняя лицевая часть балкона имеет имитацию резного балдахина с кистями. Особую ценность дому придает редкая по красоте резьба подбалконной плоскости, представляющая

собой сложный растительно-вьющийся орнамент. Резьба выполнена на высоком профессиональном уровне в традициях деревянных барочных иконостасов Русского Севера. Можно предположить, что она сделана церковными мастерами. Геометрическая резьба (ромбы, цветочные розетки) украшает интерьер сеней: лестницы и дверей.

Рядом находится дом брата И. С. Гусева. Это двухэтажный шестистенок с 14 окнами по главному фасаду. Оба дома, вероятно, построены одной плотницкой артелью. Подтверждением этому является обшивка, имитирующая кирпичную

Дом И. С. Гусева (конец XIX в.)
Фото А. Б. Пермиловской

Третий дом семьи Гусевых повторяет планировку родового дома, но он значительно скромнее по декоративному решению. Несомненно, дома торговых крестьян Гусевых сформировались под влиянием городской архитектуры, что отразилось в большом количестве жилых помещений, декоративном убранстве экстерьера и интерьера, но при этом они сохранили традиционную планировку народного жилища.

В центре Черевково — каменная Троицкая церковь (1727 г.) с двумя пристроенными позднее приделами. Этот тип храма был распространен в г. Великом Устюге, с которым волость связывали прочные экономические и административные отношения. В основе церкви — ярусная композиция

кладку, а также общие приемы декора: форма и резьба балкона с декорацией резным балдахином и кистями, наличники и причелины. Наружная решетка балкона — кованая. Второй балкон выходит на задний фасад, где сохранились следы примыкания взвоза для въезда лошади на поветь.

типа «восьмерик на четверике», ведущая происхождение от деревянных храмов. В 1658 г. на погосте была построена деревянная часовня, посвященная местному святому Петру Черевковскому. Часовня со временем обветшала и дважды реставрировалась: в 1859 г. и в 1991 г. Это довольно просторное помещение клетского типа. В настоящее время к основному помещению пристроен алтарь, часовня имеет статус храма, где ведется богослужение. В алтарной части установлена рака Святого Петра Черевковского. На

Часовня Святого Петра Черевковского (1658 г.)
Фото А. Б. Пермиловской

окраине поселения на берегу р. Лудонги находится региональный памятник природы — кедровая роща. Это искусственно посаженная роща сибирского кедра, ее посадил крестьянин Ф. С. Мокеев в 1883 г. Предметы повседневной бытовой культуры Подвинья представлены в экспозиции музеев с. Черевково и с. Красноборск.

Черевково, безусловно, представляет интерес как историческое торговое поселение Русского Севера, центр традиционной культуры Подвинья. Его необходимо включить в перспективный ресурс «изучения, сохранения и использования» объектов культурного и природного наследия Архангельской области с перспективой его сохранения как «достопримечательное место» муниципальной / регионального уровня. В сохранении, с обязательной постановкой на местную (муниципальную) категорию охраны, нуждаются дома Гусевых. В настоящее время на местной охране находятся амбар-магазея, амбар-лабаз Пирогова, на федеральной — Троицкая церковь (в аварийном состоянии) и Петровская часовня.

Следует рассматривать традиционные поселения Архангельской области как ресурс социально-экономического развития региона, возрождения сельских территорий, народной культуры, развития туризма, строительства объектов туристической инфраструктуры. Развитие этого ресурса представляет возможность сформировать адекватную систему защиты традиционных поселений и сельских культурных ландшафтов Русского Севера как объектов наследия, предложить пути их развития и освоения, вдохнуть жизнь в сельские территории, создать дополнительные рабочие места, увеличить ценность и значимость территории для ее жителей. Наследие Архангельской области в форме сельских поселений может и должно восприниматься как шанс и ключ для развития территории, духовный очаг в культурном пространстве региона. Включение понятия «наследие» в систему деятельности государственных, правовых и общественных структур означает смену парадигмы по отношению к прошлому и исторической памяти, дает возможность говорить не только о сохранении, но и о развитии и освоении культурного наследия региона. Наследие — это не только раритет и дополнительная забота местной администрации, а один из факторов, стимулирующих социально-экономическое развитие, в ряде случаев — ресурс, который может определить его хозяйственную деятельность. Наследие становится фундаментальным понятием, отражающим жизненность многих аспектов современного общества и его надежды на будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ «Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий. XIX — начало XXI вв.», проект № 1001 00470 — А.

² См.: Базарова Э.Л. Система расселения как процесс освоения территории // Культура русских поморов. М.: Научный мир, 2005. С. 90.

³ См.: Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 552 с.; Ее же. Крестьянский дом в культуре Русского Севера. Архангельск: Правда Севера, 2005. 312 с.

⁴ См.: Веденин Ю.А., Гудима Т.М., Шульгин П.М. Концептуальные положения формирования государственной целевой программы «Культура Русского Севера» // Наследие и современность: информ. сб. М., 2004. Вып. 12. С. 22—30.

⁵ Лихачев Д.С. «Русский Север... Я зачарован им до конца моих дней»: из творческого наследия. Архангельск, 2006. С. 81.

⁶ См.: Калущков В.Н. Ландшафтная концепция в культурной географии: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2009. С. 25.

⁷ Кулешова М.Е. Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 248.

⁸ Материалы хранятся в архивах Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (1981—2002), Института экологических проблем Севера УрО РАН (2002—2010).

⁹ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. URL: <http://femida.info/51/ooknpiik012.htm> (дата обращения: 15.12.2010).

¹⁰ См.: Архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». № 1903. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Красноборский район, 1987. 10 л., 6 чертежей; Архив ИЭПС УрО РАН. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Красноборский и Котласский районы Архангельской области, Великоустюжский район Вологодской области, 2005. 10 л., 320 фото; 2010. 16 л., 890 фото.

¹¹ РГАДА. Ф. 1187 Троице-Гледенский монастырь. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3237. Л. 1; Цит. по: Щипин В.И. История Черевковской волости. Красноборск, 2008. С. 15.

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 507. Л. 47 об.

¹³ См.: Тупицын С.И. Страницы истории земли Красноборской // Земля Красноборская: страницы истории и культуры. Архангельск, 1991. С. 43.

Поступила 18.01.11.

АННОТАЦИИ

Е. У. Байдаров. Центральная Азия: проблемы и противоречия интеграции.

В статье рассматриваются проблемы и противоречия интеграционных процессов государств Центральной Азии. Региональная интеграция характеризуется как безальтернативный путь к стабильности, прогрессу, экономической и военно-политической безопасности, а также к росту авторитета Центральной Азии в мировом сообществе. Делается вывод о том, что углубление интеграции на региональном уровне становится одним из важных путей преодоления глобального кризиса.

Е. А. Когай, К. А. Комков. Повышение имиджа региона как задача социокультурной политики.

В статье анализируется проблема разработки проекта по продвижению позитивного имиджа Курской области на межрегиональном, федеральном и международном уровнях. Обозначены задачи повышения роли символов в продвижении региона в коммуникационном пространстве, выявлена роль СМИ в этом процессе, обозначены типы элементов «имиджевой привлекательности». Затронута также проблема использования культурного наследия в качестве фактора социально-экономического развития региона.

М. Ф. Глухова. Инфраструктура региональной молодежной политики: основные признаки и типологии.

В статье рассматриваются особенности инфраструктуры молодежной сферы в рамках функционирования регионального компонента государственной молодежной политики. Обозначены предпосылки развития инфраструктуры регионального уровня, выявлены ее специфические признаки. Предпринята попытка исследования инфраструктуры через создание типологии региональных учреждений по работе с молодежью.

В. П. Миничкина, С. С. Артемьева. Индикативное планирование как механизм выравнивания различий в уровнях социально-экономического развития регионов.

В статье дается обоснование восстановления плановых начал в экономике Российской Федерации и ее субъектов, создания альтернативных процедур согласования действий государства и хозяйствующих субъектов, адекватных рыночному хозяйству. Рассматриваются административные и нормативные методы государственного регулирования, предлагается выработка основ методологии и методики индикативного планирования, включая нормативно-правовое обеспечение.

В. И. Добрынина, А. С. Ляховец. Города современной России: урбанизационный подход.

В статье рассмотрены проблемы, связанные с урбанизационными процессами в России советского и постсоветского периодов. Представлена типология российских городов, выявлены тенденции ее изменения в условиях радикальных перемен, характерных для российского общества последних двух десятилетий.

Е. А. Ермолаева. Информационная среда управления малого города: состояние, проблемы и тенденции развития.

На основе результатов прикладного социологического исследования анализируется современное состояние информационной среды управления Губкинским городским округом Белгородской области, рассматриваются ее проблемы, а также намечаются перспективы развития.

В. В. Смирнов. Парадигма и концепция эффективного социально-экономического развития региона.

Предложена парадигма эффективного социально-экономического развития региона, разъяснена суть структурно-функциональной взаимосвязи подсистем региона, показаны основные стадии экономического развития страны и регионов, представлена дескриптивная модель согласования интересов хозяйствующих субъектов региона, определена концепция эффективного социально-экономического развития региона. Кроме того, установлены задачи, а также отражены основные этапы достижения эффективного социально-экономического развития региона.

О. С. Панфилова. Информационная поддержка управления бизнес-процессами.

Представлена модель анализа результативности процессов в системе качества организации, основанная на представлении системы в виде ориентированного графа. Модель и режимы автоматизированной обработки данных получили дальнейшее развитие в алгоритмах пакета программ «ПМК-Мастер». Введены понятия функции преобразования ресурсов и коэффициента эффективности преобразования, приведены примеры анализа результатов применительно к исследуемой предметной области.

Т. Б. Малинина. Зависимость меры труда от меры потребления в социально-экономическом развитии региона.

В статье показано, что определение соотношения меры труда и меры потребления сводится к измерению и соизмерению затрат и результатов труда. Приведены расчеты потребительской силы населения для Республики Мордовия и Ленинградской области. Показано, что в условиях производства и потребления продукта как потребительской стоимости мера потребления превышает меру труда, что является необходимым условием для нормального функционирования и развития человека, государства и его регионов.

Л. М. Кожевникова. Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства России и Восточной Сибири в рыночных условиях.

В статье анализируется процесс перехода к рыночным отношениям в сельском хозяйстве России и Восточной Сибири. Основное внимание уделено реформированию отношений собственности и системы управления экономикой. Рассматриваются положительные и негативные тенденции переходного периода, обозначены условия и перспективы перехода сельского хозяйства к прогрессивной эволюции.

Б. И. Ломакин, Н. К. Афонина. Социально-экономическая оценка модернизации молочной отрасли.

В статье дается социально-экономическая оценка состояния и перспектив развития молочной отрасли страны. На примере Республики Мордовия сделана попытка проанализировать процесс модернизации молочной отрасли России.

Е. И. Чепина. Развитие регионального рынка электроэнергетики.

В статье рассматривается современное состояние рынка электроэнергетики Республики Мордовия, приводится сравнительная динамика тарифов на электроэнергию с регионами Приволжского федерального округа.

А. М. Мордвинов. Повышение производственного потенциала промышленного предприятия на основе эффективного использования электроэнергии.

В статье рассматриваются организационные и экономические отношения, возникающие на промышленных предприятиях в процессе управления эффективностью использования электроэнергии. Раскрывается роль электроэнергии как одного из важных элементов производства в технико-экономической системе «энергия — скорость — эффект». Особое внимание уделено диагностике организационно-экономических проблем повышения эффективности использования электроэнергии в промышленности.

Н. А. Филиппова, М. С. Лебина. Совершенствование организации взаимодействия правоохранительных и налоговых органов региона в борьбе с правонарушениями и преступлениями в налоговой сфере.

В статье анализируется процесс взаимодействия правоохранительных и налоговых органов Республики Мордовия в борьбе с правонарушениями и преступлениями в налоговой сфере. Предложены методы оптимизации этого взаимодействия: обмен оперативной информацией о нарушениях законодательства о налогах и сборах, проведение совместных проверок налогоплательщиков и т. д.

Т. А. Кузнецова, А. А. Ташкинов, В. Д. Черкасов. Национальный исследовательский университет как центр инновационной деятельности региона.

В статье анализируются основные инструменты участия вузов в развитии образовательных и научно-технических инноваций, приводится модель инновационной подготовки конкурентоспособных кадров. В качестве примера эффективно функционирующего регионального центра инновационной деятельности рассматривается Пермский государственный технический университет.

М. Б. Гитман, Н. Н. Матушкин, И. Д. Столбова, С. И. Пахомов. Оценка качества подготовки выпускников аспирантуры к инновационной деятельности.

Рассмотрены подходы к оценке качества системы подготовки выпускников аспирантуры к инновационной деятельности: первый основан на принципе системности и позволяет оценить качество системы подготовки аспирантов в целом; второй базируется на процессной и компетентностной моделях и позволяет производить оценивание результатов подготовки каждого выпускника аспирантуры.

О. Ю. Осипова. Профессиональные компетенции, ценности и социальный статус молодых ученых региона.

На основе результатов социологического исследования проанализированы профессиональные компетенции, лидерский потенциал, социальные установки и мотивационные факторы научно-исследовательской деятельности молодых ученых Республики Мордовия, а также выявлены основные характеристики социального положения и проблемы молодых ученых.

Л. А. Давлетшина. Формы и методы профессиональной ориентации будущих специалистов в муниципальных образовательных учреждениях региона.

В статье рассмотрены формы и методы профориентационной работы в муниципальных образовательных учреждениях Республики Татарстан,

затронута проблема профилизации обучения на старшей ступени общего образования. Предложена модель сетевого взаимодействия с муниципальными образовательными учреждениями по реализации профильного обучения на базе Ресурсного центра Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

В. В. Авдеев. Сфера потребления и качество жизни трудового населения региона.

Статья посвящена анализу основных показателей уровня жизни населения Республики Мордовия в сравнении с другими регионами ПФО. Отмечена положительная тенденция их роста, однако отмечается его невысокий уровень по сравнению с другими регионами ПФО. Представлен расчет индекса развития человеческого потенциала Мордовии за 2010 г.

С. Э. Майкова. Адаптация персонала промышленных предприятий региона как социальный детерминант внутриорганизационных изменений.

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты формирования системы адаптации персонала к внутриорганизационным изменениям на промышленных предприятиях Республики Мордовия. Исследованы место и роль адаптации персонала в системе социальных детерминант организационного развития, приводится систематизация видов адаптации, представлен алгоритм, а также показаны основные приемы проведения адаптационных процедур.

Т. В. Фогель. Социально-помогающие практики в координатах социальных измерений в регионе.

На основе данных социологического исследования, проведенного в г. Йошкар-Ола, показаны социально-демографические характеристики социально-помогающих практик, выявлены детерминации, определяющие участие человека в социально-помогающей деятельности.

Н. А. Филипенко. Социальное одиночество подростков региона: проблема социализации.

Рассматривается проблема социального одиночества подростка, отмечена роль социализации в формировании активной жизненной позиции и коммуникативных способностей подростка в условиях города на примере Республики Марий Эл.

И. В. Иванов. Составляющие программы реализации инвестиционного потенциала пенсионных накоплений на региональном уровне.

В статье даны предложения по совершенствованию структуры комплексной программы использования пенсионных накоплений для регионального экономического развития.

Р. Р. Ураев. Проблемы эффективности негосударственного пенсионного обеспечения: региональный аспект.

Статья посвящена проблеме оценки эффективности негосударственного пенсионного обеспечения в стране. Используя данные социологического исследования, автор предлагает рассмотреть современную пенсионную систему сквозь призму комплексной оценки эффективности негосударственного пенсионного обеспечения, включающую в себя социальный и экономический критерии эффективности.

Д. А. Егоров. Дополнительные факторы, способствующие успешной социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детском доме.

Рассматриваются альтернативные пути минимизации последствий факторов, традиционно определяющих содержание социализации детей в условиях детского дома.

Е. Н. Мелешина. Становление информационного вещания в региональном телеэфире.

В статье отмечается, что региональные телекомпании страны на рубеже нового тысячелетия претерпели значительные перемены. 11 августа 2003 г. произошел почти полный переход местного телевидения на информационное вещание. Одновременно с этим совершенствовались структура и содержание новостей, изменился характер подачи материалов и расположения сюжетов в выпуске в зависимости от актуальности темы и значимости какого-либо события для местного зрителя.

О. Р. Мухаев. Проблемы социальной рекламы в регионе.

Осуществлен анализ положения социальной рекламы в регионах. Исследование, проведенное в Республике Мордовия, выявило всевозрастающий интерес к социальным проблемам, а также высокий уровень потребности в этом виде рекламы со стороны некоммерческих организаций и производителей социального продукта.

А. Р. Шарипов. Конфессиональный и национальный факторы в процессе глобализации.

В статье рассматриваются некоторые аспекты влияния мировых конфессий на становление и развитие процесса глобализации. Конфессиональная идентичность, как и национальная, является важной составляющей понимания общественно-политических и социально-экономических процессов в современном мире. Дается анализ положения и развития межконфессионального взаимодействия на примере ряда стран, в том числе и России.

Ю. Г. Юшкова-Борисова. Этнические особенности населения России и их влияние на процессы производства в регионах.

В статье анализируется механизм влияния этничности на трудовые мотивации населения. Этничность рассматривается как комплекс приспособлений человека к окружающей среде, символически закрепленный в этнической культуре. Этнические особенности населения в таком случае являются следствием многовековой деятельности человека на определенной территории. Именно эти особенности и могут вызывать маргинальность этноса как социальной группы, невключенность в глобальные экономические процессы. Адаптивным ответом этноса на вызов маргинализации становится его ассимиляция, отказ от собственной этничности. В статье рассмотрены механизмы этого процесса на современных примерах.

Ю. В. Кузнецов. Геополитические идеи и экуменизм В. С. Соловьева.

В статье рассматриваются взгляды В. С. Соловьева в качестве одной из форм русской геополитической мысли. Анализируются религиозные и историко-культурные предпосылки формирования геополитической концепции мыслителя. Делается вывод об актуальности убеждений В. С. Соловьева для современной России.

О. В. Спицина, Т. Н. Охотина. Хозяйственная деятельность как фактор развития норм обычного права сельского населения Мордовии в конце XIX — начале XX в.

В статье рассматривается хозяйственная деятельность русского и мордовского населения мордовского края, отмечается ее влияние на развитие норм обычного права в конце XIX — начале XX в. Многовековое соседство этих народов на территории Мордовии привело к созданию единого хозяйственного уклада. Основой экономической жизни сельского населения Мордовии было земледелие, которое определяло распорядок жизни.

С. А. Махалов. Пища и утварь мордвы Петровского района Саратовской области.

На основе полевых этнографических исследований описывается традиционная пища и утварь мордвы Петровского района Саратовской области XIX—XX вв. Прослеживается связь традиционной кухни мордвы с окружающей средой и сезонным характером сельского хозяйства.

Круглый стол «Современные культурные практики: от фундаментального до регионального».

А. Б. Пермиловская. Проблема сохранения культурных ландшафтов сельских исторических поселений Русского Севера.

Русский Север исследуется как специфическое культурное пространство, раскрываются особенности сельского ландшафта на примере Черевково — традиционного торгового двинского поселения. Наследие Русского Севера в форме сельских исторических поселений рассматривается как шанс развития территории, духовный очаг в культурном пространстве региона.

ANNOTATIONS

E. U. Baidarov. Central Asia: Problems and Contradictions in Integration.

Problems and contradictions in integrative processes in Central Asian states are considered in the article. Regional integration is characterised as non-alternative way to stability, progress, economic and military and political safety as well as to strengthening of Central Asia authority on the regional level in the world community. The conclusion that widening of integration on the regional level becomes one of the important ways for the economic crisis overcoming is made.

E. A. Kogai, K. A. Komkov. Improvement of Regional Image as Objective for Socio-Cultural Policy.

The problem in the development of the project on the promotion of a positive image of the Kursk Region on the interregional, federal and international levels is analysed in the article. Objectives for the increase in the role of symbols in the promotion of the region in the communicative space as well as element types of «image attractiveness» are determined. The problem of cultural heritage use as factor for social and cultural development of the region is touched upon.

M. F. Glukhova. Infrastructure of Regional Youth Policy: Main Features and Typologies.

Peculiarities in the youth sphere infrastructure in the framework of functioning of the regional component of the state youth policy are considered in the article. Preconditions for the development of infrastructure on the regional level are determined; its specific features are highlighted. An attempt to perform an infrastructure research through the formation of regional institution typology for work with the youth is made.

V. P. Minichkina, S. S. Artemyeva. Indicative Planning as Mechanism for Lessening Differences in Levels of Social and Economic Development of Regions.

The substantiation for restoring plan foundations in the economy of the Russian Federation and its constituent entities as well as for formation of alternative procedures for coordination of actions of the state and economic entities adequate to the market economy is given in the article. Administrative and normative methods of the state regulation are considered. Development of the grounds for the methodology and methods planning including normative and legal provision are offered.

V. I. Dobrynina, A. S. Lyakhovets. Towns of Modern Russia: Urbanized Approach.

Problems connected with the urbanized processes in Russia of the Soviet and post-Soviet periods are treated in the article. The typology of Russian towns is presented; tendencies in its changing in the conditions of radical changes characteristic for the last two decades have been brought to light.

E. A. Ermolaeva. Informative Environment of Small Town Management: State, Problems and Development Tendencies.

On the basis of the results of the applied sociological research present-day state of information environment of the Gubkinsky city district of the Belgorod Region is analysed. Its problems are considered and development perspectives are traced.

V. V. Smirnov. Paradigm and Conception of Efficient Social and Economic Development of the Region.

A paradigm for the efficient social and economic development of the region is offered; the essence of structural and functional interconnection between the regional sub-systems is explained; main stages in the economic development of the country and its regions are shown; a descriptive model for coordination of economic entities interests is presented; the conception of efficient social and economic development of the region is determined. Besides, objectives are set and main stages in the achievement of efficient social and economic development of the region are presented.

O. S. Panfilova. Informative Support for Business Processes Management.

The model for the analysis of the efficiency of processes in the quality system of an organisation based upon on the presentation of the system in the shape of an orientated chart is presented. The model and regimes of automated data processing got further development in the algorithm of program pack «IIMK — Master». The notions of resources transformation function and transformation efficiency coefficient are introduced; examples of the results analysis in application to the subject field under research are given.

T. B. Malinina. Dependency of Labour Measure on Consumption Measure in Social and Economic Development of the Region.

In the article it is emphasized that determination of interdependency between labour measures and consumption measure has been drawn to the measurement and commensurability of the expenses and the results of labour. Calculations of population consumption force in the Republic of Mordovia and the Leningrad Region are presented. It is shown that in the conditions of the production and consumption of the product as consumption cost the consumption measure exceeds the labour measure that is a necessary condition for the normal functioning and development of the human being, the state and its regions.

L. M. Kozhevnikova. Problems and Perspectives for Development of Agriculture in Russia and Eastern Siberia in Market Conditions.

The process of the transition to the market relations in agriculture of Russia and Eastern Siberia is analysed in the article. Special attention is paid to the reforming of property relations and economy management system. Positive and negative tendencies of the transition period are considered. Conditions and perspectives for the transition of agriculture to progressive evolution are defined.

B. I. Lomakin, N. K. Afonina. Social and Economic Evaluation of Dairy Branch Modernisation.

Social and economic evaluation of the state and development perspectives of the dairy branch of the country is given in the article. An attempt to analyse the process of the dairy branch modernisation in Russia by the example the Republic of Mordovia is made.

E. I. Chepina. Development of Regional Electric Power Industry Market.

Present-day state of the electric power industry market in the Republic of Mordovia is considered in the article. Comparative dynamics of electric power tariffs in the regions of the Volga Federal District is presented.

A. M. Mordvinov. Increase in Production Potential of Industrial Enterprises on the Basis of Efficient Electric Power Consumption.

Organisational and economic relations appearing at industrial enterprises in the process of efficiency management of electric power consumption are

considered in the article. The role of electric power as one of the important elements of production in technical and economic system «energy — speed — effect» is explained. Special attention is paid to the diagnostics of organisational and economic problems of increase in electric power efficiency in industry.

N. A. Philippova, M. S. Leбина. Modernisation of Organisation of Interaction between Law Enforcement and Tax Authorities of the Region in Delinquencies and Crimes Control in Taxation Sphere.

The process of interaction between law enforcement and tax authorities in the Republic of Mordovia in delinquencies and crimes control in the taxation sphere are analysed in the article. Methods for optimisation of the interaction such as exchange of operational information on taxes and dues law violations, organisation of joint tax payers' inspections, etc. are offered.

T. A. Kuznetsova, A. A. Tashkinov, V. D. Cherkasov. National Research University as Centre for Innovative Activity of the Region.

Main instruments for participation of universities in the development of educational and scientific and technical innovations are analysed in the article. The model for innovative training of competitive personnel is presented. Perm State Technical University is treated as an example of efficiently functioning regional centre for innovative activity.

M. B. Gitman, N. N. Matushkin, I. D. Stolbova, S. I. Pakhomov. Estimation of Quality of Post-Graduates Preparation for Innovative Activity.

Approaches to the evaluation of the quality of the system of post-graduates preparation for innovative activity are considered. The first one is based on the consistency principle and allows estimating the quality of the post-graduates preparation system in general; the second one — on the process and competency models and allows conducting estimation of personality of each post-graduate.

O. Yu. Osipova. Professional Competences, Valuables and Social Status of Young Scientists of the Region.

On the basis of the results of a sociological research professional competences, leadership potential, social orientations and motivation factors of scientific and research activities of young scientists of the Republic of Mordovia are analysed. Main characteristics of the social status and problems of young scientists are brought to light.

L. A. Davletshina. Forms and Methods of Professional Orientation of Future Specialists in Municipal Educational Institutions of the Region.

Form and methods of professional orientation work in municipal educational institutions of the Republic of Tatarstan are considered in the article. The problem of profilisation of education on the senior stage of compulsory education is touched upon. The model of network interaction with municipal educational institutions on the implementation of profile education on the base of the Resource Centre of Nizhnekamsk Branch of Moscow Humanitarian and Economic Institute is offered.

V. V. Avdeev. Consumption Sphere and Life Quality of Working Population of the Region.

The article is devoted to the analysis of basic indices of population of the Republic of Mordovia life quality in comparison with the other regions of the Volga Federal District. A positive tendency in their increase is shown but its low level in comparison to the other regions is underlined. Calculation of the human potential development index of Mordovia for 2010 is presented.

S. E. Maikova. Adaptation of Industrial Enterprises Personnel of the Region as Social Determinant for Inter-Organisational Changes.

Theoretical and practical aspects of the formation of the system for personnel social adaptation to inter-organisational changes at industrial enterprises of the Republic of Mordovia are treated in the article. The place and the role of personnel adaptation in the system of social determinants for organisational development have been put under research. The systematisation of adaptation types and the algorithm are presented. Main methods for adaptation procedures realisation are shown.

T. V. Fogel. Socially-Assistant Practices in Co-Ordinates of Social Changes in the Region.

On the basis of the data of a sociological research carried out in Ioshkar Ola social and demographic characteristics of socially-assistant practices are presented. Determinations for the person participation in the socially-assistant activity are described.

N. A. Philipenko. Social Loneliness among Teen-Agers of the Region: Socialisation Problem.

The problem of the social loneliness of the teen-ager is considered. The role of socialisation in the formation of active living position and the teen-ager communicative abilities in the conditions of the city by the example of the Republic of Marij El is emphasised.

I. V. Ivanov. Components of Programme of Implementation of Pension Savings Investment Potential on the Regional Level.

Offers on modernisation of the structure of complex programme for pension savings employment for regional economic development are given in the article.

R. R. Uraev. Problems of Non-Government Pension Provision Efficiency: Regional Aspect.

The article is devoted to the problem of non-government pension provision efficiency evaluation in the country. Data of sociological research are analysed. The author offers to consider modern pension system through the prism of complex evaluation of non-government pension provision efficiency which includes social and economic efficiency criteria.

D. A. Egorov. Additional Factors Promoting Successful Socialisation of Children-Orphans and Children without Parental Care.

Alternative ways for minimisation of factors traditionally determining the contents of children socialisation in the condition of the orphan asylum are considered.

E. N. Meleshina. Formation of Information Broadcast on Regional Air.

In the article it is underlined that regional TV-companies in the country at the turn of the new millennium experienced considerable changes. On August 11, 2003 almost complete transition of local television to information broadcast took place. At the same time the structure and the contents of news as well as the character of information presentation and order of video plots in a broadcast depending on the actuality of a topic and on the importance of this or that news for the local audience improved.

O. R. Mukhaev. Social Advertisement Problems in the Region.

The analysis of the state of social advertisement in the regions is carried out. The research conducted in the Republic of Mordovia showed the increasing interest to social problems as well as a high level of the requirement in this type of advertisement from the side of non-commercial organisations and social product producers.

A. R. Sharipov. Confessional and National Factors in Globalisation Process.

Some aspects of world confessions influence on the formation and development of the process of globalisation are considered in the article. Both confessional and national identities are important components of public and political as well as social and economic processes in the modern world. The analysis of the state and the development of inter-confessional interaction by the example of a number of countries including Russia is made.

Yu. G. Yushkova-Borisova. Ethnic Peculiarities of Population of Russia and its Influence on Production Process in Regions.

The mechanism of the ethnicity influence on labour motivations of population is analysed in the article. Ethnicity is treated as symbolically fixed in the ethnic culture complex of adaptations of the human being to the environment. Ethnic peculiarities of population in this case are the consequence of the human being centuries-long activities in the separate territory. Exactly these peculiarities can promote marginality of the ethnos as a social group as well as exclusion from global economic processes. Ethnos's assimilation and rejection of its own ethnicity becomes its adaptive response to this marginalisation challenge. Mechanisms of these processes by modern examples are treated in the article.

Yu. V. Kuznetsov. Geopolitical Ideas and Ecumenism of V. S. Solovyov.

View of V. S. Solovyov as one of the forms of Russian geopolitical thought are considered in the article. Religious and historical and cultural preconditions for the formation of the geopolitical conception of the thinker are analysed. The conclusion on the actuality of V. S. Solovyov's convictions for the modern Russia is made.

O. V. Spitsina, T. N. Okhotina. Economic Activity as Factor for Development of Common Law of Rural Population of Mordovia in the End of the XIX — Beginning of the XX Centuries.

Economic activity of the Russian and Mordovian population of the Mordva Krai is considered in the article. Its influence on the development of the common law in the end of the XIX — the beginning of the XX centuries is emphasized. Centuries-long neighborhood of these peoples in the territory of Mordovia promoted the establishment of the common economic mode of life. Farming determining the way of life was the base for economic life of the rural population of Mordovia.

S. A. Makhalov. Food and Household Utensils of the Petrovsky District of the Saratov Region.

On the basis of field ethnographic research the traditional food and household utensils of the Mordva of the Petrovsky District of the Saratov Region in the XIX — XX centuries are described. The interconnection between the traditional food of the Mordva and the environment as well as seasonal character of agriculture is traced.

Panel «Modern Cultural Practices: from the Fundamental to the Regional».

A. B. Permilovskaya. Problem of Cultural Landscapes of Historical Rural Settlements of the Russian North Preservation.

The Russian North is investigated as specific cultural space. Peculiarities of the rural landscapes by the example of Cherevkovo — a traditional trade Dvina settlement — are brought to light. The heritage of the Russian North in the form of historical rural settlements is treated as a chance for the development of the territory and the moral center of the cultural space of the region.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 30.06.11. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 18,34. Тираж 1 000 экз. I завод — 500 экз. Заказ № 919.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».
Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве ГОУВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.